

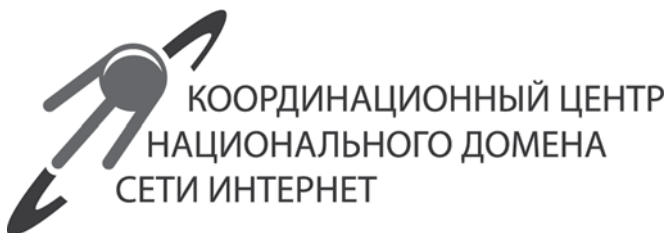
КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОГО ДОМЕНА
СЕТИ ИНТЕРНЕТ

АВТОРСКИЕ ПРАВА В ИНТЕРНЕТЕ

Перспективы системы авторского права и поддержка общественного достояния

webpublishers.ru

webpublishers•ru

Авторские права в интернете

Перспективы системы
авторского права
и поддержка общественного
достояния

Доклад группы экспертов

Ассоциация интернет-издателей
Москва
2012

ББК 67.4
УДК 347.78
А22

Доклад подготовлен НП «Ассоциация интернет-издателей» при участии НП «Викимедиа РУ» и кафедры новых медиа факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и поддержке АНО «Координационный центр национального домена сети интернет» и ЗАО «Технический Центр Интернет». Исполнители: Иван Засурский, Владимир Харитонов, Станислав Козловский, Анастасия Алексеева.

- А22 Авторские права в интернете. Перспективы системы авторского права и поддержка общественного достояния / И. Засурский, В. Харитонов, С. Козловский, А. Алексеева. М.: Ассоциация интернет-издателей, 2012. — 352 с.

Предлагаемый вашему вниманию доклад является результатом исследования, проведённого организованной Ассоциацией интернет-издателей группой экспертов, посвященного анализу проблемы реализации права авторов в интернете, сценариев дальнейшего развития авторского права и выработке рекомендаций по давно назревшей реформе системы авторского права с учётом дальнейших перспектив развития интернета и индустрии контента.

Текст доклада, за исключением
Приложения #8, публикуется
под лицензией Creative Commons
Attribution-ShareAlike 3.0
Unported License.

Оглавление

Предисловие • 7	
Авторское право и общественный договор • 9	
Переход на цифру: вызов для индустрии контента • 13	
«Проблема» пиратства: распространение без авторизации • 21	
Будущее авторского права: крайние сценарии реформы • 49	
Общественное достояние и «коллективный разум» • 56	
Концепция Московской конвенции по авторскому праву • 66	
Рекомендации • 75	
Приложения: материалы к докладу • 79	
1 # Независимый доклад Йэна Харгривса по за- казу премьер-министра Великобритании Дэ- вида Кэмерона «Digital Opportunity: A Review of Intellectual Property and Growth» (обзор) • 82	
2 # Независимый доклад Еврокомиссии «The New Renaissance: Report of the “Comite des Sages”» (обзор) • 101	
3 # Доклад Счётной палаты США о проблеме интеллектуальной собственности (обзор) • 112	

- 4 # Обзор исследований экономического влияния бесплатной дистрибуции на продажи книг • 129
- 5 # Предложения по реформе авторского права Форума свободной культуры («Декларация» и «Хартия свободной культуры») (перевод) • 141
- 6 # Международный «Манифест общественного достояния» • 163
- 7 # Совместное заявление объединённой группы «зелёных» и Европейского свободного альянса в Европарламенте «Творчество и авторское право в цифровую эпоху» (перевод) • 178
- 8 # Международное исследование «Медиапиратство в развивающихся экономиках: Россия» (перевод) • 192

Предисловие

Предлагаемый вашему вниманию доклад является результатом исследования, проведённого организованной Ассоциацией интернет-издателей группой экспертов, посвященного анализу проблемы реализации права авторов в интернете, сценариев дальнейшего развития авторского права и выработке рекомендацией по давно назревшей реформе системы авторского права с учётом дальнейших перспектив развития интернета и индустрии контента.

Необходимость трансформации системы авторского права как национальном, так и на международном уровне, — вывод, к которому всё чаще приходят специалисты (юристы, деятели культуры, экономисты и представители контентной индустрии) во всём мире. Один из самых показательных примеров такого рода — доклад профессора Йэна Харгривса «Digital Opportunity: A Review of Intellectual Property and Growth» (см. обзор доклада в Приложениях), выполненный по специальному заказу премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, ключевые рекомендации которого включают советы по снятию ограничений на копирование в личных целях, введение коммерческих реестров авторских прав, принудительное лицензирование «сиротских» произведений и т. д. Примечательно, что все предложения из независимого доклада

выглядят совершенно революционными как на фоне текущего английского законодательства, так и на фоне международных соглашений в сфере охраны авторских прав и интеллектуальной собственности.

Реформа системы авторских прав давно назрела. В каком направлении она должна осуществляться?

Авторское право и общественный договор

Система авторского права, почти без изменений просуществовавшая триста лет, и по сей день определяется способом производства и распространения физических объектов права. Она описывает ровно то, что позволяет индустриальный способ производства и распространения художественных произведений как материальных объектов, вещей, и защищает то, что этот способ производства ограничивает. Регулирование распоряжением, распространением (тиражированием и продажей) произведений, первоначально установленное соответствующими законами в отношении издателей (Statute of Anne, 1710, [gpl/HFHE0](#)), а затем и в отношении авторов, предполагало вещный характер произведений в качестве материальных объектов, производство и распространение которых возможно только и исключительно в виде вещей. При доцифровом способе производства невозможно беззатратное копирование и тиражирование произведений, оно требует серьезных финансовых и трудовых затрат, деятельности фабрик, наличие существующих в реальном физическом мире точек продаж и т. д. Просто скопировать книгу при традиционном способе печати было практически невозможно без полного воспроизведения всего цикла ее производства.

Именно это ограничение и эту производственную инфраструктуру охраняла система авторского права, регулировавшая имущественные отношения в сфере авторского права. На индустриальной инфраструктуре производства основывалось регулирование и неимущественных отношений, в которых авторы выступали в качестве производителей произведений, а книгопродавцы (и/или издатели) — инстанциями тиражирования и распространения конкретных вещей, без которых произведение и не могло попасть в публичный экономический оборот. Индентификация автора являлась проблемой скорее этической (проблема фальшивого авторства и плагиата) и цензурной (отсюда распространение практики регистрации и лицензирования права печатника и распространителя, присущее авторскому праву XVIII–XIX веков), нежели экономической.

Уже на раннем этапе становления систем авторского права были выработаны принципы, которые затем применялись в ходе дальнейшего их развития: принцип временности авторского права (первоначально выражавшийся в выдаче временных лицензий на продажу), принцип сохранения конкуренции, защищавший автора и первого продавца (издателя). Эти два принципа следуют из главного — принципа общественного компромисса (или баланса интересов): общество в лице государства соглашается на ограничения в обмен на творчество авторов и деятельность издателей. Этот принцип зафиксирован в ключевом для системы авторского права США поло-

жении конституции страны [1]: «[Конгресс правомочен...] содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на их сочинения и открытия». Такая формулировка общественного договора по вопросу прав авторов остаётся актуальной и до сих пор, в том числе и с учётом особенностей информационного общества.

Зародившись в начале XVIII века институт авторского права как системы регуляции государством конкурентных отношений на рынке и контроля за контентом книг, в XIX веке постепенно стал развиваться в сторону регуляции отношений не столько между государством и индустрией, сколько между авторами и индустрией, то есть именно в том направлении, которое система права приняла в XX веке на основе международных соглашений. Это нашло свое отражение в базовом в истории системы авторского права документе, которым стала Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений [2], остающаяся ключевым международным соглашением в сфере авторского права и по сей день.

Конвенция закрепила принципы автоматической охраны авторских прав и презумпции авторства: автор получает свои права без всякой регистрации по факту создания им произведе-

[1] Статья 1.8.8, <http://goo.gl/Ahn9G>.

[2] 1886, <http://goo.gl/TrkJ6>.

ния, который не требует никакого свидетельства или фиксации самого произведения. Кроме того, конвенция ввела принципы национального режима охраны и независимости охраны авторских прав, тем самым дав авторам возможность претендовать на охрану вне зависимости от государственных границ, но по законам государств, эту охрану осуществляющих.

Сделав основной акцент на правах именно автора, а не издателя, авторы Бернской конвенции, даже с учётом самых последних изменений, принятых в 1971 г., остались, однако, в рамках традиционной индустриальной модели авторского права, имеющего дела с вещами как физическими носителями произведений, определив литературные и художественные произведения как продукцию. В целом это же можно утверждать в отношении основных международных соглашений в области авторского права и интеллектуальной собственности, принятых позднее, конвенции TRIPS (1994) и договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (1996). Пятнадцать лет назад в целом уже были видны контуры интернета, но тогда было сложно предположить, что спустя не слишком большое время интернет и ИТ-технологии в целом будут решающим образом влиять на мировую экономику и жизнь миллиардов людей, делая любую информацию легко доступной в самом удаленном уголке планеты.

Переход на цифру: вызов для индустрии контента

Появление и бурный рост всемирной компьютерной сети, устранив проблемы в передаче, распространении, копировании любой информации, создал условия для реального перехода цивилизации на стадию информационную, а экономики — на стадию постиндустриальную. Для контентной индустрии, связанной с реализацией авторских прав, это дало новые возможности, но и обусловило появление проблем в системе авторского права.

Главное, что дали цифровые технологии индустрии контента, — возможность значительного снижения транзакционных издержек и расходов на дистрибуцию. Цифровому контенту не требуется транспорт, торговые площади и расходы на печать физических носителей. Переход на цифровой контент, безусловно, связан с необходимостью перестройки бизнес-моделей, однако если посмотреть на то, как переживает «цифровой прорыв» контентная индустрия самой передовой в технологическом отношении страны, США, то эта трансформация проходит вполне успешно, о чем свидетельствует сухая экономическая статистика трех основных отраслей индустрии контента.

Киноиндустрия

Статистика кассовых сборов американских кинотеатров демонстрирует, что киноиндустрия США успешно растет на протяжении последнего времени: в 2001–2010 гг. общие сборы выросли на \$2,123 млрд, достигнув более чем \$10,5 млрд [3]. Продажа билетов не единственный (и не самый главный) источник доходов киноиндустрии.

Значительно больше приносят ей выручка от продажи контента зрителям дома — продажи и прокат DVD, видео по запросу и потоковые сервисы. За первое десятилетие XXI века выручка от домашних пользователей выросла на \$1,9 млрд, достигнув \$18,8 млрд в 2010 году [4]. Правда, начиная с 2005–2006 гг., когда выручка достигала \$21,6–21,7 млрд, эти доходы стали снижаться в связи постепенным падением спроса на DVD. Однако эксперты отмечают, что это связано с отказом потребителей от DVD в пользу Blue-ray, а также растущей популярностью потоковых сервисов типа видео по запросу. Новый виток технологического развития менее болезненный, чем это происходило в предыдущий раз (с переходом с VHS на DVD в начале века), однако всё же позволяет сохранять устойчивость индустрии: за четыре года с момента появления технологии Blue-ray продажи этих дисков американцам до-

[3] goo.gl/nSgCF.

[4] goo.gl/Ayo9A.

стигли \$2,3 млрд, а выручка от потоковых сервисов за пять последних лет выросла с \$1 млрд до \$2,5 млрд.

Таким образом, даже без учёта мировых продаж лицензий и дисков, лицензирования проката фильмов для телевидения и кабельных сетей, а также оборота независимых компаний, за 10 лет, пришедшихся на бурный рост интернета, выручка американской киноиндустрии выросла с \$25,3 млрд до \$29,3 млрд.

Музыкальная индустрия

Музыкальная индустрия переживает смену цифровых технологий несколько тяжелее, чем кино, однако и здесь ситуация не настолько печальна, как обычно ее рисуют представители крупнейших звукозаписывающих компаний. В том числе и потому, что нынешние перемены далеко не первая «революция» в индустрии за последние 30 лет. В середине 1980-х американские компании перешли с винила на магнитную плёнку, а уже в начале 1990-х — на CD, которые стали основным источником их дохода. Эра CD оказалась более длительной, чем эпоха кассет. Рост цифровых продаж музыки стал заметен только в середине нулевых годов. А в 2010 году доля доходов от продажи CD упала до 49% только в 2010 году и будет продолжать снижаться и дальше. Последняя трансформация индустрии, связанная с изменениями предпочтений покупателей (они

с большей охотой покупают отдельные цифровые треки, которые стоят дешевле, чем альбомы), происходит болезненнее, чем предыдущие. Отчасти это связано с тем, что большая индустрия, потратив много лет на закончившуюся неудачей борьбу с цифровой музыкой, проходившей под слоганом «Уничтожить mp3», оказалась не вполне готовой к массовому отказу потребителей от физических носителей.

Тем не менее количество продаж, судя по совместному индустриальному отчету Nielsen Company и Billboard [5], на протяжении последнего десятилетия серьезно растет: разовые приобретения музыки превышают 1,5 млрд на протяжении трех лет (1,5 млрд в 2010 г., 1,6 млрд в 2009 г., 1,5 млрд в 2008 г.; для сравнения 1,4 млрд в 2007 г., 1,2 млрд в 2006 г. и 1 млрд в 2005 г.). Из общего количества покупок на цифровые приобретения в 2010 году пришлось 46% продаж (в 2009 г. — 40%, а в 2008 г. — 32%). Примечательно, что на протяжении последних нескольких лет снова стали расти продажи винила, которые, конечно, не делают погоды в индустрии, но, судя по всему, винил стал стабильной нишей для коллекционеров.

Ситуация в мировой отрасли примерно аналогична: в 2004–2009 гг. совокупные доходы музыкальной индустрии сократились на 30%, при этом продажи цифрового музыкального контен-

[5] 2011, <http://goo.gl/BRcnF>.

та выросли на 940% [6]. Особенно растут сервисы потоковой онлайн-трансляции музыки типа Rhapsody и Spotify.

При общем росте количества продаж совокупные доходы крупных музыкальных компаний США за 10 лет сократились примерно в 2 раза — с \$19 млрд в 2000 г. до \$8 млрд в 2009 г. [7]. Но и у американских компаний, и у мировой музыкальной индустрии есть все основания надеяться на рост цифровых продаж, который уже в ближайшей перспективе компенсирует падение продаж музыки на физических носителях. По мнению аналитиков Buisness Insights, мировые продажи музыки в цифровом виде вырастут с \$7,4 млрд в 2010 г. до 20,1 млрд в 2015 [8].

Стоит отметить, впрочем, что музыкальная индустрия, в отличие от киноиндустрии, состоит далеко не только из больших компаний. Собственно, основой их бизнеса является творчество миллионов музыкантов, которые зарабатывают на своей музыке, не только подписывая договоры со звукозаписывающими компаниями, но и исполняя ее на концертах или самостоятельно продавая записи на CD или в цифровом виде. И если оценивать ситуацию в целом, то она не так однозначна. По данным

[6] IFPI Digital Music Report 2010, <http://goo.gl/pgH0f>.

[7] goo.gl/9E2Us.

[8] The Digital Music Market Outlook, 2011, <http://goo.gl/87GTr>.

отчета eMarketer [9], в 2006 г. мировой рынок музыки (с учётом выручки от всех продаж, а также лицензирования и концертной деятельности) стоил \$60,7 млрд, в 2007 г. — \$61,5 млрд, то есть период расцвета файлообменных сетей и файлохранилищ, с которыми продолжает бороться лобби транснациональных контентных компаний. И существенную часть этих доходов получили сами музыканты: возможность самостоятельно цифровой публикации самим художником, безусловно, бросает вызов традиционной контентной индустрии, поскольку продажа всего двух песен через iTunes или другие онлайн-цифровые магазины приносит музыкантам те же деньги, что и отчисления от продажи одного CD-альбома звукозаписывающей компанией.

Книжная индустрия

Мировая книжная индустрия еще только вступает в большой переходный период трансформации, связанный с растущей популярностью электронных книг. На мировом рынке на нишу электронных книг приходится пока крайне незначительная доля. Единственная национальная индустрия, где эта доля уже значительна, — это США, где на цифровые продажи приходится уже

[9] Global Music: Tuning Into New Opportunities, <http://google/kBpg3>.

6,5% (данные Американской ассоциации издателей для 2010 г.) книжного рынка. Поэтому пока динамика мирового книжного рынка обусловлена внешними факторами — экономическим кризисом, конкуренцией со стороны других медиа за внимание читателей и т. д. Статистика фиксирует лишь незначительное (на 0,5%) снижение выручки 50 ведущих издательских компаний мира за 2008–2009 гг. [10]

Более значительно сокращение книжного рынка в России (на 16% за в 2008–2010 гг.) также пока никак не связано с переходом на электронные книги (их доля на российском рынке не более 0,1%). Оно вызвано значительным влиянием экономического кризиса на стратегию издателей (сокращение тиражей и повышение цен) и поведение потребителей (снижение покупаемых книг), а также конкуренцией со стороны других медиа, прежде всего телевидения и интернета.

Как видно из приведенных данных, влияние цифровой революции на мировую индустрию контента в целом можно оценить как естественную трансформацию. Некоторые отрасли справляются с ней более легко (например, кинематограф), другие (в частности, музыкальная индустрия) — менее легко, третьи — книжная индустрия — только вступили в переходный период.

[10] Отраслевой доклад по книжному рынку ФАПМК, 2011, <http://goo.gl/iaYLb>.

Говорить о серьезном кризисе или, тем более, о полной катастрофе, таким образом, вряд ли корректно. Однако цифровая среда, безусловно, ставит перед индустрией контента и системой авторского права, на котором основана ее работа, ряд серьезных вопросов, требующих решения.

«Проблема» пиратства: распространение без авторизации

В отличие от вещной среды, цифровая не просто снимает все физические ограничения по копированию, тиражированию и распространению цифровых объектов, но и радикально демократизирует этот процесс с точки зрения производства: то, что в индустриальную эпоху в вещной среде было занятием сложным, трудным, требовавшим средств, квалификации и трудовых затрат, в цифровой среде происходит практически незаметно или даже автоматически. Чтобы скопировать файл, не требуется ни высокой квалификации, ни времени, ни затрат. Вместе с глубоким проникновением компьютеров в образ жизни современного человека это формирует и соответствующие привычки поведения в цифровой среде, где копирование, передача и распространение файлов и информации является столь же естественным, как совместное прослушивание музыки, просмотр кино и обмен книгами в отношении объектов авторского права в физическом мире. А это, в свою очередь, порождает неавторизованное копирование и распространение, то есть создание и распространение копий произведений без соответствующего национальному и

международному законодательству разрешения от обладателей прав. С лёгкой руки представителей традиционной контентной индустрии такой образ поведения пользователей интернета, который, по их мнению наносит ущерб индустрии, получил общепризнанное название «пиратства».

Пиратство и «пиратство»

Вне контекста морского разбоя, считающегося международным преступлением, понятие «пиратство» впервые стало использоваться английскими издателями в XIX веке по отношению к издателям из США, которые практиковали издание книг авторов из Великобритании без разрешения и выплаты роялти, причём на законном основании. Согласно американскому закону о копирайте 1790 г. авторские права могли принадлежать только и исключительно гражданам Соединённых Штатов. Такое законодательство, как отмечают авторы доклада «Media Piracy in Emerging Economies», *«фактически установило политику дешёвых книг, ставших основой массового публичного образования»* [11].

Позиция законодателей была абсолютно сознательной, поскольку открыла американским издателям доступ к «бесплатной, как воздух» литературе на английском языке. Только в 1891 г. с

[11] Media Piracy in Emerging Economies / Ed. by Joe Karaganis. Social Science Research Council, 2011, p. 408.

принятием закона Чейса иностранным авторам были также дарованы ограниченные авторские права. Примечательно, что изменения в законе были пролоббированы одной из групп издателей, которая надеялась тем самым получить преимущества перед другой группой издателей, настаивавшей на сохранении статус кво. Впрочем, уступки международному праву в законе Чейса были сделаны во многом иллюзорные, поэтому проблемы между американскими и иностранными издателями в большей или меньшей степени сохранялись вплоть до 1989 г., когда США подписали Бернскую конвенцию.

Следует отметить, что легитимное «пиратство» американских издателей было реальной угрозой бизнесу английских издателей в США, поскольку в условиях такой «нечестной» конкуренции укрепиться на рынке США издатели из Великобритании просто не могли.

«Пиратство»: проблема определения ущерба

Проблема с современным «пиратством», то есть неавторизованным распространением цифрового контента в интернете, однако, состоит в том, что по отношению к нему нет консенсуса в обществе. Громче всех, безусловно, звучат голоса лоббистов традиционной контентной индустрии, которые полагают, что интернет-«пиратство» наносит ей серьезный ущерб. Они готовы даже

оценить его тем же способом, что и в XIX веке, то есть путем вычисления упущенной в неавторизованной дистрибуции прибыли, исходя из того, что любой бесплатно скопированный фрагмент контента в цифровом виде наносит урон в размере стоимости его купленного эквивалента. Юридически их подсчеты базируются на договоре Всемирной организации интеллектуальной собственности, которая уравнила цифровую форму произведения с произведением в материальной форме, несмотря на очевидное уже во второй половине 1990-х гг. различие характера и функционирования вещной среды и цифровой: *«право на воспроизведение, как оно определено в ст. 9 Бернской конвенции, и допускаемые этой статьёй исключения полностью применяются в цифровой среде и, в частности, в отношении использования произведений в цифровой форме»*.

Однако трезвый анализ «количественной оценки экономических последствий оборота контрафактной и пиратской продукции» (таков подзаголовок специального доклада Счетной палаты США, подготовленного для американского конгресса [12]) свидетельствует далеко не в пользу кажущейся «справедливой» логики правообладателей. Авторы доклада формулируют корректную базу для расчётов ущерба, указывая на

[12] Intellectual Property. Observations on Efforts to Quantify the Economic Effects of Counterfeit and Pirated Goods. Report to Congressional Committees United States Government Accountability Office (GAO-10-423), 2010. См.: goo.gl/4DGGV.

необходимость принимать во внимание норму замещения: «она означает, что, вместо купленного ранее фальшивого товара, потребитель хочет приобрести настоящий. Например, если потребитель платит за подделку, думая, что это подлинник, можно предполагать, что реальная копия могла бы быть куплена вместо фальшивого товара, и это называется нормой замещения 1:1. Но предположение 1:1 подразумевает наличие трех важных условий:

(1) фальшивое изделие почти не уступает по качеству настоящему;

(2) потребитель платит полную розничную цену за подделку;

(3) потребитель не знает, что покупает подделку».

Отмечая в целом «значительное прямое негативное воздействие контрафакции и пиратства на все заинтересованные группы участников, включая риски для здоровья и безопасности, потери в объемах продаж, обесценивание бренда, снижение стимулов к инновациям; для государства — это потеря налоговой прибыли, повышение расходов на правоприменение в сфере ИС, изменения в системе поставок с соответствующими последствиями для национальной безопасности», авторы доклада отмечают, что «характер последствий для потребителей, промышленности, правительства и экономики в целом может варьироваться и зависит от типа нарушений, отрасли производства, типа компании и других факторов». Более того, «вычислить чистый ущерб от пиратства и контрафакции в экономике в целом практически невозможно» как

из-за недостатка данных, так и по более общим причинам:

«Хотя эксперты и данные исследований приводят разные примеры последствий для экономики США, большинство из них считают, что, несмотря на значительные усилия, трудно и даже невозможно провести количественную оценку суммарного эффекта контрафакции и пиратства на экономику в целом. Например, ОЭСР пыталась разработать метод оценки экономических последствий контрафакции и пришла к выводу, что сделать приемлемую всестороннюю оценку контрафактной продукции невозможно. Далее ОЭСР констатировала, что получаемая информация, как то: данные по мерам правоприменения и результаты аналитических обзоров — “имеет существенные ограничения и сильно не дотягивает до того, что необходимо для разработки достоверной и всесторонней оценки”... Для определения суммарного эффекта следует учитывать любые положительные стороны так же, как и отрицательные последствия контрафакции и пиратства».

В применение к цифровому контенту, действительно, необходимо учитывать много разных факторов. И прежде всего то обстоятельство, что часто не выполняется ни одно из указанных условий нормы замещения: неавторизованные копии фильмов, например, часто не идут ни в какое сравнение с качественными оригинальными; потребитель ничего не платит; потребитель часто знает о том, что бесплатно копирует неавторизованный для распространения контент, либо,

оплачивая контрафактный контент, не знает, является ли его дистрибуция авторизованной (см. в связи с этим недавний опрос Фонда общественного мнения [13]).

Принцип учёта ущерба простым замещением, однако, не может быть корректен не только по этим основаниям:

- далеко не всякий цифровой контент, который можно найти на ресурсах, занимающихся его неавторизованным распространением, доступен в авторизованной дистрибуции: развитие цифровой дистрибуции отстает от спроса со стороны пользователей (и это особенно заметно в России);
- некоторые пользователи, скачивающие контент на ресурсах, распространяющих контент без авторизации, покупают его на авторизованных ресурсах. В этом случае неавторизованную дистрибуцию следует считать бесплатной рекламой авторизованных цифровых продаж. И в отличие от неопределенного и неопределяемого ущерба, существуют реальные доказательства пользы от «пиратского» распространения контента;
- некоторые пользователи, скачивающие контент у «пиратов», и не собирались приобретать его у авторизованного продавца в принципе: если ожидать прибыли от такого пользователя не приходится, то такое копирование не может на-

[13] goo.gl/BXVIQ.

носить и ущерба, однако его можно считать, как и предлагают некоторые эксперты, опрошенные авторами доклада Счетной палаты США, способом повышения переживаемого благосостояния пользователей;

- наконец, пользователи часто скачивают контент только потому, что это возможно, а не потому что они в действительности будут его потреблять — читать, слушать, смотреть. В этом смысле реального потребления вообще не происходит, а ожидать возмещения за отсутствующее потребление было бы вряд ли последовательным с точки зрения концепции нормы замещения.

Неавторизованная дистрибуция как принуждение к инновациям

Ситуация с наличием легального контента, находящегося в авторизованной дистрибуции пока далека от идеала: предложение легального контента в каналах авторизованной дистрибуции крайне мало. Особенно это актуально для России, контентная индустрия которой зачастую даже не замечает, что «переход на цифру» пользователями уже произошел, в то время как издатели — книг, фильмов и музыки — всё ещё продолжают мыслить категориями бумаги и дисков.

Если для примера взять книжную индустрию, то здесь ассортимент электронных книг, легально доступных читателям в России в сравнении с общим количеством книг, как ежегодно изда-

ваемых в России, так и изданных за последние 70 лет, крайне мал. Сравнения с ассортиментом крупных западных ритейлеров электронных книг он также не выдерживает.

Число выпущенных изданий в России

Год	Кол-во наименований книг
2007	108 791
2008	123 336
2009	127 596
2010	121 738
2011	122 048 *

** Прогноз на основе данных Книжной палаты за 8 месяцев 2011 г.*

Для сравнения приведем данные по ассортименту на авторизованных электронных ресурсах (08/2011): количество книг в самом крупном розничном магазине электронных книг России — около 50 тысяч [14], количество книг в самой крупной российской электронной библиотечной системе — 90430 книг [15].

Ассортимент крупных западных ритейлеров

Ритейлер	Ассортимент	Источник
Amazon eBooks for Kindle	761 785 книг	[goo.gl/AjOxy]

[14] goo.gl/LKGih.

[15] goo.gl/1Buju.

B&N Nook Books	> 1 млн книг	[goo.gl/iKjzF]
Kobo Books	> 2,3 млн изданий	[goo.gl/j9Mzs].
Google eBooks	> 3 млн книг	[goo.gl/P2B5S]

При этом на одном из самых популярных книжных сайтов с неавторизованным контентом lib.rus.ec находится более 190 тыс. книг. Как видим, даже этот ресурс уступает западным репозиториям. В ассортименте западных ритейлеров, особенно Google и Kobo, весьма значительную часть составляют не просто книги из backlist, но и вполне «букинистические» издания. Однако у российских дистрибьюторов старые книги составляют зачастую не просто значительную, но подавляющую часть ассортимента. Например, на сайте knigafund.ru честно указано, что более 83 тыс. книг из всего ассортимента (91%) — это электронные копии именно букинистических изданий. Такое предложение связано не с особыми предпочтениями продавцов, а с их стремлением продемонстрировать как можно больший ассортимент.

Дело в сложных и, во всяком случае пока, нерешенных проблемах российского электронного книгоиздания, связанных с техническими сложностями (неумение издателей производить электронный контент), финансовыми проблемами (необходимость инвестиций в новый, цифровой бизнес) и юридическими затруднениями (легальной продаже цифровых

книг должно предшествовать заключение договора с автором на «доведение произведения до всеобщего сведения», а значит, дополнительные транзакционные издержки и инвестиции в права).

Отдельной проблемой, особенно важной для книжной отрасли, а также отчасти актуальной для всей контентной индустрии, является проблема «сиротских» произведений, срок охраны которых еще не истек, но найти их правообладателя не представляется возможным. По некоторым оценкам, в частности согласно исследованию Совета по библиотекам и информационным ресурсам [16], на такие произведения приходится не менее половины общего корпуса книг (более 5 млн), оцифрованных ассоциацией крупнейших американских университетских библиотек HathiTrust. Использование «сиротских» произведений, которые, как правило, сложно найти даже в библиотеках, юридически невозможно. Тем самым громадный пласт культуры и науки выводится из актуального функционирования и обрекается на безнадежное устаревание вплоть до окончания срока охраны, после которого можно будет только надеяться на то, что эти произведения останутся хоть кому-нибудь интересными.

[16] 2011, goo.gl/mzeca.

«Пиратство» как реклама

Многие исследователи, в частности авторы доклада «Авторское право в Интернете: конфликты распределение ответственности и варианты регулирования» [17], обращают внимание на то, что у неавторизованной дистрибуции, если отнестись к ней объективно и непредвзято, есть и положительная сторона. Размещение в интернете произведений, даже без разрешения правообладателей, может способствовать росту авторизованных продаж, если они удовлетворяют требованиям качества (неавторизованный контент заведомо оценивается как возможно некачественный), справедливой цены (дешевле цены на физический носитель контента) и удобства (удобство поиска товара, платежей и т. д.).

В отличие от неverifiedируемого ущерба, вычисляемого путем простого «замещения» — ни одно из исследований «ущерба, наносимого пиратством» так и не смогло доказать его наличие и объем, — уже накоплен некоторый подтверждаемый опыт позитивного влияния «пиратского» распространения на авторизованную дистрибуцию.

Один из первых экспериментов по практическому измерению влияния неавторизованной

[17] Авторское право в Интернете: конфликты, распределение ответственности и варианты регулирования. СПб.: Институт проблем правоприменения, 2011. См.: goo.gl/МКАf2.

дистрибуции поставило крупнейшее американское издательство O'Reilly, специализирующееся на компьютерной литературе. В 2008 году издательство самостоятельно разместило в файлообменных сетях и в файлохранилищах несколько недавно вышедших книг с относительно низкими продажами. Спустя месяц средний уровень продаж книг незначительно вырос — на 6,5%. Аналогичные эксперименты были проведены издательствами Random House (2008) и Deseret Book (2010). Их результаты весьма похожи: «пиратская» дистрибуция либо влияла положительно на продажи, либо не наносила им никакого ущерба (см. приложение «Оценка влияния неавторизованной дистрибуции книг на их продажи»). В эксперименте Deseret Book были получены и дополнительные результаты: свободное распространение книг в большей степени повышает продажи электронных книг (на 79%), нежели бумажных (на 17%), и резко увеличивает интерес к конкретным книгам как таковым (рост интернет-трафика в 10,8 раза).

К похожим выводам пришли и авторы исследования 2009 г. «Ups and Downs. Economic and cultural effects of file sharing on music, film and games» [18], касающегося нелегального распространения музыки и компьютерных игр. Исследователи кон-

[18] Материалы исследования опубликованы в статье: Legal, Economic and Cultural Aspects of File Sharing // Communications & Strategies, 77, 1st Q. 2010. См.: goo.gl/lRhK7.

статистикой широкое распространение крайне широкое распространение практики копирования контента из неавторизованных ресурсов: копируют музыку 21% пользователей пяти крупнейших европейских стран; 38% пользователей во Франции; 37% пользователей в США (58% пользователей в возрасте 18–29 лет); 69% молодых пользователей в Великобритании; 44% пользователей в Нидерландах и т. д. При этом пользователи, которые регулярно пользуются файлообменными сетями, копируя и предоставляя возможность для копирования музыкальных треков, являются одновременно и активными покупателями музыки: 63% практикующих нелегальное скачивание музыки и игр покупают авторизованный контент после ознакомления с ним, полученным из неавторизованных источников. Кроме того, эти пользователи являются более активными потребителями легального контента — они покупают больше сопутствующих товаров и чаще ходят на концерты своих любимых исполнителей.

Правообладатели против «пиратов» и пользователей

Полное игнорирование позитивного эффекта неавторизованной дистрибуции со стороны правообладателей и их лоббистов — свидетельство того, что «цифровой переход» еще не завершен. Главное, что не завершена трансформация бизнес-стратегии контентной индустрии и со-

знания её деятелей, которые, будучи поставлены перед фактом повсеместного нелегального с точки зрения нынешнего авторского права копирования, всё ещё мыслят стандартами индустриальной эпохи, когда любое копирование означало прямое воровство и реальный ущерб. Привязанность к устаревающим моделям бизнеса вынуждает индустрию, правообладателей и авторов на немислимую и абсурдную в рамках любого рынка войну: *«если ранее издатель добросовестный при помощи авторского права боролся с издателем недобросовестным, то теперь издатель борется с пользователями»* [19], то есть с самим потребителями продукции индустрии.

Остановить эту войну правообладатели и их лоббисты надеются единственным способом — усилением государственного давления на интернет-пользователей и интернет-провайдеров как в плане правоприменительной деятельности (больше уголовных дел, больше случаев судебного преследования пользователей-нарушителей, борьба с «пиратством» и т. д.), так и в плане расширения сферы контроля за дистрибуцией контента вплоть до введения технического регулирования на уровне самого интернета.

Именно в силу массового характера неавторизованной дистрибуции её ограничение путем усиления давления государства не сможет отве-

[19] Авторское право в Интернете: конфликты, распределение ответственности и варианты регулирования. С. 10.

чать критериям эффективности, аккуратности и надежности. Как бы ни старались правоохранительные органы, всеохватное прекращение противоправной деятельности нарушителей невозможно чисто физически, не говоря уже о том, что соблюдение законности требует точного установления правонарушителя, что затруднительно не только в силу возможной (и распространенной) анонимности пользователей, но и по причине технических затруднений в установлении вины конкретного нарушителя. Ни совпадение IP-адреса, с которого осуществляется распространение контента, ни во многих случаях даже наличие соответствующего контента на компьютере пользователя еще не является исчерпывающим доказательством его вины (интернет-адрес подозреваемого может быть подделан или «заимствован» настоящим нарушителем, а его компьютер — взломан). Таким образом, усиление правоприменения может носить либо пропагандистский характер («избирательное правосудие»), либо учитываться правообладателями как реальный способ восполнения «ущерба от пиратства». Но даже при крайне активной позиции правообладателей и существенном наказании для правонарушителей (как в США, например: десятикратная компенсация, штраф до \$200 000 и тюремное заключение сроком на 5 лет) уровень неавторизованной дистрибуции продолжает расти: угроза разорения и длительного тюремного заключения оказывается не слишком действенной.

Неэффективной, судя по итогам деятельности американской Ассоциации звукозаписывающих компаний RIAA, является и финансовая сторона массового преследования нарушителей: на протяжении 2006–2008 гг. RIAA потратила \$60 млн на судебные преследования правонарушителей, получив \$1,5 млн в виде компенсаций [20]. Очевидно, что такого рода «борьба с пиратством» является не более чем дорогостоящим, но малоэффективным пиаром.

Неэффективность таких мер рано или поздно должна была стать (и уже становится) очевидной для самих правообладателей и их лоббистов в государственных структурах. Однако пока выводы, которые они делают из сложившейся ситуации, связаны не столько с изменением своей политики и бизнес-стратегии, сколько с надеждой на технические ограничения неавторизованной дистрибуции. Именно ей посвящен лоббируемый в США проект закона Protect-IP [21] и уже вступивший в силу в Великобритании «Закон о цифровой экономике» (Digital Economy Act 2010, или DEA).

[20] Ashley Kobi, «RIAA Monetary Recoveries in Illegal Downloading Cases Pale in Comparison to Legal Fees Paid» // American University Intellectual Property Brief, Summer 2010, 35. См.: goo.gl/84xi1.

[21] S.968: PROTECT IP Act of 2011. См.: goo.gl/AuXtG.

Технические ограничения по предотвращению неавторизованной дистрибуции

Логика интернета, созданного для обеспечения коммуникационных нужд во время ядерной войны, предполагает постоянное совершенствование функции обмена информацией и ведет к созданию всё новых и новых технологий, направленных на всё более эффективное решение этой задачи. Интернет создан для передачи информации, и поэтому любые (как программные, так и технические) ограничения на её распространение в нем достаточно быстро оказываются обойденными в рамках существующих технологий или превзойденными новыми технологиями (это касается даже тех решений по ограничению копирования, которые могут коснуться самой основы интернета — системы адресации доменов). Тем самым практически любые ограничения оказываются бессмысленными и даже в короткой перспективе плохо реализуемыми или чреватými неблагоприятными последствиями для всего интернета.

Весьма показательными и технически вполне грамотными являются выводы, к которым пришло министерство коммуникаций Великобритании (Ofcom) в докладе «Site Blocking to reduce online copyright infringement» [22], подготовленным в ответ на запрос министерства культуры,

[22] 2011, goo.gl/lepTK.

СМИ и спорта о том, возможна ли эффективная, аккуратная и надежная блокировка интернет-сайтов, признанных нарушающими авторское право и подлежащих блокировке в соответствии с принятым в 2010 г. законом Digital Economy Act 2010.

Авторы доклада самым внимательным образом проанализировали все доступные сейчас способы блокировки и пришли к неутешительному выводу: ни один из этих методов не является абсолютно эффективным.

Самый простой способ блокировки — блокировка IP-адресов — неудачен, поскольку одному IP-адресу нежелательного сайта может соответствовать несколько сотен совершенно посторонних сайтов, которые провайдер хостинга привязал к этому IP-адресу. Блокировка веб-адресов не слишком эффективна, поскольку требует работы с потенциально слишком большим списком адресов, что будет сказываться на работоспособности системы. Кроме того, она распространяется только на веб, а в интернете и помимо веба есть много других ресурсов хранения информации. Еще более ресурсоемкой является фильтрация запрашиваемого пользователями контента на основе анализа трафика. Блокировка на уровне DNS, по мнению специалистов Ofcom, является самой простой для реализации. Однако такая блокировка несовместима с новой системой DNS Security Extensions (DNSSEC), повсеместное внедрение которой ожидается уже в ближайшие годы.

Специалисты Ofcom констатировали и другое важное обстоятельство, связанное с блокировкой: ни один из ее способов не является надежным на 100% ни для блокировки пользователей, поскольку уже сейчас существуют технологии, вполне доступные даже не слишком квалифицированным пользователям, которые позволяют обойти любую блокировку, ни для блокировки «пиратов», которые могут относительно легко переносить содержимое своих сайтов с одного домена на другой, в другую юрисдикцию, или использовать другие интернет-технологии. Сами авторы доклада приводят примеры наиболее эффективных технологии обхода блокировки и со стороны пользователей, и со стороны «пиратов» и констатируют, что на нынешнем уровне развития технологий выполнение всех требований закона DEA или невозможно, или будет противозаконно.

Отсутствие общественного консенсуса по вопросу о «пиратстве»

Раскол по вопросу о неавторизованной дистрибуции, или «пиратстве», — проблема не одной только России. Это одна из ключевых проблем, с которой столкнулась цивилизация с появлением интернета и массовым внедрением информационных технологий, устраняющих технические ограничения распространения и копирования информации.

Специфика этой проблемы во многом определяется тем, что дискуссия по ней основными сторонами в споре — традиционными правообладателями и большинством интернет-пользователей — ведется несимметрично. С одной стороны фронта — те, кто полагает, что «всё, что может быть скопировано, не должно копироваться без разрешения», что институт авторского права и интеллектуальной собственности святы и неприкосновенны, а государство и общество должны любыми средствами оберегать и эту собственность как любую другую. С этой точки зрения любое покушение на интеллектуальную собственность является нарушением механизма производства интеллектуальной собственности и угрожает не только благосостоянию её владельцев, но и производству контента, а значит, и прогрессу человечества. Главные голоса на этой стороне фронта принадлежат крупным правообладателям, их лоббистским организациям, отчасти государству, а также тем производителям контента, которым сложившаяся система авторского права и распространения контента приносит ощутимые доходы. Очевидно, что эти голоса звучат в средствах массовой информации значительно громче, и еще громче — в коридорах всех ветвей власти.

С другой стороны баррикад — громадное большинство интернет-пользователей (в некоторых социально-демографических группах — подавляющее), для которых нелегальное копирование не является правонарушением, но, скорее, обы-

денной нормой. И для этого у них есть немало причин.

Неавторизованная дистрибуция — выбор молчаливого большинства

Одна из важнейших причина пиратства, выявленная в ходе исследования «Media Piracy in Emerging Economies», состоит в «длительном отставании предложения от спроса из-за искусственных ценовых ограничений или ограничений поставок» [23]. Именно в такой ситуации оказываются все развивающиеся страны, вынужденные догонять развитые страны в сфере высоких технологий в условиях запретительных для них цен на контент и низкой покупательной способности. И именно по этому сценарию развивалось несетевое неавторизованное копирование в 1990-х — начале 2000-х в России (см. в приложении к докладу главу из исследования «Media Piracy in Emerging Economies», посвященную России).

Важный аспект «первого закона пиратства» — серьезное отставание предложения контента от спроса на него: в условиях узкого ассортимента цифрового контента или, тем более, узкого ассортимента контента на физических носителях (это крайне актуально для России, до отдаленных уголков которой не добираются и, видимо, уже никогда не доберутся сети продавцов книг и

[23] Media Piracy in Emerging Economies, p. 400.

дисков) пользователи стараются удовлетворить свои потребности в контенте доступными для них способами.

И не только удовлетворить, но и помочь другим интернет-пользователям — на важность отношений взаимопомощи и взаимообмена для этики интернет-сообщества справедливо указывается в уже цитированном докладе Института проблем правоприменения. А своя этика в среде интернет-пользователей уже сформировалась. Не обращать на нее внимание или, более того, заведомо признавать ее аморальной и незаконной — весьма недальновидно, поскольку именно она формирует образ поведения сотен миллионов людей и повседневную практику бизнеса, так или иначе связанного с интернетом и IT-технологиями.

Авторы доклада обращают внимание и еще на один, не всегда очевидный, аспект «пиратства» — его неочевидность. В свое время договор ВОИС сформулировал положение, во многом определившее противоречивую судьбу традиционного авторского права в цифровую эпоху, приравняв цифровую форму произведения к самому произведению: «право на воспроизведение, как оно определено в ст. 9 Бернской конвенции, и допускаемые этой статьёй исключения полностью применяются в цифровой среде и, в частности, в отношении использования произведений в цифровой форме». Тем самым произведения в цифровом виде были уравнены в статусе с произве-

дениями в материальной форме, несмотря на очевидное уже во второй половине 1990-х гг. различие характера и функционирования вещной среды и цифровой. Авторы договора ВОИС упустили из виду важную деталь: в отличие от физического объекта, у которого есть обложка или упаковка с указанием автора, знаком копирайта и т. д., в цифровом объекте никаких идентифицирующих меток может и не стоять. И если идентификация контента в физическом виде давно уже не является проблемой в рамках инфраструктуры дистрибуции, то идентификация контента в цифровом виде вряд ли может быть решена, поскольку уже не привязана к индустрии. Идентифицировать цифровой контент для его коммерческого использования — это задача весьма актуальная, но требующая нетривиального решения, требующего радикальной коррекции основ современной системы авторского права, а именно — возвращения к концепции регистрации произведений. На необходимость этого указывают, в частности, авторы доклада «New Renaissance: Report of the Comité des Sages: Reflection Group on Bringing Europe's Cultural Heritage Online» [24], подготовленного по заказу Еврокомиссии и посвящённого проблемам оцифровки европейского культурного наследия: «В будущем следует избегать работ без авторства. Необходимо предусмотреть некоторую форму регистрации как предварительное условие полного осуществления прав. Бернскую

[24] Brussels, January 2011. См.: goo.gl/QtJe5.

конвенцию следует адаптировать к цифровой эпохе» (см. раздел Приложений к настоящему докладу).

Рядовой пользователь зачастую не обладает ни потребностью, ни навыками определения «легальности» или «нелегальности» доступного ему контента: по данным исследования «Downloadable Music Set Free: The Flip Side of DRM Protection» [25], 61% пользователей вообще не интересуются легальностью скачиваемого из интернета контента, а 78% не считают копирование контента из интернета преступлением. И это проблема не только «цифровая»: формула сроков охраны в национальных законодательствах практически никогда не совпадает с простой формулировкой Бернской конвенции, а выяснение реальных сроков охраны часто затруднительно даже профессиональным участникам рынка контента. Наглядное подтверждение тому — до сих пор не закончившееся судебное разбирательство между издательствами АСТ и Терра, которые уже несколько лет выясняют, охраняются ли произведения Александра Беяева.

Голоса этой массы интернет-пользователей пока едва слышны. Даже при стремящемся к объективности описании проблем авторского права средства массовой информации часто занимают позицию сохранения статус кво, морального

[25] Duke University, 2009. См.: goo.gl/g4oW6.

осуждения «пиратов» и усиления борьбы с нелегальным копированием. Такое отношение к проблеме со стороны испытывающей кризис части контентной индустрии, каковой зачастую являются сами СМИ, вполне логично. Однако в результате в общественном мнении создается ложное представление о том, что «пираты» — это какие-то несмышлёные хулиганы-подростки, которых достаточно покрепче напугать правоохранительными органами. И следует только принудить к помощи интернет-провайдеров, «наживающихся» на контентной индустрии, и проблема с нелегальным копированием будет решена.

Интернет-пользователи могут быть услышаны

Своего рода прорыв в политике авторского права произошёл в Европе, где Пиратские партии, сначала в Швеции, а затем и в других европейских странах, взяли на себя ответственность открыто представлять точку зрения большей части интернет-пользователей — и большей части нынешних избирателей. Примечательно, что некоторые лозунги Пиратских партий берут на вооружение и другие политические силы, в частности «зеленые». Недавнее заявление объединённой группы Партии зелёных и Европейского свободного альянса, посвящённое «Творчеству и копирайту в

цифровую эпоху» [26], в сущности, повторяет основные положения позиции Пиратской партии.

Другая, пока еще не слишком влиятельная общественная сила, поддерживающая тезис о том, что «всё, что может быть скопировано, будет скопировано» и это произойдёт независимо от воли владельцев интеллектуальной собственности и государства, но не мешает производству контента, а, напротив, может способствовать этому, — это растущее количество авторов свободного (или частично свободного) контента, выпускающих свои произведения под теми или иными видами свободных лицензий. К 2011 г. таковых произведений, по разным оценкам, опубликовано уже более 500 млн. Частично по ту же сторону «копирайтных баррикад» находится и академическое сообщество, которое не привыкло верить риторике сторонников жёстких методов борьбы с «пиратами», не основанной ни на каких фактах. По большей части молчаливо поддерживает более умеренное отношение к неавторизованной дистрибуции и ИТ-индустрия, поскольку, видимо, лучше остальных заинтересованных сторон понимает бесперспективность борьбы с ней и свою уязвимость с точки зрения законодательства, особенно в России.

Всех этих сил, однако, пока явно недостаточно для того, чтобы изменить отношение к традиции авторского права, которую государства, скован-

[26] Creation and Copyright in the Digital Era (05.10.2011, см.: goo.gl/4Cbnq).

ные международными соглашениями, вынуждены поддерживать. Даже США, дольше всех из развитых стран сохранявшие свою собственную систему охраны прав авторов, были вынуждена подписать Бернскую конвенцию.

Будущее авторского права: крайние сценарии реформы

Чтобы представить себе крайние варианты реформы системы авторского права, воспользуемся сценарным моделированием, предпринятым Копенгагенским институтом исследований будущего [27], — оно помогает лучше представить, к каким результатам может привести «победа» двух крайних сторон в споре.

Первый рассматриваемый специалистами института сценарий — «Власть картелей» — рисует картину реализации базовых идей сторонников запретительных, прогибиционистских мер в отношении регулирования интеллектуальной собственности:

- жесткий контроль интернета посредством введения интернет-ID для всех пользователей, фильтрация трафика на основе внедренных ID-меток контента;
- внедрение контроля контента для всех воспроизводящих устройств;
- запрет на доступ к интернету для нарушителей;
- объединение систем онлайн-ового и оффлайн-ового контроля.

[27] Anarconomy. Copenhagen Institute for Futures Studies. Report #3/2009. См.: Анархономика. М.: Ультракультура 2.0, 2011.

Такой сценарий реформы с неизбежностью приведёт к следующим результатам:

- приоритетное ранжирование трафика для коммерческого контента;
- ограничение распространения свободного программного обеспечения и контента;
- распространение альтернативных сетей как внутри Большого интернета, так и за его пределами;
- распространение практик взлома программного обеспечения и систем аппаратного контроля;
- рост неавторизованной дистрибуции контента на альтернативных сетях;
- олигополизация медийных корпораций и обеспечение относительного благополучия работающих на них авторов;
- политическое доминирование идей централизованного регулирования;
- общественное недовольство.

Противоположный сценарий, нарисованный Копенгагенским институтом («Эпоха возможностей»), описывает последствия полного отказа от контроля за неавторизованным распространением контента:

- повсеместное распространение дешёвого и быстрого доступа в сеть;
- огромный рост свободного и открытого контента;
- массовое распространение неавторизованного бесплатного контента;

- стагнация, упадок и разорение традиционных медиакомпаний;
- распространение новых бизнес-моделей распространения контента.

Как отмечают авторы доклада, «измеряемый с помощью традиционных средств глобальный экономический рост не слишком вырос по сравнению с 2010 годом, однако значительно выросло переживаемое благосостояние большого числа людей. Бесплатные продукты и услуги не фигурируют в счетах национальной экономики, но это не значит, что они бесполезны». Эта констатация подтверждается и главной формулой информационной экономики: если информационное богатство общество является суммой знаний, помноженной на скорость доступа к ним и коэффициент их доступности, то реализация второго сценария приводит к значительно большему повышению степени информационного богатства, нежели в случае реализации прогибиционистских мер.

Оба сценарии, очевидно, идеальны, хотя, надо отметить, что последний значительно больше отвечает реальности интернета и сложившейся у подавляющего числа пользователей во всём мире практики его использования. Но вряд ли эти сценарии могут реализоваться в полной мере уже сегодня. Причины этого можно разделить на правовые, коммерческие, моральные и технические.

Основные препятствия для реализации прогибиционистской модели:

- радикальный пересмотр систем права (причем не только на уровне национального законодательства, но и на уровне международного права) для внедрения тотальной регистрации контента, пользователей и медиаустройств во многих странах столкнется (и уже сталкивается) с противодействием со сторонниками защиты приватности;

- попытки создания картелей и олигополий встретят сопротивление со стороны малого и среднего бизнеса, а жесткое насаждение платной модели распространения контента вряд ли будет экономически эффективным;

- смешанная модель потребления контента уже сложилась, а её осуждение как аморальной — на фоне многочисленных правовых и коммерческих эксцессов (показательная расправа, недостаток предложения, нечистоплотное ведение «легального» бизнеса), а также реального роста доходов индустрии в целом — само по себе выглядит ханжеством;

- внедрение на 100% эффективных тотальных систем контроля и фильтрации технически невозможно, поскольку уже существуют (и будут возникать в дальнейшем) технически эффективные пути обхода ограничений.

Модель «полной свободы» немедленно реализоваться, безусловно, не может тоже:

- существенная инерция системы права и отчасти общественного мнения, которая не позволит в обозримом будущем полностью отказаться от охраны прав авторов;

- новые модели бизнеса на контенте, полностью отказывающиеся от схемы прямой продажи, пока реализуются только локально, на отдельных рынках и в каких-то ограниченных нишах;
- кроме того, они сталкиваются с правовыми ограничениями, сложившейся бизнес-практикой и консервативной позицией крупных медиакомпаний.

При этом прогибационистский сценарий имеет значительно больше негативных последствий, чем сценарий «снятия всех ограничений». Более того, реализация прогибационистского сценария рано или поздно приведёт к самым печальным последствиям уже не только для контентной индустрии, но и для цивилизации в целом. Прогибационизм просто опасен:

- попытки его реализации создают иллюзию защищённости;
- консервируют сложившиеся и неадекватные современности бизнес-модели;
- тормозит инновации в медиасфере;
- его эксцессы могут нанести ущерб уже сложившемуся IT-бизнесу и ограничить разработку новых технологий;
- тормозит решение назревших проблем в сфере авторского права;
- мешает преадаптации к новой стадии информационного общества;
- он просто неадекватен реальности.

Поскольку во многом именно сейчас Россия стоит на распутье в решении этой проблемы, то следует чётко осознать, что в большей степени

нужно стране — и обществу, и государству: защита локальных интересов традиционных медиаолигополий, установление дополнительных ограничений, запретов и санкций или аккуратная поддержка формирования новой информационной экономики? И два сценария — это не вопрос выбора. Прогибационизм — это то, чего следует избежать, чтобы переход к «эпохе возможностей» не оказался слишком болезненным.

Для того чтобы не делать неверных шагов, следует особенно внимательно рассчитывать последствия их внедрения. И взгляд «из будущего» может подсказать шаги в правильном направлении, которые помогут избежать негативных последствий прогибационистских мер и, по возможности, излишне радикальных быстрых решений.

Однако у современной системы авторского права есть ещё один пробел, который обычно упускают из внимания, рассматривая исключительно отношения интеллектуальной собственности и её коммерческого оборота, — общественное достояние. Во многом именно в общественном достоянии находится та самая культура, которая является основой формирования и общества как такового, и каждого отдельного человека. Национальные системы авторского права, как правило, ограничиваются только описанием перехода произведений в общественное достояние по истечении срока охраны и, к сожалению, ничего не делают для

реальной защиты корпуса общественного достояния (в частности, от «реприватизации» при продлении сроков охраны), его расширении и распространении.

Общественное достояние и «коллективный разум»

В современном мире понятие «общественного блага» оказалось сначала дискредитированно, а потом фактически замещено анализом выгоды того или иного решения или правового режима для развития бизнеса. Однако подобный подход игнорирует не только очевидные реалии жизни (мы все потребляем информацию, но далеко не всегда за нее платим и совершенно не обязательно это связано с каким-то бизнесом), но и целые социальные секторы (госсектор, образование, наука и исследования, частный сектор и т.д.).

Нигде эти противоречия не представляются настолько кричащими, как в сфере авторского права в цифровую эпоху. Развитие сети интернет и всей совокупности технологий, благодаря которым все больший процент нашего потребления, производства и обмена информации способствует переходу на цифровую платформу. Новые технологии требуют новых подходов к законодательству об авторских правах, что уже привело к появлению множества разрозненных инициатив, которые по происхождению можно разделить на академические (то есть исходящие от сектора науки и образования), индустриальные (происходящие из интернет-индустрии и смежных секторов цифровой индустрии) и политические (под

которыми можно подразумевать экспертные и политические инициативы).

В целом сложившуюся тенденцию можно обозначить как попытку скорректировать баланс между законодательством и традиционным укладом практики — с одной стороны, и требованиями развития, новыми технологиями и режимом их использования — с другой). При этом лозунги, под которыми сторонники перемен призывают к действиям, понятны и просты: расширение доступа к информации, снижение сроков охраны авторских произведений до 20 лет (с обязательной регистрацией в реестре, дающем 5-летнюю защиту с возможностью продления срока охраны, согласно инициативе «зеленых» партий Европы) и разграничение коммерческого и некоммерческого режимов их использования.

На сегодняшний день можно констатировать единство мнений экспертов относительно формулы богатства информационного общества:

Богатство информационного общества равно сумме знаний (под которыми понимается информация во всех её формах, включая научные и художественные произведения, образы и метафоры), помноженной на доступ в квадрате,

или

$\$i = \text{Знания} \times \text{Скорость} \times \text{Доступ в квадрате}$

Примечательно, что польза от информации растёт в геометрической прогрессии в зависимости от того, какое количество людей может ею пользоваться. Ведь люди также могут коллективно

работать над уточнением и развитием доступного знания, что с успехом продемонстрировала Википедия и другие современные интернет-ресурсы. Одним из важнейших параметров доступа является скорость обращения, или циркуляции, знания, которая зависит от его внутренней связанности (интеграции в другие источники и контексты). Другим — уровень развития информационной экономики (инфраструктуры публикации и потребления информации). Третьим (и определяющим) параметром является то, насколько лёгок доступ к информации, в том числе правовой режим, в котором находятся эти знания (в идеале, «общественное достояние»).

Богатство в информационном обществе — это инфраструктура знания и сила личности, имеющая возможность доступа к информации и культурному наследию. Когда говорят об участии государства в развитии интернета и его вкладе в развитие общества знания, обычно имеют в виду техническую инфраструктуру сети, расширение каналов доступа, в то время как по отношению к правовой составляющей (порой справедливо) господствуют негативные ожидания.

Мы всё ещё слабо представляем себе, как функционирует информационное общество и каким будет общество знания, не можем в полной мере описать его ни как систему рынков, ни как экосистему. Всё это нуждается в подробном и детализированном исследовании, которое еще предстоит провести. Нам трудно представить себе, как именно будет работать коллективное

сознание человечества в новых условиях, но можно утверждать наверняка, что в каком-то виде новые практики стремительно распространяются уже сегодня. У государств есть шанс сделать решительный вклад в его формирование. Ведь на уровне стран для развития общества знания можно сделать очень и очень многое и уже понятно, с чего следует начать.

Программы развития информационного общества

Подобно тому как большая часть индустриальных грантов должна идти на повышение эффективности и снижение экологического вреда производств, программа по развитию информационного общества должна быть чётко сфокусирована на умножении информационного богатства общества, которое создаст платформу для дальнейшего, пока не вполне предсказуемого развития нашей цивилизации под влиянием информационно-коммуникационной революции. Только так мы можем заложить фундамент для новой волны экономического роста и социального развития, не сопряжённой с увеличением количества потребляемых природных ресурсов, а именно снижения потребности в транспорте и бумаге и связанного с этим повышения производительности.

По мере увеличения объёма сферы общественного достояния парадоксальным образом станет

более жизнеспособной и экономика коммерческого сектора, потому что потребность в узкой специализированной информации из платных источников может возникнуть только в контексте большой и «богатой» информационной системы с открытым доступом к знанию. Мало кто готов платить за информацию общего характера, но трудно отрицать, что получение отдельных, специализированных информационных объектов мотивирует к их покупке по хорошей цене.

По мере роста знания, доступного обществу без ограничений и оплаты, потребность в «пиратском» получении информации будет снижаться, а запросы людей будут становиться всё более точными, специальными — и люди будут с большей готовностью платить. Причём в новой экономике авторы будут получать больше — за счёт снижения роли посредников.

Расширяя пространство знания за счёт внедрения режима общественного достояния и поощрения перемещения в него классических, востребованных, «потерянных», спорных и исторически значимых произведений, можно сделать решительный вклад в становление и благосостояние информационного общества. Это позволит радикально увеличить количество знания, доступного людям бесплатно, убрать препятствия на пути доступа к информации и радикально снизить цифровое неравенство. Этого можно добиться, в частности, через развитие открытых цифровых библиотек в национальном и международном масштабе.

Развитие общества знания открывает многие, подчас неожиданные возможности и в области международного сотрудничества. В частности выкуп полных прав на переводы произведений тех или иных авторов на национальных языках с последующей публикацией авторизованных произведений в открытом доступе. При этом речь идёт как о научных, популярных и публицистических, так и о всех прочих типах произведений, которые могут обретать «свободу» при переходе в другой язык, ведь в большей части случаев можно найти схему, при которой это будет происходить не в ущерб законным правообладателям, а пойдёт в плюс.

Развитие сферы общественного достояния

Существует масса способов увеличения суммы доступных обществу знаний и скорости их обращения. К ним относятся поддержка научной работы и междисциплинарных исследований, поддержка научных электронных журналов, законодательное упрощение перехода в общественное достояние и/или выкуп с передачей в общественное достояние прав на важнейшие произведения из недавнего культурного наследия, инвестиции в создание национальных электронных библиотек и цифровых архивов. Важно подчеркнуть, однако, что не следует ограничиваться созданием новых отдельных ресурсов —

баз знаний и энциклопедий. Открытость культурной и научной информации должна вовлекать в сотрудничество уже существующие интерактивные информационные системы, которые работают в правовом режиме общественного достояния, например ту же Википедию. В данном случае противопоставление «государственного» и «общественного» может пойти только во вред. Роль государства здесь — создать прилив, который поднимет все лодки.

У нашей страны особая судьба. Согласно официальной идеологии СССР, искусство принадлежало народу — и по сей день многие произведения находятся в государственной собственности, хотя формально правами на них распоряжаются те или иные организации. Передача в общественное достояние значительной части культурного наследия советской эпохи может стать огромным вкладом в развитие не только российского, но и мирового информационного пространства. Разумеется, важным условием успеха подобной программы является обеспечение легальности этой процедуры путём возвращения сроков охраны, действовавших на момент публикации произведений, а также, в особых случаях, выкупа авторских прав у авторов советской эпохи, с тем чтобы они не чувствовали себя обманутыми и сами могли почувствовать плюсы от тех шагов, которые государство делает для развития общества знания.

Разумеется, ситуация с советским культурным наследием уникальна. Делая его обществен-

ным достоянием, мы возвращаем его не только гражданам России, но всем бывшим гражданам СССР. Россия является правопреемником Советского Союза, и в этом смысле мы восстанавливаем справедливость: это наше общее наследие, пусть оно и дальше служит сближению и дружбе наших народов. Однако вместе с тем мы делаем его доступным и всем людям нашей планеты. Не без умысла: мы хотели бы дать пример другим в надежде, что он окажется заразительным и другие страны также смогут сделать акцент на развитии сферы общественного достояния, не ущемляя при этом права авторов. Говорят, что информация хочет быть свободной — пусть так и будет, и в этом отчасти состоит роль государства в XXI веке.

Готовность к участию и его результативность в поддержании тематических баз знания в открытом доступе (в том числе международных — таких как Википедия) должны стать главным из новых индикаторов оценки эффективности высшей школы, в первую очередь — исследовательских университетов, МГУ, СПбГУ, научной и образовательной системы в целом. Это реальный шанс на модернизацию не только системы знания, но и самих учебных учреждений: в конце концов, какой критерий может быть более объективным для оценки работы учёного, чем вклад в повышение информированности и образованности общества, уточнения и проверки доступной людям информации и знаний? Как легче «втянуть» студента или аспиранта в мир науки, если не че-

рез ясное представление результата научной деятельности и осознания миссии — нести знания людям!

Важнейшим условием облегчения доступа к знанию является рост уровня образования в обществе, достигаемый через введение в широкий общественный оборот знаний из разработок и лекционных курсов преподавателей лучших вузов страны (в первую очередь, государственных), и собственно доступность знания. Последнее не банальность, а необходимость разработки и повсеместного внедрения новых технологий образования, которые позволяют делать обычные аудитории «умными» классами, в которых возможно внедрение новых технологий работы с информацией. Ведь скорости передачи и обработки информации в наше время становятся всё выше, а в аудиториях порой кажется, что время остановилось, как будто на дворе даже не двадцатый, а девятнадцатый век.

Образовательные программы

Одной из наиболее перспективных и политически, даже стратегически обязательных мер по расширению доступа к знанию следует считать раздачу мультимедийных «читалок» (или айпадов) во всех школах и государственных вузах (поэтапно, начиная со старшеклассников). На момент выдачи учащимся они должны содержать максимальный объём необходимой учебной ли-

тературы и полную библиотеку книг из образовательной программы, а также давать доступ ко всему знанию, которое является общественным достоянием, ведь в XXI веке «Войну и мир» Толстого не нужно печатать, чтобы прочитать. А фильмы, снятые в СССР, не обязательно искать в интернете, чтобы посмотреть...

Понятно, что сопротивление монополистов с рынка образовательной литературы будет яростным и безапелляционным, но они не смогут остановить прогресс, только задержат развитие нашей страны. В сфере знаний роль монополий также деструктивна, как и в любой другой — они также тянут одеяло на себя. Государство не должно принимать их сторону, если политической задачей является модернизация.

Однако развитие общества знания в XXI веке не является уже исключительно прерогативой только системы образования. Эффект «информационной сверхпроводимости», достигнутый благодаря развитию современных технологий и информационной индустрии, делает соучастниками этого процесса всех и каждого. Поэтому для нас сегодня так важно не упустить шанс и придать реальное ускорение этому процессу за счёт тех сил и ресурсов, которые сосредоточены в руках государства.

Концепция Московской конвенции по авторскому праву

Необходимость реформы системы авторского права

Необходимость реформы системы авторского права как национальном, так и на международном уровне — вывод, к которому всё чаще приходят специалисты (юристы, деятели культуры, экономисты и представители контентной индустрии) во всём мире. Сложившаяся в индустриальную эпоху система охраны прав авторов и полностью соответствовавшая способу функционирования индустрии XIX и первой половины XX веков уже не соответствует цифровой эпохе. Принципы охраны прав авторов, сформулированные в основных международных соглашениях — Бернской и Женевской конвенциях и договоре ВОИС об авторском праве, — не могут быть реализованы в полной мере в условиях, когда сам способ производства, распространения, доступа и использования культуры изменился под воздействием цифровых технологий и интернета.

За последние годы появился ряд принципиально новых средств коммуникации и совместной работы. Основой экономического развития

становится оперативность создания и распространения произведений, а также лёгкость их доработки. Произведение часто более не является целостным и законченным, но представляет сложный комплекс индивидуальных коротких результатов интеллектуальной деятельности, подверженных постоянному изменению.

Фактически многомиллиардная аудитория интернета стала авторами. Каждый, кто активно пользовался сетью, часто, сам того не подозревая, создавал охраняемые произведения. Это привело к тому, что, с одной стороны, объёмы появляющейся информации стали непомерно огромны — за одни сутки создаётся больше охраноспособных произведений, чем за весь XIX век. С другой стороны, коммерческая ценность большинства этих результатов интеллектуальной деятельности крайне невелика, а часто и вовсе отсутствует. Соответственно стоимость потенциальных действий по их охране многократно превышает эту ценность. Как правило, правообладатели таких произведений и не подразумевают, что их творения будут охраняться, хотя и не прилагают усилий к тому, чтобы довести это до других и разрешить свободное использование.

Кроме того, интернет усугубил проблему так называемых «сиротских» произведений, поиск авторов и правообладателей которых невозможен либо требует непомерно больших усилий, в результате чего многие из таких произведений выпадают из гражданского оборота.

Ужесточение охраны — путь в тупик

Кажущиеся логичными выводы — ужесточение требований охраны и усиление контроля за распространением контента — не выдерживают технической проверки и не соответствуют возможностям правоохранительных органов, а также противоречат образу жизни человека цифровой эпохи. Авторское право действительно надо менять, но отнюдь не путём введения новых ограничений, но через переосмысление самих принципов авторского права.

Основные принципы реформы

В основу новой международной конвенции по авторскому праву должны быть положены реалистичные и реализуемые принципы, соответствующие интересам общества в целом, защищающие и права авторов на использование произведений, и права общества на доступ к культуре. Только при условии выполнения этих требований авторское право будет вызывать уважение и создавать новые возможности для творчества и развития общества.

Охранять охраняемое

Государство должно охранять личные (моральные или неимущественные) права автора, его

имущественные права (и право на коммерческое использование произведений), права на свободное распространение произведений, а также культурное наследие, находящееся в общественном достоянии.

Охрана прав авторов должна различать два вида этих прав — имущественные (права коммерческого распоряжения) и неимущественные (личные или моральные). Личные права — в частности право на имя, должны охраняться независимо от срока действия охраны прав. Охрана права коммерческого использования предоставляется государством автору в качестве привилегии и на ограниченный срок. Характер охраны должен зависеть от контекста опубликования и использования произведения. В частности использование произведения в личных целях без извлечения прибыли не должно подлежать государственному регулированию или ограничению.

Регистрация коммерческого использования произведений

Реализация этих принципов возможна через обращение к историческому правовому опыту, который есть у некоторых стран, а именно к регистрации произведений, предназначенных авторами к коммерческому обороту с выплатой им материального вознаграждения. Использование произведения в личных целях без извлечения прибыли проконтролировать невозможно,

поскольку проконтролировать можно только то, о чем имеется соответствующая информация. Для получения материального вознаграждения произведение следует зарегистрировать. Реестр ведётся под контролем государства, которое тем самым узнаёт, какие произведения необходимо охранять, например введение платной регистрации, аналогичной любой регистрации собственности. Введение регистрации позволит решить проблему «сиротских» произведений, ограничить объём государственного контроля, заставит авторов принимать осознанные решения в отношении своих прав и будет способствовать росту объёма информации в общественном достоянии.

Свободное использование

Автор, который хочет установить условия распространения произведения, может выразить свою волю в виде публичной свободной лицензии. Свободные лицензии для произведений, не подразумевающие получения материального вознаграждения авторами, не требуют официальной регистрации, признаются и охраняются государством. Произведения, по отношению к которым авторы не выразили своей воли в виде публичной свободной лицензии или не зарегистрировали для коммерческого использования, будут считаться перешедшими в общественное достояние.

Срок регистрации

Регистрацию произведений следует осуществлять на определенный срок. Таким сроком может быть 5 лет, как предлагает объединённая группа Партии зелёных и Европейского свободного альянса, или 14 лет, как предлагает известный специалист по авторскому праву Лоренс Лессиг. Конкретный срок регистрации может обсуждаться при создании новой конвенции по авторскому праву, однако он должен быть достаточно коротким и обозримым. Сама регистрация может продлеваться неоднократно, в случае если автор сочтёт, что коммерческое использование произведения ещё целесообразно.

Предельный срок охраны

Регистрация не может продлеваться бесконечно и должна быть ограничена предельным сроком охраны. Продолжительность предельного срока — предмет будущего обсуждения конкретных положений новой конвенции по авторскому праву. Однако уже сейчас понятно, что для подавляющего большинства произведений искусства и науки закреплённый в большинстве стран срок охраны должен быть сокращён — «70 лет после смерти автора» в реальности означает «пожизненное заключение» для таких произведений.

Срок должен зависеть от формы произведения — одинаковая охрана фильмов, научных статей, компьютерных программ и комментариев в блогах, очевидно, нерациональна. В частности это касается текстов науки, чей срок охраны, учитывая быстроту изменений, происходящих в науке, целесообразно ограничить самым минимумом, тем самым обеспечив более быстрый оборот и умножение научного знания.

Поддержка общественного достояния

Государство обязано заботиться не только об интересах авторов, но и об интересах общества, то есть об охране и поддержке общественного культурного достояния. В соответствии с принципами новой конвенции по авторскому праву сфера общественного достояния будет пополняться произведениями, в отношении которых истёк срок охраны имущественных прав, произведениями, незарегистрированными для коммерческого использования и в отношении которых авторы не выразили свою волю в виде публичной свободной лицензии, а также произведениями, созданными за счёт государства.

Государство не должно допускать обратного перехода произведения из общественного достояния, а также должно заботиться о сохранении сферы общественного достояния и обеспечения к нему доступа в цифровой форме.

Переходный период

После принятия конвенции необходим переходный период, который должен длиться не более срока регистрации. В течение этого периода авторам и их наследникам предоставляется возможность зарегистрировать свои произведения для их коммерческого использования или распорядиться ими через распространение под публичной свободной лицензией (если срок охраны произведения ещё не превысил предельного срока охраны, утверждённого конвенцией). В противном случае эти произведения переходят в общественное достояние.

«Советская» оговорка

Независимо от перспектив и сроков принятия Московской конвенции по авторскому праву, в качестве акта доброй воли и заботясь об охране и приумножении мирового общественного культурного достояния, Российская Федерация может признать, что все произведения, созданные на территории СССР и имущественными правами на которые в настоящее время распоряжается Российская Федерация, органы федеральной и муниципальной власти, а также другие государственные учреждения или распоряжались на момент изменения формы государственного устройства, переходят в общественное достояние.

ние. Кроме того, в случае если по действовавшим на момент публикации произведений законам срок охраны истёк, произведение также может быть признано перешедшим в общественное достояние.

Рекомендации

Подводя итоги проведённого исследования, можно сформулировать основные принципы, в соответствии с которыми может осуществляться реальная, а не декоративная реформа системы авторского права.

1. Необходима смена парадигмы охраны прав авторов от запретов в отношении некоммерческого использования к поощрению коммерческого использования.

2. Переход от не эффективной по самой природе борьбы с «пиратством» к расширению сферы общественного достояния и его целенаправленной поддержке со стороны государства.

Уже сейчас представляются актуальными следующие конкретные шаги:

- декриминализация нарушений авторского права и отмена уголовного наказания за его нарушение;
- введение аналога американского DMCA, по крайней мере в части, касающейся ответственности интернет-посредников;
- упрощение некоммерческого использования автором своих произведений через окончательную легитимацию института свободных лицензий;
- упрощение принципов определения длительности сроков действия авторского права и

возвращение к срокам, рекомендованным Бернской конвенцией;

- постепенное введение принципа полной охраны на срок, не превышающий требований Бернской конвенции, только для произведений, зарегистрированных в уполномоченном органе; регистрация должна осуществляться на ограниченный срок (например, в Гражданском кодексе по умолчанию принято 5 лет), который может продлеваться неоднократно автором или его наследниками не более чем на срок, обозначенный Бернской конвенцией, то есть 50 лет после смерти автора;

- «культурная амнистия» для произведений искусства советского периода, то есть передача в общественное достояние произведений, созданных за государственный счёт со сроком охраны, истекшим в соответствии с действовавшим на момент обнародования произведений законом (соответственно для произведений до 1973 г. — 15 лет, произведения 1974–1992 гг. — 25 лет; в этом случае большая часть произведений, созданных в СССР, автоматически станут общественным достоянием);

- декриминализация некоммерческого копирования и распространения произведений;

- отмена государственной аккредитации обществ по коллективному управлению правами авторов для сборов в пользу авторов, которые не передавали им таких полномочий;

- ликвидация практики двойных сборов, проводимых обществами по коллективному управ-

лению правами, когда деньги в пользу правообладателей собираются дважды — со средств массовой информации и с предприятий, ретранслирующих их передачи;

- создание государственного или контролируемого государством регистра авторских прав в коммерческом обороте;

- разработка правового механизма использования «орфанных» («сиротских») произведений;

- активное участие России в общеевропейском проекте оцифровки культурного достояния Europeana (см. обзор доклад Еврокомиссии «Новый Ренессанс» в разделе Приложений).

Приложения
Материалы к докладу

Приложения: материалы к докладу

1. Независимый доклад Йэна Харгривса по заказу премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона «Digital Opportunity: A Review of Intellectual Property and Growth» (обзор)

2. Независимый доклад Еврокомиссии «The New Renaissance: Report of the “Comite des Sages”» (обзор)

3. Доклад Счётной палаты США о проблеме интеллектуальной собственности (обзор)

4. Обзор исследований экономического влияния бесплатной дистрибуции на продажи книг

5. Предложения по реформе авторского права Форума свободной культуры («Декларация» и «Хартия свободной культуры») (перевод)

6. Международный «Манифест общественного достояния»

7. Совместное заявление объединённой группы «зелёных» и Европейского свободного альянса в Европарламенте «Творчество и авторское право в цифровую эпоху» (перевод)

8. Международное исследование «Медиапиратство в развивающихся экономиках» (глава, посвященная ситуации в России) (перевод)

Йэн Харгривс

**«Возможности цифровых технологий:
Аналитический обзор прав интеллектуальной
собственности и экономического роста» [28]**

**Интеллектуальная собственность —
важный фактор роста**

Развитые экономики, подобные экономике Великобритании, признают чрезвычайную важность инноваций для повышения своей конкурентоспособности. Интеллектуальная собственность (ИС) становится все более важным инструментом стимулирования экономического роста. Каждый год в течение последнего десятилетия инвестиции английского бизнеса в нематериальные активы превышали инвестиции в материальные активы: в 2008 году 137 млрд фунтов затрачено на нематериальные активы, то есть вложено в ИС, по сравнению с 104 млрд фунтов, инвестированных в материальные активы. Эти инвестиции в ИС составляют 13% от валовой добавленной

[28] Ian Hargreaves, «Digital Opportunity: A Review of Intellectual Property and Growth», May 2011. См.: <http://goo.gl/ivqTh>. Обзор независимого доклада, подготовленного по заказу премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона.

стоимости в рыночных ценах, причем половина обеспечена правами на ИС. Только международная торговля лицензиями на ИС дает более 600 млрд фунтов стерлингов в год, что составляет 5% от всего объема международной торговли, и эта цифра продолжает расти. Небольшие и молодые инновационные компании имеют ключевое значение для экономического роста и создания рабочих мест, но ограничения в применении прав ИС будет способствовать росту транзакционных издержек и закроет вход на рынок этим новым игрокам. Хотя они представляют только 6% фирм страны, где трудятся более десяти сотрудников, с 2002 года они создали 54% рабочих мест.

**Правовые нормы ИС отстают,
и необходимость их адаптации
к современным условиям
не вызывает сомнений**

Закон об ИС должен быть адаптирован к изменениям. Цифровые коммуникационные технологии включают обычное копирование текста, изображения и данных, что означает, что закон об авторском праве стал выступать нормативным барьером при создании определенных видов новых отраслей интернет-бизнеса.

Поскольку две трети мирового населения еще не имеют прямого подключения к интернету, цифровая революция отнюдь не закончилась.

Главный вывод, который следует из обзора: нормативно-правовая система ИС должна меняться, чтобы содействовать инновациям и росту. Существующая система ИС, особенно в области копирайта, в Великобритании отстает от того, что требуется в современных условиях.

Это особенно важно на международном уровне, где сталкивается множество интересов, а прогресс на пути заключения международно-го соглашения по вопросам ИС удручает своими темпами. В докладе поддерживается ряд международных инициатив, и главным приоритетом названо создание единого патентного суда и патентной системы Евросоюза.

Стратегические решения должны приниматься на основе экономически обоснованных данных

Существуют три реальных препятствия для использования практических доказательств влияния ИС на экономику.

- Во многих сферах прав на ИС трудно собрать данные. Если патенты оформляются документально и их владельцев можно отыскать, то с незарегистрированными правами на дизайн и копирайт этого сделать сложно или даже невозможно.
- Самые спорные стратегические вопросы возникают в областях (таких, как программное обеспечение, цифровые коммуникации и биотехно-

логии), которые появились недавно и где не все до конца ясно, поскольку они охватывают новые технологии и новые рынки, чьи характеристики не так хорошо известны и измеримы.

- Часто данные, необходимые для выработки эмпирических доказательств в сфере копирайта и дизайна, находятся в руках частных лиц, и становятся известными публике главным образом благодаря активности лоббистов, а не для проведения независимых и верифицируемых исследований.

Для преодоления указанных препятствий требуется не только максимально использовать известные методы исследования, не только учиться на уроках из других областей исследования, чтобы использование экономических методов давало надежные результаты, но и применять стандарты прозрачности и открытости как к методологии, так и к самим данным.

Всё это предполагает наличие соответствующей институциональной среды, которая будет побуждать органы власти действовать в соответствии с представленными доказательствами.

Биржа цифрового копирайта будет способствовать лицензированию авторских прав и реализует потенциал творческой индустрии

Что касается копирайта, то интересы творческой индустрии Великобритании — дело государственной важности. Экспорт цифровой

творческой индустрии занимает 3-е место после высоких технологий, финансовых и профессиональных услуг. Для дальнейшего роста отраслей творческого бизнеса в глобальном масштабе им необходимы эффективные, открытые и продуктивные рынки у себя дома, где авторские права незамедлительно лицензируются и успешно защищены.

Предоставленная такими компаниями, как CBI, News Corporation, Pearson и др. информация для данного аналитического обзора (в ответ на просьбу «представить практические доказательства») позволила обнаружить дефекты в процедурах лицензирования. Изучив все предложения, включая соглашение о поиске книг Google, совсем недавно заблокированное федеральным судом США, данный обзор предлагает правительству Великобритании объединить интересы правообладателей и других представителей бизнеса и создать первую в мире биржу цифрового копирайта.

Её создание позволит малым и крупным правообладателям с меньшими усилиями продавать лицензии на свои работы, а другим — покупать их. Рыночные операции будут проходить быстрее, станут более автоматизированными и дешевыми. В результате появится рынок цифрового копирайта Великобритании, более прозрачный и приспособленный к разрешению споров, а также избавленный от дорогостоящих судебных разбирательств.

В результате, имея конкурентные преимущества в области творческого контента, Великобритания сможет стать лидером в предоставлении услуг для

глобальных игроков, которые лицензируют контент для использования на мировых рынках контента.

Дальнейшие шаги по модернизации лицензирования авторского права

Вместе с созданием более приемлемых условий трансграничного лицензирования в странах Евросоюза, массового лицензирования больших цифровых коллекций и обычной практики организаций охраны авторских и смежных прав Великобритании может претендовать на место ведущего центра сервисной поддержки по вопросам ИС в Европе.

В то же время правительству давно следует принять необходимые меры для обновления закона об авторском праве, чтобы потребитель в него поверил. Начать надо с законодательного закрепления свободного использования огромной сокровищницы авторских работ, которые практически недоступны, — это касается работ, чьи правообладатели неизвестны. Подобные шаги не приведут ни к каким экономическим издержкам.

Копирование следует узаконить, если копируют в личных целях или не нарушают основополагающие положения права

Великобритания пошла по пути неполной реализации всех своих прав, предоставленных законо-

дательством ЕС, чтобы позволить частным лицам в личных целях менять формат музыкального произведения или видео и использовать материалы, охраняемые авторским правом, в пародиях. Также Великобритания не разрешила своим крупным библиотекам архивировать все оцифрованные материалы, охраняемые авторскими правами. Пользуясь этими исключениями, санкционированными ЕС, страна сможет получить большую культурную и экономическую выгоду. Это поможет людям лучше понять и сделать более приемлемым для практического применения закон об авторском праве. Помимо этого, необходимо изменить правила, которые позволят ученым и исследователям использовать современные технологии поиска информации и анализа данных, применение которых запрещено авторским правом.

Создание устойчивой законодательной и нормативно- правовой базы

Использование в Европе правовой доктрины США о добросовестном использовании (fair use) вряд ли юридически целесообразно. Великобритания могла бы получить больше преимуществ, применяя исключения из авторского права, уже разрешенные по законодательству ЕС, и отстаивая дополнительные исключения, которые позволили бы закону об авторском праве ЕС адаптироваться

к технологическим инновациям будущего, если, конечно, не возникнет угрозы для правообладателей.

Режим авторского права не может считаться пригодным для цифровой эпохи, когда миллионы граждан каждый день нарушают авторские права, просто перенося музыку или видео с одного устройства на другое. Люди не знают точно, что разрешено, а что — нет. Для изменения этой ситуации предлагается внести определенные коррективы. Обзор рекомендует офису ИС официально разъяснять положения закона в случаях, если его не понимают или если появляются новые реалии в технологиях или на рынках, которые вызывают новые вопросы.

Адаптация нормативов патентования и дизайна к меняющимся обстоятельствам

Появление новых технологий оказывает влияние на систему патентования, где наблюдается заметный рост уровней, особенно в сферах компьютерного программирования и телекоммуникаций. В результате патентного бума в патентных организациях возникают «завалы заявок» и так называемые «патентные чащи», что препятствует инновациям проникать на рынок. В решении этих проблем ключевым фактором является международное сотрудничество, возможно, через координацию структур пошлинных выплат с

целью отсеивания патентов самого низкого уровня.

Необходимо также принять меры в отношении сектора дизайна, который в Великобритании испытывает существенный подъем и является самым крупным источником интеллектуальных инвестиций в экономику. В связи с существующими наложениями в законе об интеллектуальной собственности данный сектор не пользуется теми преимуществами, которые есть у других отраслей и которые полностью защищены авторским правом. Появление 3D-печати вызвало новые технологические проблемы, которые требуют тщательной переоценки ИС и продукции дизайна.

Эффективное правоприменение требует образования, эффективных рынков, соответствующего режима правоприменения и современной нормативно-правовой базы

Предмет, который является общим для всех областей ИС, — это правоприменение. Права интеллектуальной собственности не могут быть успешно реализованы для выполнения своей главной экономической функции — стимулирования инноваций, если ими пренебрегают или они слишком дорого стоят. Неэффективные правовые режимы хуже, чем отсутствие режимов, поскольку на практике они сбивают с толку. Пренебрежение

законом в самом худшем случае разрушает социальную солидарность и приводит к тому, что законопослушное большинство объединяется против криминального меньшинства.

В отношении цифрового мира возникает вопрос: если копирование и распространение более или менее ничего не стоят, то как должно выглядеть эффективное правоприменение?

Никто не сомневается, что пиратство в сфере авторского права происходит в довольно больших объемах, но достоверных данных о его масштабах и тенденциях почти нет. Оценки масштабов нелегальных цифровых загрузок колеблются от 13 до 65%. Детальный анализ данных показал, что прозрачных исследовательских критериев там очень мало. Тем временем уровень продаж и прибыли в большинстве секторов творческого бизнеса остается высоким. Из этого мы делаем вывод, что, несмотря на нарушения в области цифрового копирайта, на общем экономическом уровне измеримые последствия не так сильно сказываются, как иногда может показаться.

Только одним жестким правоприменением не решить проблем нарушения авторского права. Правительство должно действовать по четырем направлениям: модернизация закона об авторском праве, образование, практика правоприменения и все, что приведет к свободному и конкурентному рынку лицензированного цифрового контента так, чтобы законно приобретенный цифровой контент стал более доступен для потребителей. Жесткие меры правоприменения

менения для онлайн-продукции, прописанные в Акте о цифровой экономике, должны строго контролироваться, так чтобы их можно было скорректировать в соответствии с практическими данными. Поскольку споры об ИС чаще возникают в среде малого и среднего бизнеса, а это очень важный сектор экономики, правительству следует ввести процедуру рассмотрения в судах малых исков по делам об ИС.

Помощь малому и среднему бизнесу в реализации потенциала ИС

Предприятия малого и среднего бизнеса получают выгоду почти от всех изменений, рекомендованных в данном Обзоре: от простого европейского патента и более легкого лицензирования копирайта до более высокого уровня правовых нормативов для дизайна и контроля состояния патентов. Рекомендуется понизить оплату консультаций по вопросам ИС для малых и средних предприятий.

Создание правовых нормативов ИС, адаптируемых к новшествам в технологиях и рынках, требует изменений в работе офиса интеллектуальной собственности

Необходимы институциональные преобразования, если правительство хочет, чтобы Офис ИС

сосредоточил усилия на вопросах содействия инновациям и росту. Это подразумевает, что впервые Офис получит всеобъемлющий правовой мандат на осуществление экономических целей наряду с полномочиями на доступ к данным, так чтобы рекомендации для антимонопольных органов были конструктивными. Для большей ясности в вопросах копирайта и контроля ситуации на рынках Офис должен выпускать официальные разъяснения, которые суды были бы обязаны принимать во внимание в случае рассмотрения соответствующих дел.

Резюме

В целом Обзор предлагает проведение совершенно конкретных изменений в стратегии ИС, направленных на то, чтобы обеспечить такие правовые рамки ИС в Великобритании, которые бы наилучшим образом содействовали внедрению инноваций и способствовали экономическому росту в цифровую эпоху. У этих изменений скромные амбиции, но они полностью выполнены.

Особые рекомендации Обзора должны способствовать росту экономики Великобритании, содержание нематериальных активов которой все больше увеличивается.

Для этого потребуется:

- эффективная система лицензирования цифрового копирайта, где не будет ничего, что не ис-

пользуется по причине отсутствия правообладателя;

- такой подход к исключениям в авторском праве, который поддержит новые успешно развивающиеся предприятия цифровых технологий как внутри, так и вне творческой индустрии;

- патентная система, способная предотвратить высокий спрос на патенты, что является серьезным препятствием для самых приоритетных технологий при проникновении на рынок;

- надежные и доступные по стоимости консультации для небольших компаний, чтобы они успешно процветали в секторах британской экономики, в наибольшей степени связанных с ИС;

- обновление институционального управления в системе ИС, что позволит ей органически адаптироваться к изменениям в технологиях и рынках.

Если будут выполнены рекомендации, предложенные в Обзоре, то это повысит темпы внедрения инноваций и приведет к быстрому экономическому росту. Оценка экономических последствий, проведенная авторами, которая поддерживает некую долю приближений, свойственную подобным проектам, показывает, что ежегодный рост ВВП составит от 0,3 до 0,6%. Со временем закон об ИС, который включает в себя закон об авторском праве, станет яснее и, несомненно, будет соблюдаться большинством граждан.

Рекомендации

1. *Данные.* Правительство должно следить за тем, чтобы развитие системы ИС максимально, насколько возможно, учитывало объективные данные. Политическая стратегия должна находить баланс между измеримыми экономическими целями и социальными задачами, между потенциальными выгодами для правообладателей и последствиями для потребителей, а также другие интересы. Эти соображения будут особенно важными в перспективе при оценке требований о расширении прав или о наложении ограничений на права.

2. *Международные приоритеты.* Великобритания должна решительно отстаивать свои международные интересы в сфере ИС, особенно в отношении быстро растущих экономик, таких как Китай и Индия, и делать это экономически обоснованно. Самым высшим и ближайшим приоритетом должно стать создание единого патентного суда ЕС и патентной системы ЕС, что предполагает существенные экономические выгоды для бизнеса Великобритании. Договор о патентной кооперации должен стать более эффективным средством международного уровня при рассмотрении заявок на патенты.

3. *Лицензирование в сфере авторского права*

- Для того чтобы содействовать доступу британских фирм к прозрачному, состязательному и глобальному цифровому рынку, в Великобрита-

нии необходимо создать межотраслевую Биржу цифрового копирайта. Правительство должно назначить руководителя, который бы контролировал этот проект и его осуществление до конца 2012 года. Понадобится ряд стимулов и сдерживающих мер, чтобы поощрять участие в нем правообладателей и других заинтересованных лиц.

- Великобритания должна поддерживать действия Еврокомиссии по созданию правовых нормативов для трансграничного лицензирования копирайта с явными преимуществами для Великобритании как главного экспортера работ, защищенных авторским правом. В соответствии с законом организации по сбору авторских отчислений следует принять кодекс практики, одобренный Офисом ИС и британскими антимонопольными органами для того, чтобы их деятельность не расходилась с целями дальнейшего развития эффективного и открытого рынка.

4. *Работы неизвестных авторов.* Правительству следует законодательно закрепить лицензирование работ неизвестных авторов. Это должно создать систему расширенного коллективного лицензирования для массового лицензирования работ неизвестных авторов и процедуру очистки прав для использования отдельных произведений. В любом случае произведение может считаться не имеющим автора только в том случае, если его невозможно найти в базах данных предлагаемой Биржи цифрового копирайта.

5. *Ограничения в копирайте.* Правительству следует решительно противостоять мерам чрез-

мерного регулирования тех видов деятельности, которые не наносят ущерба ключевой цели авторского права, а именно созданию стимулов для творческой деятельности. Правительству следует на национальном уровне создать исключения из копирайта, чтобы реализовать все возможности, предоставляемые нормативно-правовой базой ЕС, включая изменение формата, пародии, некоммерческие исследования и архивирование библиотечных фондов. Великобритания также должна содействовать тому, чтобы на уровне ЕС было принято исключение, позволяющее применять методы текстовой и информационной аналитики. Великобритании следует взять на себя инициативу в том, чтобы на уровне ЕС принять исключение, позволяющее приспособливать нормативы ЕС к новым технологиям. Принятие этого исключения позволило бы так использовать продукт, чтобы заложенные в нем технологические возможности были реализованы, а творческое и выразительное начало не было предметом торговли. Правительству следует также законодательно закрепить условия, при которых эти и другие исключения не могли быть лишены юридической силы по условиям договора.

6. *«Патентные дебри» [29] и другие препятствия для инноваций.* Для того чтобы ограничить действие этих барьеров, правительству следует:

[29] Выражение «патентные дебри» означает совпадение или перехлест патентуемых объектов, когда новаторы вы-

- взять на себя роль лидера международного масштаба в сокращении патентных «завалов» и в обуздании бума патентных заявок путем разделения этой работы между патентными офисами других государств;

- работать над тем, чтобы патенты не распространялись на области, которые охватывают нетехнические компьютерные программы или бизнес-методы, куда они не входят в настоящее время, если только от этого нет явной выгоды;

- изучать способы ограничения негативных последствий патентных «чащ», сюда входит сотрудничество с международными партнерами в разработке структуры патентных пошлин, которая ориентировалась бы на инновации и экономический рост, а не только на текущие издержки патентного офиса. Структура пошлин на поддержание патентов должна быть такой, чтобы поощрять патентовладельцев к сохранению более низкой стоимости патентов, таким образом сокращая плотность патентных «чащ».

7. *Индустрия дизайна.* Роль ИС в поддержке этой важной отрасли экономики творчества часто игнорируется. В течение ближайшего года Офису ИС следует провести экономически обоснованную оценку соотношения между правами на продукцию дизайна и инновациями с тем, чтобы стратегия оценки на уровне Великобритании и ЕС была более надежной. Такая

нуждены идти на лицензионные соглашения для множества патентов из множества источников.

оценка с учетом интересов дизайна должна включать изучение того, насколько предлагаемая Биржа цифрового копирайта поможет создателям дизайна защищать и продавать свою продукцию на рынке и поможет ли это пользователям получить легальный доступ к продукции дизайна.

8. *Осуществление прав ИС.* Правительству следует проводить интегрированный подход на основе правоприменения, образования и, что критически важно, на мерах по укреплению и расширению легальных рынков копирайта и другой продукции из сферы ИС. Когда режим правоприменения, изложенный в Акте о цифровой экономике, вступит в силу с будущего года, его последствия необходимо будет контролировать и сравнивать с опытом других стран для того, чтобы понять, какие механизмы правоприменения потребуются в условиях растущего рынка. Это задача срочная, и регулятор Британии Ofcom не должен затягивать, а заранее наметить критерии оценки и разработать необходимые данные на основе тенденций. Для того чтобы помочь правообладателям осуществлять свои права, правительству следует ввести процедуры рассмотрения малых исков для жалоб по вопросам ИС в Патентном суде графств.

9. *Консультации по вопросам ИС для небольших компаний.* Офису ИС следует разработать планы повышения доступности системы ИС для небольших компаний, которым это будет приносить пользу. Это подразумевает более низкую стои-

мость консультаций по юридическим и коммерческим вопросам ИС, предоставляемых компаниями-посредниками.

10. *Система ИС и ее способность реагировать на изменения.* Офис ИС должен быть наделен необходимыми полномочиями и юридическими правами, чтобы в полной мере выполнить свою основную задачу — способствовать тому, чтобы система ИС Великобритании содействовала внедрению инноваций и росту посредством эффективного и состязательного рынка. Ему должно быть предоставлено право давать официальные разъяснения по закону об авторских правах. Подтверждением большей прозрачности и способности адаптироваться к новому должен послужить тот факт, что к концу 2013 года по распоряжению правительства Офис ИС опубликует данные оценки последствий тех рекомендованных в Обзоре мер, которые были приняты правительством.

Новый Ренессанс [30]

«Комитет экспертов» был создан в 2010 году по инициативе Еврокомиссии и получил мандат на разработку рекомендаций по оцифровке культурного наследия Европы, его сетевой доступности, сохранности в цифровую эпоху. Особое внимание комитет уделил вопросам партнерства государства и частного сектора.

Оцифровка фондов библиотек, архивов и музеев потребует огромных инвестиций. По данным проведенных исследований, общая сумма капиталовложений составит примерно 100 млрд евро. Эта оценка не может считаться точной, поскольку в основе её лежат некоторые гипотезы и экстраполяции. Но всё же она даёт правдоподобный порядок величин. Эта сумма евро включает оцифровку 77 млн книг, 24 млн часов аудиовизуальных программ, 358 млн фотографий, 75 млн произведений искусства, 10 млрд страниц архивов. Для этого нужно время, тщательное планирование и координация усилий всех сторон.

[30] «The New Renaissance: Report of the Comité des Sages: Reflection Group on Bringing Europe's Cultural Heritage Online», Brussels, January 2011. Обзор доклада, подготовленного комитетом экспертов Еврокомиссии по вопросам оцифровки культурного наследия Европы.

Эта работа приведёт к тому, что культурные сокровища и знания станут более доступными для широких слоев населения, так же как и для системы образования — школ и университетов. Большие выгоды получит бизнес — развитие новых технологий и услуг для оцифровки, сохранения материалов в цифровом виде и инновационных видов интерактивной работы с культурными ценностями. Оцифрованные материалы, в свою очередь, тоже могут быть движущей силой инноваций и использоваться по-новому в таких отраслях, как туризм и образование.

Цель рекомендаций Комитета экспертов, помимо упомянутых выше потенциальных преимуществ, создание таких условий, которые будут способствовать:

- широкому доступу к богатствам культурного наследия;
- связи прошлого с настоящим;
- сохранению этого наследия для будущих поколений;
- защите интересов творцов европейских ценностей;
- наращиванию творческого потенциала, включая творчество непрофессионалов;
- вкладу в дело образования;
- созданию стимулов к инновациям и предпринимательству.

Рекомендации

Рекомендации касаются всех областей в рамках полномочий Комитета экспертов и рассматривают ситуации, где необходимы стимулы или где требуется устранять барьеры.

1. Обеспечение широкого доступа и пользования оцифрованными материалами, являющимися общественным достоянием.

- Учреждения культуры должны проводить оцифровку материалов общественного достояния максимально, насколько возможно, используя государственное финансирование для организации доступа к ним и повторного использования. Трансграничный доступ должен стать частью условий финансирования оцифровки материалов в масштабах Европы. Следует избегать использования водяных знаков и других средств, ограничивающих использование этих материалов.

- В случаях когда учреждения культуры взимают плату с частных компаний за повторное использование оцифрованных материалов общественного достояния, они должны придерживаться правил, указанных в Европейской директиве «О повторном использовании государственной информации».

- Еврокомиссия должна рассмотреть пути и средства устранения разницы в правовом статусе оцифрованных материалов, которая существует в разных государствах ЕС. Это должно быть сделано с ориентиром на норму, существующую

для трансграничного доступа и использования. В принципе сам процесс оцифровки не должен сопровождаться созданием новых прав.

- Метаданные, относящиеся к оцифрованным объектам и дополненные учреждениями культуры, должны свободно и бесплатно использоваться для повторного применения.

2. *Стимулы для оцифровки и сетевой доступности материалов, защищенных авторским правом.*

- Юридический инструментарий, используемый в Европе по отношению к работам неизвестных авторов (или неизвестных правообладателей), должен быть как можно скорее адаптирован к новым задачам. Этот инструментарий должен соответствовать «тесту 8 шагов», который разработан Комитетом (и готовится Еврокомиссией, как было заявлено в «Цифровой повестке дня»). В соответствии с «тестом 8 шагов» инструментарий должен одновременно выполнять следующие условия:

- принятие решений по вопросам, связанным с работами неизвестных авторов, всеми государствами-членами ЕС;

- охват всех секторов: аудиовизуальные программы, тексты, изобразительное искусство, звуковые записи;

- трансграничное признание работ без автора (в рамках современной географии, а не исторических границ времён публикации);

- трансграничная сетевая доступность во всех государствах ЕС;

- совместимость с протоколами оцифровки;

— в случае коммерческого использования предусмотреть вознаграждение для правообладателей, если спустя какое-то время они будут обнаружены или объявятся сами;

— обеспечение разумных транзакционных издержек при сделках с работами неизвестных авторов соразмерно с коммерческой стоимостью работ;

— наличие информационных баз данных об авторстве, таких как система Arrow (сейчас находится в разработке).

- В будущем следует избегать работ без авторства. Необходимо предусмотреть некоторую форму регистрации как предварительное условие полного осуществления прав. Бернскую конвенцию следует адаптировать к цифровой эпохе.

- Правительства государств ЕС и Еврокомиссия должны решить вопрос об оцифровке и трансграничной доступности работ, изъятых из обращения.

- Правообладатели первыми должны использовать изъятые из обращения работы в своих интересах.

- В законодательстве для учреждений культуры должны быть предусмотрены решения о коллективном лицензировании и возможность для оцифровки и сетевого использования изъятых из обращения работ, если этого не сделают правообладатели и коммерческие структуры.

- Решения по работам неизвестных авторов и работ, изъятых из обращения, должны охватывать самые разные сектора: аудиовизуальные,

тексты, изобразительное искусство, звуковые материалы.

3. Укрепление позиций цифровой библиотеки Europeana как ориентира для европейской онлайн-культуры.

- Europeana следует развивать дальше, чтобы она стала ориентиром для европейского сетевого культурного контента. Это потребует концентрации финансовых усилий и политического капитала на уровне Европы и государств ЕС, направленных на разработку сайта и соответствующих внутренних структур Europeana.

- Государства ЕС должны гарантировать, что государственное финансирование оцифровки является условием последующего бесплатного доступа к оцифрованным материалам Europeana. Они также должны обеспечить передачу Europeana всех шедевров, являющихся общественным достоянием, к 2016 году.

- В течение ближайших нескольких лет Europeana должна добавить к своему порталу платформу приложений, а все мероприятия, связанные с оцифровкой и сохранением европейского культурного наследия, должны иметь ссылки на её сайте. В техническом отношении особое внимание должно быть уделено многоязычному аспекту. В перспективе Europeana должна искать возможности применения облачных вычислений.

- В среднесрочной перспективе для Europeana следует предусмотреть ключевую роль в сохранении европейского культурного наследия и

превращения ее в сайт-депозитарий для оцифрованных материалов, ставших общественным достоянием, и в закрытый архив для изначально цифрового культурного материала.

- Учреждения культуры, Еврокомиссия и государства ЕС должны активно и широко продвигать Europeana.

4. Гарантии устойчивости оцифрованных ресурсов.

- Ключевой аспект оцифровки — сохранение материалов. Цифровая сохранность — главная проблема для любого изначально цифрового контента. Следует уделить должное внимание организационным, техническим и финансовым сторонам долгосрочного сохранения оцифрованных и изначально цифровых материалов.

- Хранение оцифрованного и изначально цифрового культурного материала должно быть обязанностью учреждений культуры, как это происходит для неоцифрованных работ.

- Для гарантий сохранности цифрового культурного наследия Европы в архивах Europeana должна храниться копия оцифрованного или цифрового культурного материала. Для работ, имеющих авторское право, сайт-депозитарий будет закрытым архивом, действующим в правовом режиме «безопасной гавани».

- Чтобы избежать дублирования действий со стороны компаний и учреждений культуры, можно было бы предусмотреть систему, по которой любой материал, помещаемый на хранение в нескольких странах, депонировался бы только один

раз. Такая система направляла бы копию в любое учреждение в соответствии с национальным законодательством государств по депонированию.

- Законодательство по авторскому праву и смежным правам должно позволять учреждениям культурного наследия, отвечающим за сохранность, создавать архивные копии и осуществлять конверсию файлов для архивных целей.

- Устойчивые идентификаторы должны сохраняться в каждом цифровом объекте, который хранится в архиве учреждения культуры.

5. Источники устойчивого финансирования работ по оцифровке и функционированию Europeana.

- Государственный сектор несет главную ответственность за финансирование процесса оцифровки, и государствам ЕС потребуется значительно увеличить инвестиции на оцифрование. Даже в условиях кризиса нельзя бездействовать.

- Следует поддерживать партнерство с частным сектором. Это дополнение к государственным капиталовложениям, но не их замена.

- Оцифровка должна финансироваться на национальном или региональном уровне, но не на европейском. Тем не менее следует поощрять государства ЕС к использованию финансовых средств из европейских структурных фондов. В случае некоторых целевых работ, имеющих явно трансграничный масштаб (например, крупные коллекции нескольких государств), оцифровка может софинансироваться на уровне Европы.

- Учитывая, что Еигореана является общим достоянием, государственное финансирование должно охватывать большую часть её операционных расходов. Финансирование процесса оцифровки и Еигореана должно рассматриваться как пакет, где государства ЕС отвечают, главным образом, за вложения в оцифровку культурного наследия и за создание коллекций в рамках отдельных государств, а финансирование портала Еигореана осуществляется преимущественно из бюджета Евросоюза.

- Государства — члены ЕС должны содействовать тому, чтобы оцифровка создавала новые возможности развития для европейских компаний. Это могут быть региональные кластеры бизнеса в партнерстве с учреждениями культуры, партнерства в области знаний между учреждениями культуры и университетами или стратегические партнерства на уровне Европы, партнерства на международном уровне в области новых технологий и их использования для сохранения культурного наследия.

6. Партнерство государственного и частного секторов как дополнение к государственному финансированию работ по оцифровке.

- Для защиты интересов государственных учреждений, вступающих в партнерство с частными компаниями, необходимо выполнить следующий набор минимальных требований:

- содержание договора о партнерстве должно быть предано гласности;

— пользование оцифрованными материалами общественного достояния должно быть бесплатным и доступным для широких масс во всех странах ЕС;

— частные партнеры должны обеспечить учреждения культуры оцифрованными файлами такого же качества, каким обладают сами.

• Максимальное время преференциального пользования материалами, оцифрованными на базе государственно-частного партнерства, не должно превышать 7 лет. Такой срок считается достаточным для создания, с одной стороны, стимулов для частных инвестиций в массовую оцифровку культурных активов и, с другой, для контроля со стороны учреждений культуры за своими оцифрованными материалами.

• Политические деятели Европы и стран ЕС должны создавать благоприятные условия для привлечения европейских игроков. Для этого они должны:

— поощрять оцифровку в других областях, таких как аудиовизуальные материалы, газеты, периодические издания и музейные экспонаты;

— в среднесрочной перспективе — разработать стимулы для частных инвестиций через систему налогообложения;

— поощрять использование государственных фондов для целей оцифровки на уровне, равном финансированию из частных источников. Государственные средства могут быть выделены для учреждений культуры, которые заключили партнерские отношения с частными предпринима-

телями для оцифровки своих коллекций на равной основе с частными инвестициями;

— содействовать тому, чтобы Europeana и учреждения, участвующие в ее создании, наращивали объемы своего цифрового контента, создавая партнерства с европейскими компаниями.

**«Интеллектуальная собственность:
Обзор попыток проведения количественной оценки
экономических последствий оборота
контрафактной и пиратской продукции» [31]**

В октябре 2008 года Конгресс США принял закон «Об организации и приоритетности ресурсов для защиты интеллектуальной собственности» (PRO-IP Act). Закон обязал Счётную палату США предоставить информацию о количественных показателях и последствиях оборота контрафактной и пиратской продукции для экономики США в целом, а также для отдельных отраслей, правительства и потребителей. Работа проводилась с апреля 2009 г. по апрель 2010 г. и включала:

- 1) изучение данных исследований, опубликованных с 1999 года;
- 2) анализ результатов практических попыток количественной оценки экономических последствий оборота контрафактной и пиратской продукции для экономики страны.

[31] «Intellectual Property: Observations on Efforts to Quantify the Economic Effects of Counterfeit and Pirated Goods», United States Government Accountability Office, Report to Congressional Committees, April 2010, GAO-10-423. Обзор доклада Счётной палаты США комитетам конгресса .

Помимо анализа источников проводились интервью с экспертами, государственными чиновниками, учеными, представителями бизнеса и неправительственных организаций.

По мнению экспертов и по данным исследований, характер последствий для потребителей, промышленности, правительства и экономики в целом может варьироваться и зависит от типа нарушений, отрасли производства, типа компании и других факторов. Большая часть полученной информации и мнений, высказанных в интервью, подтверждают значительное прямое негативное воздействие контрафакции и пиратства на все заинтересованные группы участников, включая риски для здоровья и безопасности, потери в объемах продаж, обесценивание бренда, снижение стимулов к инновациям; для государства — это потеря налоговой прибыли, повышение расходов на правоприменение в сфере ИС, изменения в системе поставок с соответствующими последствиями для национальной безопасности. Экономика в целом испытывает снижение темпов роста в связи с замедлением внедрения инноваций и потерей прибыли от торговли.

Однако некоторые эксперты и исследования отмечают потенциальный положительный эффект от оборота контрафактной и пиратской продукции, хотя информации об этом недостаточно. В частности потребители могут покупать заведомые подделки из-за их низкой по сравнению с подлинным товаром стоимости (потребительская прибыль). (Отдаленные последствия в этом

случае неясны, поскольку это грозит снижением стимулов для научных исследований и дальнейшего развития.)

Поддельные товары по более низким ценам могут создавать конкурентную ситуацию, и тогда стоимость подлинных изделий может снижаться, а это выгодно потребителям. Другой пример положительного эффекта: в некоторых отраслях потребители, перед тем как купить легальный товар, используют пиратский в качестве образца, в частности, это касается музыки, видео и программного обеспечения, что может привести к росту продаж легального товара.

Некоторые эксперты утверждают, что компании, которые теряют прибыль в одном бизнесе (например, в кинематографе), могут получить прибыль в дополнительном бизнесе благодаря росту популярности их бренда.

Некоторые компании могут рассчитывать на рост спроса на свою продукцию в связи с пиратством в других отраслях. Например, создатели инфраструктуры интернета, например производители роутеров, являются потенциальными бенефициарами цифрового пиратства благодаря спросу на широкополосный интернет для скачивания пиратского цифрового контента.

В некоторых случаях под давлением конкуренции инновации пытаются обогнать контрафактную продукцию, но всё же многие из них ориентированы на борьбу с пиратством и контрафактом, а не на создание нового продукта для потребителя. В следующей таблице кратко сфор-

мулированы положительные и отрицательные воздействия контрафакции и пиратства по группам участников.

**Потенциальное прямое воздействие
нарушения прав ИС в США по группам
заинтересованных участников**

Группы участников	Потенциальное воздействие
<i>Потребители</i>	<i>Негативные последствия</i>
	Ущерб здоровью и безопасности
	Расходы потребителя в случае приобретения контрафактной продукции плохого качества
	<i>Положительный эффект</i>
	Выгода от низкой стоимости контрафактной и пиратской продукции
<i>Промышленность</i>	<i>Негативные последствия</i>
	Потери объемов продаж
	Обесценивание бренда и ущерб престижу
	Издержки на мероприятия по защите прав ИС
	Снижение стимулов для инвестиций в развитие и исследовательскую деятельность

Приложения

	<i>Положительный эффект</i>
	Увеличение объемов продаж легальной продукции после приобретения потребителями «образцов» пиратских товаров
<i>Правительство</i>	<i>Негативные последствия</i>
	Потери налоговой прибыли в связи с незаконными продажами контрафактной и пиратской продукции
	Издержки на мероприятия правоприменения по защите прав ИС
	Риск проникновения контрафактной продукции в систему поставок с соответствующими последствиями для национальной или общественной безопасности
<i>Экономика в целом</i>	<i>Негативные последствия</i>
	Снижение экономического роста в результате падения стимулов к инновациям
	Потеря прибыли от снижения торговли между США и странами со слабым правовым режимом в сфере ИС

Таблица составлена на основе анализа материалов, полученных Счётной палатой в ходе интервью с экспертами, а также на основе опубликованных данных.

Примечание. Эти последствия могут сильно отличаться в разных отраслях и заинтересованных группах, причем специфика воздействия зависит от типа продукции или отрасли.

Интеллектуальная собственность — важный компонент экономики США, активно выступающих за сильную систему охраны прав и призывающих другие государства усовершенствовать свои системы по двум ключевым причинам:

1) США являются лидером технологических новшеств, поэтому несоблюдение прав ИС в других государствах может приводить к экономическим потерям в США;

2) известные экономисты отмечают, что бурный экономический рост за последние 150 лет, так же как и высокий уровень жизни, стал результатом соблюдения прав ИС.

Помимо внутригосударственных усилий по защите ИС, США активно участвуют в «Соглашении о торговых аспектах прав ИС» (TRIPS по линии ВТО), которое действует с 1995 года. Один из его главных приоритетов — договоренности о свободной торговле, которые приняты во многих регионах мира. Меры, указанные в этих соглашениях, даже превышают требования TRIPS. Например, условия защиты включают участие в новых соглашениях Всемирной организации ИС по интернету, более долгий минимальный пе-

риод для охраны авторских прав, дополнительные штрафы за нарушение технологических мер контроля доступа к материалам, защищенным авторскими правами, прозрачные процедуры охраны торговых марок, положения о доменных именах и более жесткие меры правоприменения.

Ключевые понятия, используемые в докладе:

- «пиратские товары» (товары, произведенные с нарушением авторских прав) — это любые изделия, являющиеся копиями, сделанными без разрешения правообладателя или лица, уполномоченного правообладателем;

- «контрафактные товары» — это любая продукция, включая упаковку, с использованными без разрешения торговой маркой, которая идентична законно зарегистрированной торговой марке или которую невозможно отличить от настоящей торговой марки, в результате чего нарушаются права владельца законной торговой марки.

Одним из важных аспектов нарушения прав ИС является пиратство в сфере цифровой продукции, защищённой авторским правом. Широко известно, что развитие технологий, позволяющих несанкционировано распространять материалы, защищённые авторским правом, ведёт к росту пиратства в этой сфере. Это особенно важно в связи с расширением масштабов использования интернета. Цифровая продукция физически не ощутима и может воспроизводиться по очень низкой цене. Она мгновенно распространяется по Сети и попадает на потенциально безгранич-

ные рынки. Сферы, наиболее часто страдающие от цифрового пиратства, — это музыка, кино, ТВ, книгоиздательское дело и программное обеспечение.

В США, однако, отсутствует государственное агентство, которое систематически отслеживало бы данные о нарушениях авторских прав в сфере цифрового контента. По мнению экспертов и по данным исследований, оценка экономических последствий нарушений прав ИС в США чрезвычайно сложна. *Несмотря на значительные усилия, вычислить чистый ущерб от пиратства и контрафакции в экономике в целом практически невозможно из-за недостатка данных*, которые, если и приводятся некоторыми федеральными агентствами или службами (например, Таможенно-пограничной службой или Федеральным управлением гражданской авиации), то не систематизируются и бывают только приблизительными, а их оценка не проводится. Министерство торговли и ФБР полагаются на статистику, предоставляемую индустриальными ассоциациями, и сами не проводят сбор данных. Но, по мнению экспертов и чиновников, представители индустрии не всегда готовы раскрыть свои источники информации и методы работы, поэтому их оценку проверить нельзя. В то же время они боятся потерять доверие потребителей и не хотят распространяться о масштабах пиратства и распространённости контрафакта.

В связи с отсутствием достоверных данных о нелегальной торговле методы проведения ко-

личественной оценки экономического ущерба должны использовать некоторые предположения. Вот два ключевых предположения.

1. *Норма замещения.* Она означает, что вместо купленного ранее фальшивого товара потребитель хочет приобрести настоящий. Например, если потребитель платит за подделку, думая, что это подлинник, можно предполагать, что реальная копия могла бы быть куплена вместо фальшивого товара, и это называется нормой замещения 1:1. Но предположение 1:1 подразумевает наличие трех важных условий:

- фальшивое изделие почти не уступает по качеству настоящему;
- потребитель платит полную розничную цену за подделку;
- потребитель не знает, что покупает подделку.

Если не выполнены все три условия одновременно (например, потребитель заплатил за подделку гораздо меньше), нет уверенности, что потребитель заплатил бы полную цену за подлинный товар. Нормы замещения варьируются в разных отраслях из-за качества товаров, разных каналов поставки и наличия информации о товарах.

2. *Стоимость фальсифицированных товаров* — это ещё один набор предположений. Существует целый ряд измерений стоимости: издержки производства, цена на внутреннем рынке или предлагаемая производителем розничная цена.

Расчет экономических последствий был бы более полным, если включал весь диапазон цен: от оптовой цены (низший уровень) поддельного товара, который продается на улице, до предлагаемой производителем розничной цены (высший уровень).

Строя предположения, важно учитывать степень обмана покупателей. Если покупатель обманут по все статьям, то это соответствует степени 1:1. Но многие эксперты утверждают, что такое бывает редко, в большинстве случаев контрафактный товар продается гораздо дешевле. Кроме того, в разных отраслях имеет место и разный уровень обмана покупателей.

Эксперты отмечают, что только прозрачное объяснение предположений о норме замещения и стоимости контрафактных товаров может дать надежный результат для окончательной оценки ущерба.

На сегодняшний день не выработано единой методики сбора и анализа данных, применимых к расчету ущерба от контрафакции и пиратства, как в отдельных секторах, так и для экономики США в целом. Наиболее часто используются следующие методы.

1. *Экстраполяция данных о правоприменительных полицейских мероприятиях по конфискации нелегальных товаров.* Данные о конфискации, предоставляемые таможней, одни из самых точных. Они часто используются для экстраполяции уровня распространения контрафактной и пиратской торговли. Этот подход дает наиболее до-

стоверные показатели минимального количества контрафактной продукции, но его главный недостаток состоит в том, что уровень пограничных правоприменительных акций не везде одинаков.

2. *Анализ спроса и предложения.* Главное преимущество — возможность показать модели поведения потребителей. При анализе спроса и предложения может быть получена информация о готовности потребителя оплатить контрафактный товар, о количестве купленных подделок за определенный период времени, о минимальном ожидаемом уровне качества товара, о необходимом снижении цены на легальный продукт во избежание покупки нелегального, о знании санкций за приобретение контрафактного товара, об осведомленности по поводу потенциальных «побочных эффектов» при покупке фальшивых товаров. Но этот способ может оказаться самым трудоемким проектом и стоить миллионы долларов.

Пример исследования более мелкого масштаба приводят в своей статье Rob и Waldfogel [32], которые проводили социологический опрос студентов американских университетов в 2003–2004 гг. Студентов спрашивали не только о том, сколько музыкальных альбомов они купили и нелегально скачали, но и название и их собственную

[32] Rafael Rob and Joel Waldfogel, Piracy on the High C's: Music Downloading, Sales Displacement, and Social Welfare in a Sample of College Students. *Journal of Law and Economics*, vol. XLIX, April 2006.

оценку стоимости альбомов, которые они купили и нелегально скачали.

Главные результаты исследования таковы:

1) скачивание приводит к сокращению легальных покупок на 20% — на отдельно взятом примере, то есть каждые пять скачиваний музыкальной продукции приходятся на одну легальную покупку;

2) в среднем респонденты скачивали музыку, стоимость которой они оценивали на треть или в половину ниже стоимости легально купленной музыкальной продукции, поэтому можно предположить, что некоторые музыкальные произведения, которые были скачаны, никогда бы не были куплены в виде альбома;

3) в то время как скачивание сокращает расходы на душу населения на \$25, оно повышает среднедушевой доход на \$70.

Данное исследование показывает, что скачивание нелегальной музыкальной продукции может иметь положительный эффект в отношении общего потребительского благополучия. Однако, как поясняют авторы, результаты этого исследования не стоит обобщать. Приведенные данные — это моментальный срез ответов студентов университета, и они не могут отражать мнение всех слоев населения.

3. *Использование экономических мультипликаторов.* Экономические мультипликаторы показывают, как изменения капитала в одной отрасли бизнеса влияют на производство продукции в связанных с ним отраслях. Бюро экономиче-

ского анализа при министерстве торговли США разработало руководство по региональным мультипликаторам (Regional Input-Output Modeling System — RIMS II).

В случае оценки последствий контрафакции и пиратства RIMS II применяется к показателям ущерба в промышленности, которые взяты из других исследований и используются для подсчета ущерба для занятости и выпуска продукции из-за снижения инвестиций.

Большинство экспертов с неохотой говорят об использовании экономических мультипликаторов для подсчета убытков от контрафактной торговли, поскольку эта методология создавалась для оценки единовременных изменений экономической активности. Тем не менее использование данной методологии подтверждает, что последствия контрафакции и пиратства выходят за рамки отрасли, где произошли нарушения.

4. Существуют и *другие методы сбора данных и техник моделирования* для оценки последствий контрафактных товаров для отдельно взятых отраслей промышленности. ОЭСР, например, использует подход, сочетающий разные методологии для создания единой оценки (в случае с ОЭСР эта оценка проводится для мира в целом). Организация проводит триангуляцию из комбинации данных: экстраполяции данных о конфискации, полученных из таможенных органов, сравнение данных о конфискации с данными о мировой торговле и использование этих данных в экономической модели. Данные о конфискации

использовались для разработки модели, которая могла бы оценить величину контрафактной торговли в глобальном масштабе.

В проектах ОЭСР рассматривалось и цифровое пиратство, но до количественных оценок дело не дошло.

Многие эксперты считают полезным использование моделей полного или частичного равновесия, которые дают более глубокий анализ данных о вводимых ресурсах производства. Они включают моделирование спроса и предложения на товар и моделирование влияния контрафактной продукции на рынки данного товара (в случае модели частичного равновесия) и экономики в целом (в случае модели полного равновесия). Эксперты признают потенциальные преимущества этого способа, но ограниченные и недостоверные данные делают его практически неосуществимым.

5. *Эмпирический прием для приближенных расчетов «на глазок».* Этот метод не получил большой поддержки. Он используется для измерения контрафактной торговли как пропорции от мировой торговли для оценки объемов контрафактной торговли на уровне отдельного региона. Преимущество данного метода для контрафактной торговли состоит в том, что он применяется для оценки ситуации в целом без учёта разных показателей контрафакции и пиратства для каждой отдельно взятой отрасли индустрии. Но из-за разницы показателей в разных отраслях невозможно вывести обобщённые результаты. Более

того, не все товары мировой торговли можно подделать и не везде можно нарушить авторское право.

Хотя эксперты и данные исследований приводят разные примеры последствий для экономики США, большинство из них считают, что, *несмотря на значительные усилия, трудно и даже невозможно провести количественную оценку суммарного эффекта контрафакции и пиратства на экономику в целом*. Например, ОЭСР пыталась разработать метод оценки экономических последствий контрафакции и пришла к выводу, что сделать приемлемую всестороннюю оценку контрафактной продукции невозможно. Далее ОЭСР констатировала, что получаемая информация, как то: данные по мерам правоприменения и результаты аналитических обзоров — «имеет существенные ограничения и сильно не дотягивает до того, что необходимо для разработки достоверной и всесторонней оценки». Один из экспертов охарактеризовал попытки провести количественную оценку всестороннего воздействия контрафакции как «бесплодные», тогда как другие утверждали, что любая оценка очень сомнительна, поскольку это скрытая торговля и о цифрах можно только догадываться.

Для определения суммарного эффекта следует учитывать любые положительные стороны наряду с отрицательными последствиями контрафакции и пиратства. У экспертов сложилось разное мнение о природе побочных эффектов. В то время как один из интервьюируемых экс-

пертов настаивал, что не верит в какие-либо положительные эффекты контрафакции и пиратства для экономики, другой утверждал, что они есть и их следует оценивать должным образом. По поводу положительных эффектов проводилось не так много исследований, и совсем мало известно об их последствиях для экономики. Хотя некоторые данные исследований и эксперты говорят, что роль негативных последствий преувеличена, в целом отмечается, что негативные последствия перевешивают положительные эффекты. Поскольку данные об этих потенциальных эффектах отсутствуют, суммарный эффект трудно определить с какой-либо долей определенности.

Также эксперты не пришли к единому мнению по поводу того, до какой степени может быть измерен суммарный эффект влияния пиратства и контрафакции в отдельных секторах экономики. Например, один из экспертов обнаружил, что занятость населения в США может снижаться, когда отрасли, связанные с копирайтом, теряют бизнес из-за пиратства. Другие эксперты утверждали, что, по их мнению, влияние на занятость до конца не ясно, потому что занятость может снижаться в одних отраслях и подниматься в других, когда работники переходят в компании, производящие контрафактную продукцию. Другой эксперт рассказывал, что последствия пиратства в масштабах США — это главным образом перераспределение в пределах одной экономики, но для других целей, и их

нельзя рассматривать как ущерб для экономики в целом. Он говорил, что «деньги просто так не исчезают; они направляются на другие цели». Другие эксперты говорили о трудностях объединения разнообразных последствий в единую оценку.

Оценка влияния неавторизованной дистрибуции книг на их продажи [33]

Книгоиздатели давно используют возможности бесплатного контента в маркетинговых кампаниях и коммерческих мероприятиях по стимулированию сбыта. С повышением эффективности поиска в интернете издатели всё чаще разрешают различным интернет-ресурсам бесплатно распространять цифровой контент: обычно это главы произведений, отрывки или даже целые книги. Но мало, кто отдаёт для бесплатного распространения книги целиком из опасения, что это резко снизит продажи печатных изданий.

Научное исследование, которое началось с оценки работы, проделанной ранее издательствами O'Reilly и Random House, ставило целью выяснить, как бесплатное распространение контента влияет на продажи печатных изданий. Авторы выдвигают три причины проведения исследования.

1. Растет искушенность читателей электронных книг, техника совершенствуется, всё боль-

[33] Brian O'Leary, «Impact of P2P and Free Distribution on Book Sales» (O'Reilly Media, 2009); John Hilton III and David Wiley, «Free E-Books and Print Sales» (The Journal of Electronic Publishing. Vol. 14. Issue 1. Summer 2011). Обзор по материалам исследований.

ше контента поступает на рынок. Создание и потребление цифрового контента становится реальностью. Понимание стоимости свободно доступного контента может помочь издателям правильно ориентироваться в условиях роста такого контента.

2. Поисковые машины и интернет-магазины заинтересованы в бесплатной дистрибуции по крайней мере части контента. Определение базового воздействия бесплатного контента на визуальную доступность, возможность узнать об издании и, наконец, на продажи поможет издателям конструировать свой маркетинговый комплекс.

3. Необходимость определения степени влияния бесплатного онлайн-контента на продажи печатных книг.

При проведении первой выборки измерялись продажи восьми изданий, опубликованных в 12 форматах (в твердой обложке, массового ассортимента, компакт-дисков, книг в мягкой обложке и аудиокниг). Анализировались продажи в течение 4 недель до начала рекламной кампании. Затем проводилось сравнение с продажами во время рекламной кампании (как правило, в течение одной недели, хотя иногда и дольше), и в течение 4 недель после её окончания. Было обнаружено, что бесплатное распространение в среднем совпало с ростом продаж на 19,1% (в период рекламных мероприятий) и на 6,5% (за весь период рекламы и последующие 4 недели). Полный период рекламных и пострекламных кампаний

обычно составлял 5 недель. В трех тестах это был период в 7 недель. В данной выборке результаты были очень разными. За весь рекламный период (1–3 недели) и последующий 4-недельный пострекламный период результаты менялись от 155% роста продаж до спада в 74% для произведений новых авторов.

Бесплатная дистрибуция для разных маркетинговых стратегий (по материалам эксперимента Random House)

Дистрибуция контента может быть сгруппирована по трем параметрам: по аудитории, по тематике и по автору. При дистрибуции по принципу *аудитории* маркетинг позволяет авторам и издателям улучшить отношения с потенциальными покупателями. Эффективное использование бесплатного контента в полном объеме или частично может содействовать эффективному выходу издания на рынок заинтересованной аудитории. Также потенциальные покупатели смогут оценить, насколько интересно предлагаемое произведение. В случае серии книг по научной фантастике, например, бесплатная дистрибуция контента первой книги может стимулировать покупку остальных томов.

В марте 2008 г. в течение четырех дней издательство Random House на странице выходных данных предлагало скачать книгу в жанре «на-

учная фантастика/хоррор» в формате PDF. Такое продвижение проводилось за несколько дней до выхода книги в свет. Скачивание предлагалось также на сайте Random House, на сайтах Amazon, Barnes & Noble и Sony. Книга усиленно продвигалась во время периода скачивания, и продажи выросли на треть во время бесплатного скачивания, а затем в течение нескольких недель уменьшились до более низких, но далеко не маленьких значений.

В начале мая 2008 г. издательство Random House опубликовало на странице выходных данных другого издания предложение о бесплатном скачивании в нескольких форматах электронной книги по научной фантастике с фильмом в нагрузку. Рекламная акция совпадала с датой поступления электронной книги в продажу. В течение недели на 4% выросли продажи книжки в мягкой обложке, которая вышла за год до этого. В течение последующих 4 недель продажи печатного издания выросли на 40%. Продажи электронной книги увеличились вдвое по сравнению с периодом до объявления рекламной акции.

В каждом из этих случаев можно предположить, что бесплатное распространение контента способствовало росту популярности и продажам печатного издания.

Маркетинг по *тематическому* принципу даёт возможность издателям продвинуть на рынок товар при более оптимальных затратах в условиях небольшого сегмента рынка. Бесплатный контент создает отношения доверия и подстегивает

вает интерес к издательству как к бренду. Знание бренда приводит к лояльности потребителей. Например, O'Reilly использует конкретную тематику и бесплатную дистрибуцию для формирования аудитории, которая ценит данный контент и поэтому готова покупать печатную и цифровую продукцию.

В апреле 2008 г. Random House предложил для скачивания полную версию первого романа на тему духовных исканий в формате PDF. На веб-сайте издательства появилась бесплатная версия романа, и это совпало с датой публикации. Скачивание продвигалось также другими веб-сайтами. В течение периода оценки продажи книги значительно выросли, особенно на сайте Amazon. Общий сбыт несколько упал (на 14%) во время периода скачивания, но средний объем продаж вырос незначительно за последующие 4 недели (на 1%).

Подобным образом в выходных данных другой книги Random House была размещена информация о возможности скачивания бесплатной копии книжки по финансовому консультированию. Бесплатный файл распространялся в течение одного дня в апреле 2008 г. через две недели после даты поступления книжки в продажу. После периода скачивания, которое также продвигалось такими сайтами, как Amazon и Sony, продажи бумажной книги и её аудиоверсии в формате CD выросли на 29%, нивелируя ранее наблюдавшийся спад в продажах печатного издания.

В 2007 г. Стивен Пул (Steven Poole) выпустил бесплатную PDF-версию своей книги 2000 г. по

истории электронных игр «Trigger Happy». Каждому, кто скачивал эту версию, предлагалось внести плату на свой выбор. Однако очень мало пользователей согласились заплатить, из чего Пул сделал вывод, что «скачивание не так уж опасно для печатных изданий, оно, скорее, стимулирует их продажи».

Представления о степени влияния цифрового контента на рост продаж малоизвестных книг подтверждает анализ, который проводился издательством O'Reilly в 2006 г. O'Reilly классифицировали продаваемые ими книги по десятибалльной системе и обнаружили, что 7% просмотров в принадлежащем издательству онлайн-сервису Safari Books Online приходятся на наименования, которые вовсе не продаются в печатном виде, а 20% обращений происходит к книгам, которые дают только 5% продаж печатных изданий. Отсюда вывод: дистрибуция цифрового контента, по крайней мере некоторых типов контента, даёт издателям возможность повысить интерес к изданиям и продвигать их продажи.

Маркетинговые стратегии, делающие *акцент на имени автора*, дают им возможность развивать и использовать контент для создания своего бренда. Если автор ещё малоизвестен и это является основным препятствием для выпуска нового издания, он может решить разместить контент бесплатно, тем самым способствуя его популяризации. Ведь со временем использование бесплатного контента, возможно, уже не потребуется.

В феврале 2008 г. Random House предложил пользователям бесплатно скачивать бестселлер о потребительских кредитах. Книга была в продаже уже год и имела хорошие показатели по объемам продаж. Новость о бесплатном скачивании получила широкую огласку и привела к моментальному увеличению продаж печатной версии в три раза. В течение периода наблюдений общие продажи печатной книги выросли до 155%.

Также в феврале 2008 г. Random House предложил бесплатно скачать нашумевший литературный роман. К этому моменту книга продавалась уже в течение полутора месяцев. В течение трех дней книгу в формате PDF предлагалось скачать на сайте автора, а также на Amazon, Barnes & Noble и Books-A-Million. Акция совпала с увеличением продаж аудиокниги (доступной в CD-формате и в электронной версии). Продажи издания в твердой обложке, которые до этого падали, продолжили падать и после рекламных мероприятий. Полученные данные не дают ясной картины влияния (положительного или отрицательного) бесплатного скачивания на продажи печатных книг в переплете. Очевидно, что процесс дистрибуции бесплатного контента гораздо сложнее, чем может показаться.

Эксперимент издательства Deseret Book

В 2010 г. американский исследователь Джон Хилтон (John Hilton) из университета Brigham

Young совместно со своим коллегой Дэвидом Вайли (David Wiley) изучал финансовые последствия размещения бесплатных цифровых книг в интернете. Небольшое религиозное издательство Deseret Book согласилось принять участие в эксперименте. Для этого были отобраны 8 книг, продаваемых в точках розничной торговли издательства через их каталог и на интернет-сайте. Это были книги разных авторов и жанров, предназначенные для разной аудитории. Они вышли в свет больше, чем за год до начала эксперимента, и их продажи были невысокими. В течение 10 недель после размещения бесплатных электронных версий их скачивали 102 256 раз, а продажи бумажных книг выросли на 26%. При этом онлайн-продажи выросли гораздо значительнее (79%). Параллельно изучались продажи книг тех же авторов (сравнительный анализ) и аналогичных книг за тот же период (исторический анализ), спрос на которые падал. После раздачи бесплатных электронных версий их продажи также выросли. Корреляция между загрузкой электронных книг и продажами печатных книг была положительной (хотя и весьма умеренной).

В целом исследования и эксперименты показали, что некоторые издания могут выигрывать от бесплатной дистрибуции цифрового контента, но разные методы и показатели, используемые издательствами, затрудняют сопоставление результатов.

Неавторизованная дистрибуция в пиринговых сетях (по материалам эксперимента O'Reilly)

Одним из инструментов дистрибуции бесплатного контента являются пиринговые (P2P) сети. Когда проводился мониторинг книг, выпущенных издательством O'Reilly в 2008 г., чтобы определить время их загрузки на сайты The Pirate Bay, Demonoid или Scribd, были получены сведения о восьми относительно новых изданиях (меньше года в продаже). В среднем первоначальное появление книги в онлайн происходило не очень быстро — лишь спустя 20 недель после даты выхода книги (минимум 4 недели и максимум 43). Печатные продажи 8 загруженных книг измерялись в течение 8 недель: 4 недели до и 4 недели после появления книги в пиринговых сетях. Неделя, когда удалось отследить первую загрузку, не учитывалась и не включалась ни в один из периодов.

В среднем продажи в течение 4 недель после первой загрузки в Сеть выросли на 6,5% по сравнению с периодом 4 недель до появления издания в P2P. Результаты продаж были разными: от роста на 18,2% для книг, которая была в продаже в течение 43 недель, до спада на 33,1% для книг, которые вышли в свет на 20 недель раньше. Не было обнаружено никакой корреляции между объемами продаж до загрузки в P2P и измене-

ниями в продажах после неё. Возможно, причиной стал малый размер выборки. Более сильная корреляция (0,74) наблюдалась между средним количеством загрузок и ростом продаж в период после загрузки. И снова прочная причинно-следственная связь не была установлена.

Объем загрузок и активное скачивание в любой отрезок времени были, как правило, незначительными. Количество загруженных файлов стремительно росло в течение третьей недели после обнаружения первого файла. Для сравнения, продажи печатных книг составляли в среднем 171 единицу за неделю, когда появлялись первые загруженные файлы, и 154 единицы в неделю в течение последующих 4 недель после первоначальной загрузки. Количество скачиваний тоже стремительно росло в течение второй недели после обнаружения загруженного файла.

Эти данные позволяют предполагать, что появление файлов на сайтах P2P не приводят к явному ущербу для продажи печатных изданий. Количество книг, загруженных в любой данный момент относительно невелико. Кроме того, объем как загрузок, так и скачиваний мал относительно единиц продажи печатных версий. Если увеличить объем выборки, то можно будет провести более детальный анализ появления файлов в P2P-сетях и продаж печатных изданий тех же наименований.

Поскольку в ходе экспериментов издательства целенаправленно выпускали цифровые копии, то можно предполагать, что со временем роль пи-

ратского контента может усилиться. Будет полезно расширить выборку экспериментов, включив, помимо упомянутых издательств, другие издательства, а также использовать более широкий диапазон книг и тестов.

Выводы

Что касается влияния бесплатного и пиратского контента, исследователи пришли к следующим выводам.

1. Нужна не просто бинарная модель, но алгоритм «белый — серый — черный каналы» распространения с разными степенями риска и преимуществами для издателей в поисках прибыли и повышения репутации авторов.

2. Необходимо разработать показатели воздействия на продажи печатных изданий, изменения цифровых продаж и другие показатели для определения информированности, вовлеченности и участия по рекомендации.

3. Опыт с книгами не даёт прямой параллели с другими медиа (музыка, кино). Цифровые версии книг требуют другого интерфейса, что может служить барьером для их скачивания.

4. Угроза, исходящая от дистрибуции файлов в пиринговых сетях на ближайшую перспективу не слишком значительна. Книги составляют небольшую долю контента, доступного в пиринговых сетях, а отставание во времени загрузки

изданий в эти сети составляет от нескольких недель до нескольких месяцев.

5. Уровень развития технологий поиска и загрузки книг через пиринговые сети все еще намного выше, чем средний уровень софта, доступного большинству пользователей.

**Декларация и Хартия
«Форума свободной культуры»**

**Декларация в защиту устойчивого
творческого потенциала [34]**

Наступил момент, когда мы больше не можем продолжать опираться на экономические структуры, которые до сих пор создавали, финансировали и оказывали финансовую поддержку культуре. Многие из моделей устарели и стали убыточными для гражданского общества. Цель данного документа — содействовать внедрению инновационных стратегий, способных защитить и расширить сферу, где творческий потенциал общества и знания могли бы устойчиво развиваться и процветать.

Этот документ предназначен для политических реформаторов, простых граждан и активистов движения за свободную культуру, и его целью является создание практических инструментов для энергичного осуществления этих изменений.

Кто создает культуру?

Для роста и развития творческих способностей необходим доступ к существующим культурным

[34] Declaration for Sustainable Creativity, goo.gl/DtObS.

ценностям, знаниям и информации. Каждый — в разной степени — способен внести свой вклад в культурные и материальные ценности: от самого простого до очень внушительного. Необходимые для этого ресурсы и время тоже отличаются своими масштабами. Мы намерены продвигать способы высвобождения этого времени и этих ресурсов, чтобы дистрибуция потенциала шла по устойчивому пути.

*Основные принципы
устойчивости творческого потенциала*

1. Реструктурирование творческих отраслей не только необходимо, но и неизбежно.

2. В цифровую эпоху, как никогда ранее, создаётся и распространяется больше произведений культуры; в данном контексте совместное пользование, как оказалось, играет важную роль в распространении культуры.

3. Доходы, которые так рьяно пытается отстоять культурное лобби, основаны на создании искусственного дефицита.

4. Сфера культуры должна признать квалификацию и активный вклад всех её агентов, а не только создателей.

5. Цифровое поле выгодно авторам так же, как и предпринимателям и гражданскому обществу. Подходящие модели облегчают доступ пользователей, потребителей и авторов друг к другу. Роль среднего гражданина должна быть пересмотрена в связи с новым подходом на основе сотрудничества.

6. Интернет — важный инструмент установления контактов между создателем и его аудиторией. Это одна из причин, почему каждому должен быть гарантирован равный доступ к интернету.

7. Правительства, которые не поощряют новые формы создания и распространения культуры, теряют прибыль для общества и разрушают его культурное разнообразие.

8. Как показал опыт открытого и свободного программного обеспечения, пиринговое производство и дистрибуция не противоречат рыночным стратегиям и коммерческой дистрибуции.

Экономические модели устойчивого творческого потенциала

Приведённый ниже список начинается с моделей, сходных с традиционно принятыми в культуре, затем идут модели, которые ближе к идее совместного пользования, характерного для нашего времени. Многие из этих моделей сейчас активно вводятся и уже работают. Нам необходимо создать для них более благоприятные условия и устранить барьеры, ограничивающие их рост.

1. Плати за то, что получаешь

Некоторые советы по реструктурированию отраслей культуры: люди готовы платить за произведения культуры или товары, пока они считают цену приемлемой, а внесение платы не ограничивает их свободы. Сделайте это более простым и доступным; сделайте цены приемлемыми; не делайте это обязательным, статичным

и криминализированным, предоставьте опции и возможность выбора. Платите справедливую заработную плату, когда нанимаете на работу профессионалов.

2. Реклама

Между рекламными бомбардировками пользователей и полным отсутствием рекламы существуют промежуточные этически выдержанные опции: избирательная реклама (получение рекламы только тех проектов, которые близки по тематике); давать пользователям возможность контролировать потребление рекламы; разрешать пользователям запрашивать рекламу, связанную со статьями, которые они читают.

3. Плати за дополнительные возможности

Общее пользование копиями помогает создателям укреплять свою репутацию, что затем позволяет назначать плату за услуги и другие вещи, которые нельзя копировать, например: «живое» исполнение; произведения, созданные по найму; специально разработанные гаджеты; привлекательные материальные товары.

4. Фримииум

Фримииум — это бизнес-модель, по которой основные услуги или базисный скачиваемый цифровой продукт предоставляются бесплатно, тогда как за более продвинутые специальные функции взимается плата.

5. Добровольные взносы

Модель добровольных взносов предусматривает денежные пожертвования со стороны пользователей с целью поддержания проекта или предприятия. Чем больше вовлеченность пользователей и уважение к ним, тем лучше работает система.

6. Народное финансирование (crowdfunding)

Возможность для отдельных граждан или организаций предоставлять денежные средства на культурные проекты, становясь их заинтересованными участниками. Эти вклады могут принимать форму инвестиций ещё до создания проекта, через микро- или макрокредиты и пожертвования на уже существующие проекты.

7. Стратегия общего пользования и распределение стоимости

Провайдеры коммерческих площадок для сотрудничества делятся своими доходами с авторами, которые создают материал, делающий услуги ценными, а те простые пользователи, кто пользуется общим материалом, получают его в бесплатное совместное пользование.

8. Система коллективного финансирования

Постоянный тариф на интернет-подключение может рассматриваться только в том случае, если он предусматривает равные права и демократическую систему ресурсов, а также признает за

гражданами право обмениваться и повторно использовать работы на бесплатной основе.

9. Основной доход

Если попытаться увязать вопрос свободной культуры с видением широкомасштабных социальных преобразований в капиталистических экономиках, то идея основного дохода предполагает поддержание общества как производительной силы. Гарантированный основной доход — это способ избежать непредсказуемых последствий и перераспределить экономические блага.

10. Государственное финансирование/формирование политического курса

Мы считаем, что в условиях общества налогоплательщиков культура должна получать определенную долю государственных инвестиций, поскольку нельзя отрицать её важную социальную роль. Общественное финансирование не следует рассматривать как подмену ответственности государства за финансирование культуры, а свободная культура не является аномалией.

А. Финансируемые государством работы после разумного срока коммерческого использования должны передаваться в цифровые сети так, чтобы публика, которая платила за них раньше, могла пользоваться ими и повторно использовать.

В. Налоговые поступления должны способствовать микрофинансированию и публикации произведений без ограниченных лицензий.

С. Граждане должны иметь возможность решать, как распределяются государственные инвестиции в культуру.

Д. Следует поощрять альтернативные каналы дистрибуции. Политика в области культуры должна быть направлена на достижение большего культурного разнообразия и создание устойчивых платформ сотрудничества.

Е. Следует оказывать поддержку сетям независимых производителей, дистрибьюторов и авторов, а также они должны быть представлены на государственных каналах вещания.

Ф. Обязательным условием для введения любого нового политического курса в области культуры должно быть серьёзное обоснование. Мы должны анализировать последствия предлагаемых мер регулирования культурной сферы и знания до того, как они введены.

Итоги

Новые бизнес-модели, в которых коллективное производство рассматривается как среда, которую необходимо наполнять и охранять, а не просто использовать в своих интересах, содержат базовую предпосылку о том, что совместная деятельность совместима с рыночной динамикой. Наиболее показательные практические примеры связаны с сообществами свободного программного обеспечения. «Выходной продукт» распространяется на условиях неограниченных лицензий, позволяя третьим лицам использовать и модифицировать его, при том что те же самые

степени свободы обязательны для производных произведений. В результате создаётся общее достояние, которое постоянно пополняется и улучшается новыми участниками, при этом разрешается коммерческое использование полученных знаний и навыков, а также самих работ.

Пользователи становятся создателями стоимости и вступают в цикл производства и потребления, из которого они же извлекают пользу.

Между тем в этом новом контексте необходимо защищать, продвигать и обеспечивать выполнение условий, которые делают возможным сетевое сотрудничество.

Руководствуясь другой логикой, традиционные культурные отрасли хотят продолжать пользоваться коллективной продукцией в своих интересах, не реагируя на коллективную логику, которая сейчас вышла на передний план благодаря интернету. Эти отрасли пытаются продолжать навязывать финансовые стандарты общему достоянию, не сдвая позиций хищнического отношения к культуре (экономика дефицита), что полностью противоречит философии свободной культуры (экономике изобилия).

Хартия инноваций, творчества и доступности знаний [35]

*Права граждан и людей творческих профессий
в цифровую эпоху и решения, которые необходимо
срочно принимать*

Широкая коалиция граждан, пользователей, потребителей, организаций, творческих работников, хакеров, участников движения за свободную культуру, экономистов, юристов, преподавателей, учащихся, исследователей, ученых, активистов, трудящихся, безработных, предпринимателей, авторов из более чем 30 государств приглашает всех граждан присоединиться к этой Хартии, разделить ее идеалы и внедрить ее в жизнь.

Мы приглашаем все правительства, многонациональные корпорации и организации прислушаться к ней, понять суть и обеспечить ее исполнение.

Важное предварительное замечание

Иногда права авторов, патенты и торговые марки, а также ряд других законов смешиваются в одну общую массу под названием «интеллектуальная собственность». Этот термин, как объясняет Ричард Столмен, не объективен и вносит путаницу, искажая фактическую базу этих за-

[35] Charter for Innovation, Creativity and Access to Knowledge, <http://goo.gl/BBE3E>.

конов. Мы не будем использовать его в данной Хартии. Мы используем только правильные термины: «авторские права», «патенты», «авторские гонорары» и т. д.

1. Введение

Мы переживаем революцию в развитии знаний и культуры, в сфере того, как они создаются, трансформируются и становятся доступными. Гражданское общество, деятели культуры и потребители больше не являются беспомощными и не изолированы от создания контента и его дистрибуции: сегодня отдельные граждане сотрудничают в разных сферах, участвуют и непосредственно принимают решения самым демократическим образом.

Цифровые технологии «навели мосты», позволив свободно распространяться идеям и знаниям. Они покончили со многими географическими и технологическими препятствиями на пути обмена информацией. Они создали новые инструменты образования и способствовали появлению новых возможностей для социальной, экономической и политической организации общества. Эта революция сравнима с коренными преобразованиями, вызванными изобретением печатного станка.

Несмотря на все эти преобразования, индустрия развлечений, большинство провайдеров коммуникационных услуг, правительства и международные институты всё еще видят источники своих доходов и власти в контролиро-

вании контента, инструментов и каналов дистрибуции, а также в использовании недостатков управления. Это приводит к ограничению прав граждан на образование, доступ к информации, культуре, науке и технологиям, к ограничению свободы выражения, неприкосновенности средств связи и частной жизни, свободы обмена информацией. В принятии политических решений, касающихся авторского права, общий интерес должен превалировать над конкретными личными интересами.

Существующие ныне организации, отрасли, структуры и соглашения не выживут в будущем, если не адаптируются к изменениям, возникшим в результате цифровой эпохи. Некоторые, однако, смогут измениться и усовершенствовать свои методы в ответ на новые реалии. И нам следует это учитывать.

Политические и экономические последствия свободной культуры

Свободная культура открывает возможности для применения новых моделей участия граждан в производстве общественных благ, причём на основе принципа «общего пользования». «Управление общим использованием» — это установление правил и границ управления коллективным производством, разумное руководство и доступность общих ресурсов. Управление общим использованием подразумевает участие, вовлечённость, прозрачность, равный доступ и долгосрочную устойчивость. Мы признаём, что общее

пользование является особой и нужной формой управления, которая не обязательно связана с государственными или другими общепринятыми политическими институтами и которая подтверждает, что гражданское общество сегодня является мощной силой.

Мы признаём, что такая социальная экономика является важным источником получения прибавочной стоимости наряду с частным рынком. Новое общее пользование, возродившееся под влиянием цифровых технологий (помимо других факторов), расширяет сферу того, что составляет экономику как таковую. Сейчас правительства оказывают существенную поддержку экономике рынка частных заказов. Мы убедительно просим их оказывать такую же всеобъемлющую поддержку совместному пользованию.

Текущий финансовый кризис продемонстрировал жесткие ограничения некоторых существующих экономических моделей. С другой стороны, философия «свободной культуры» — наследие движения за «свободное программное обеспечение» — доказывает на практике, что новый вид этики и новые виды предпринимательской деятельности возможны. Она уже создала новую действующую форму производства на основе профессий и ремесел, где автор (он же производитель) не теряет контроль над производственным процессом и в то же время не нуждается в посредниках. Эта форма производства основывается на кооперативных предпринимательских инициативах, на обмене по способностям и воз-

возможностям каждого, на демократизации знаний, образования и средств производства, а также на честном распределении заработков в соответствии с проделанной работой.

Мы заботимся о благополучии художников, исследователей, авторов и других творческих личностей. Проекты и инициативы, основанные на принципе свободной культуры, используют самые разные подходы в достижении устойчивости. Некоторые из них хорошо известны, другие ещё находятся в стадии эксперимента. Сочетание разных опций становится всё более осуществимым как для независимых авторов, так и для всей отрасли. Должны существовать чёткие правила для того, чтобы содействовать общедоступным, совместно используемым знаниям, чтобы защищать их от любого вида исключительного присвоения отдельными лицами или компаниями и таким образом предотвращать возможность появления ограниченной монополии или олигополии.

Цифровая эра несет исторический посыл укрепления справедливости и воздаст должное каждому.

Это и есть цель, которая лежит в основе следующих предложений.

2. Юридические требования

Мы изучили изъяны национальных систем регулирования и международных договоров, касающихся распространения культуры и знаний, как на уровне частных, договорных отношений,

так и в сфере международной государственной политики. Эти недостатки существующего правового регулирования и договоров наносят вред интересам общества и современной демократической отрасли культуры.

Интересы общества реализуются при поддержке и обеспечении непрерывного процесса создания интеллектуальных произведений — в связи с их важной социальной ролью — и в том, что всем гражданам обеспечивается неограниченный доступ к этим работам при широком спектре видов использования.

А. Права в цифровом контексте

- *Право на цитирование* для учебных или научных целей, для чисто информационных или каких-либо других целей.

- *Копирование для личных целей*: воспроизводство в любой форме работ, которые до этого уже были опубликованы, в том случае, если оно делается с целью обмена или для личного пользования (частным лицом или коллективом) и если это не влечет получения экономической/коммерческой прибыли, не должно предусматривать разрешения от правообладателя и не влечёт компенсации. Не следует считать незаконным иметь копию работы для частного пользования.

- *Добросовестное использование*: право доступа и использования без разрешения со стороны правообладателя произведений, защищённых авторским правом, для учебных, педагогических, научно-исследовательских целей, в пародиях и

сатирических произведениях или для любых целей, связанных с творчеством.

Б. Стимулирование творчества и инноваций

Мы заботимся о благополучии людей творческих профессий и авторов:

- в условиях творческого труда там, где невозможно гарантировать разумную плату и сроки выплат, следует гарантировать гонорары;
- различие позиций в переговорном процессе всегда приводит к несправедливым решениям, как это происходит на переговорах между авторами и коммерческими структурами, и здесь следует использовать стратегию противовеса;
- все неправомерные «цифровые сборы», которые всем без разбора предъявляют санкции ради «компенсаций людям творческого труда» и которые включают штрафы за деятельность, ни в коем случае не являющейся криминальной, должны быть запрещены. Понятие «обязательной компенсации» не должно существовать;
- авторы/создатели должны всегда иметь возможность аннулировать мандат обществ по сбору авторских отчислений и контроля роялти;
- общества по сбору лицензионных платежей — это частные заведения, и они имеют право контролировать только счета своих членов, которые никак не составляют всего творческого сообщества;
- ни одно общество по сбору роялти не имеет право создавать монополию или препятствовать

людям творческих профессий или авторам использовать безвозмездные лицензии;

- частные общества по сбору отчислений не должны контролировать не относящиеся к ним сборы. Доходы от этих сборов должны быть компетенцией государственных учреждений и направляться на укрепление творческого потенциала общества в целом;

- патенты, которые монополизируют какое-либо программное обеспечение, метод ведения бизнеса, логическую схему, математический алгоритм, генетическую информацию, промышленные процессы, правила игр, умственную деятельность или какой-либо вид умственного развития человека, должны быть признаны нелегальными и ни при каких обстоятельствах не должны предоставляться.

В. Всеобщие знания и общественное достояние

- Границы общественного достояния следует расширить, а сроки авторского права сократить (менее 50 лет).

- Результаты работ и проектов, финансируемых государством, должны всегда лицензироваться с правом свободно допустимого использования и дистрибуции в свободном формате совместного доступа.

- Когда государство или учреждения, поддерживаемые государством, обладают копиями работ, авторское право на которые истекло, они должны сделать их доступными для публики,

которая сможет их копировать, обменивать и использовать в любом виде.

Г. Защита доступа к технологическим инфраструктурам и сетевого нейтралитета

- Граждане имеют право на подключение к интернету, которое позволяет посылать и получать контент, какой они хотят, использовать услуги и приложения на свой выбор, подключать оборудование и использовать любое программное обеспечение при условии, что это не наносит вреда сети. Провайдеры интернет-услуг должны полностью документировать протоколы, которые они используют.

- Граждане имеют право на подключение к интернету, которое свободно от всякого рода дискриминации — будь то блокирование, ограничения или назначение приоритетов, — в отношении типов приложений, услуг или контента, а также на основании адреса отправителя или получателя информации.

- В интернете не должны применяться никакие ограничения или фильтрация.

3. Основные принципы образования и доступа к знаниям

Обучение начинается с имитации. Копирование и совместное пользование знаниями являются, таким образом, двумя основополагающими принципами любого процесса образования. Эти принципы включены в культуру совместного пользования, где их значение не снижается. Мы

понимаем образование как социальный процесс, в который вовлечено много субъектов обучения, технологий, организаций и видов деятельности, помимо обычных официальных составляющих. Наше видение образования состоит в том, что создаётся эффективная и устойчивая культура совместного пользования знаниями и инновациями в образовании.

Свободное и открытое программное обеспечение

Свободное и открытое программное обеспечение дает возможность получать и осваивать новые сведения, а не просто вводить информацию. Оно способствует прозрачности в обработке информации, создаёт конкурентные условия и продвигает инновации, обеспечивает независимость от корпоративных интересов и повышает самостоятельность пользователей. Следовательно, свободное и открытое программное обеспечение следует использовать, продвигать и внедрять в образовательных учреждениях и других местах, где ведётся учебный процесс.

Образовательные ресурсы совместного пользования

Образовательные ресурсы — это базовый инструмент образования. Их открытая публикация как общественного достояния или на основе свободной лицензии способствует доступности знаний, содействует прогрессу и соучастию и обеспечивает культурное разнообразие, при этом максимально растёт повторное использование и эффективность. Учебники, разработки и дру-

гие виды учебных материалов следует публиковать как «Образовательные ресурсы совместного пользования», обеспечивающие право на использование, копирование, адаптирование, перевод и повторную дистрибуцию.

Доступ для совместного пользования

Публикации, к которым имеется доступ для совместного пользования, гарантируют использование результатов научных исследований как научными работниками, так и обычными гражданами. Они повышают потенциал обучения и помогают разным исследовательским дисциплинам пользоваться результатами деятельности друг друга. Поэтому университетам и исследовательским центрам следует применять модель «доступа для совместного пользования» при публикации результатов научных исследований. Применение патентов для результатов исследовательских работ, проводимых на основе государственного финансирования, не рекомендуется.

Открытые стандарты

Использование открытых стандартов и открытых форматов важно для обеспечения технической совместимости, что дает бесперебойный доступ к цифровой информации, создает равные условия для конкурентов и обеспечивает доступ к знаниям и социальной памяти сегодня и в будущем.

4. Структурные требования к обществу знания

Частная жизнь

Граждане имеют право

- на поиск в интернете и анонимность контента;
- решать, когда они могут вводить, изменять или удалять данные пользователя из онлайн-услуг;
- то, чтобы коммуникацию не прерывали, и на зашифровку своей коммуникации.

Сетевые права: свобода пользования, создания контента и подсоединения

- Гражданское общество и государственные органы должны иметь право предоставлять и осуществлять сетевые услуги, включая бесплатные и без ограничений для граждан.

Инфраструктуры и рыночное регулирование

- Нейтралитет: необходимо гарантировать сетевой нейтралитет;
- симметрия: провайдеры интернет-услуг должны обеспечивать симметричное подключение или разумное соотношение скачивания и загрузок. Доступ к широкополосному интернету (ITU-i113) должен быть обеспечен как универсальное право на услуги для всех граждан;
- разнообразие: не следует допускать монополий в сфере телекоммуникационных инфраструктур и услуг. Граждане имеют право на

доступ более чем к одному провайдеру (государственному или частному), и это не должно сопровождаться приобретением других продуктов или услуг. В любом случае все граждане имеют право на доступ к технологическим системам, продуктам и инфраструктурам, которые предоставляют свободный доступ к интернету («цифровой дивиденд»).

Государственное администрирование

- Государственный сектор и проекты на основе государственного финансирования, а также те, которыми граждане должны пользоваться по закону, должны всегда использовать свободное программное обеспечение и открытые стандарты.

- Если свободного решения или открытого стандарта не существует, государство или соответствующие государственные учреждения должны содействовать созданию необходимого программного обеспечения.

- Государство должно гарантировать неисключительный свободный доступ к интернету для всех граждан независимо от места их проживания.

Оценка стоимости и приобретение программного обеспечения у государственных поставщиков

- При приобретении программного обеспечения у государственных или спонсируемых государством поставщиков должна быть произведена оценка общей стоимости использования программного обеспечения, включая стоимость

отказа от провайдера и перехода на другое программное обеспечение.

- Бухгалтерские инстанции должны четко определить разницу между стоимостью лицензий на программное обеспечение, техническую поддержку, услуги и текущий ремонт и стоимостью оборудования.

5. Прозрачность

Для того чтобы избежать нарушения основных прав граждан, нужна прозрачность в соблюдении законодательных норм и данных о лоббировании интересов, особенно информации об органах власти, ответственных за проведение в жизнь законов и обязательных процедур. Цифровые инструменты сами по себе обладают потенциалом большей прозрачности и открытости для политической сферы. По этой причине обеспечение цифровой инфраструктуры и цифровых инструментов должно базироваться на прозрачных процедурах.

Мы были бы рады поддержать «систему тройного удара» для нарушителей общественного права, если таковая будет разработана.

Манифест общественного достояния [36]

«Книга как таковая принадлежит автору, но как создание мысли она принадлежит — и это не преувеличение — всему человечеству. Все умы имеют на нее право. Если бы одно из этих прав, право писателя или право человеческого разума, пришлось бы принести в жертву, это было бы, конечно, право писателя, ибо интересы общества — наша главная забота, и все, утверждаю я, должны стоять выше, чем мы» (*Виктор Гюго. Речь на открытии международного литературного конгресса, 1878*).

«Наши рынки, наша демократия, наши традиции свободы слова и все наше искусство опираются на общественное достояние, состоящее из произведений в свободном доступе, в гораздо большей степени, чем на защищенные правами собственности работы. Общественное достояние — это не какие-то крохи, остающиеся после того, как все хорошее подпадает под действие прав собственности. Общественное достояние — то место, где добываются кирпичи, из которых построена наша культура. В действительности

[36] The Public Domain Manifesto (goo.gl/JUll). Перевод на русский язык приводится по следующей публикации: goo.gl/qPcnb.

оно представляет собой большую часть нашей культуры» (*James Boyle. The Public Domain, p.40f, 2008*).

Предисловие

Общественное достояние, как мы его понимаем, представляет собой массив информации, находящейся в свободном доступе и лишённой ограничений на доступ и использование, которые обычно связываются с понятием авторских прав. Свободный доступ достигается благодаря тому, что правообладатель решил снять соответствующие ограничения, либо благодаря истечению срока действия авторских прав. Общественное достояние представляет собой фундамент нашего самосознания, выраженного в нашей культуре и знаниях. Оно представляет собой ту питательную смесь, из которой возникает новое знание и новые произведения культуры. Механизм общественного достояния обеспечивает доступность к этой питательной смеси по себестоимости (близкой к нулю) для всех членов общества и возможность творить на ее основе. Развитая и постоянно пополняющаяся система общественного достояния необходима для социального и экономического благополучия нашего общества. Общественное достояние играет центральную роль в образовании, науке, культурной преемственности и общественной информации. Процветающее общественное достояние является одной из предпосылок для выполнения статьи 27(1) Всемирной декларации прав чело-

века («Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами») во всём мире. Цифровое, взаимосвязанное информационное общество привело к тому, что тема общественного достояния стала центральной в обсуждениях вопросов, связанных с авторским правом. Чтобы сохранить и приумножить общественное достояние, нам необходимо целостное и актуальное понимание природы и роли этого важнейшего ресурса. Манифест общественного достояния определяет понятие общественного достояния и показывает основные принципы и условия, необходимые для существования объёмного и качественного общественного достояния в XXI веке. В этом манифесте общественное достояние рассматривается в связи с законами об авторском праве, которые отделяются от других прав интеллектуальной собственности (таких, как торговые марки и патенты), но понимаются в самом широком смысле, включают в себя материальные, нематериальные и смежные права (к примеру, права на базы данных). В дальнейшем для обозначения всех этих и сходных прав используется термин «авторское право». Термин «произведения» обозначает все объекты, на которые распространяется авторское право в этом смысле, включая базы данных, выступления и записи. Таким же образом под понятие «авторы» подпадают фотографы, продюсеры, журналисты, художники, исполнители и так далее.

Общественное достояние в XXI веке

Общественное достояние, являющееся предметом данного Манифеста, понимается как совокупность объектов культуры, которые допускают неограниченное использование, то есть не подпадают под ограничения, налагаемые авторским правом. Помимо произведений, формально принадлежащих общественному достоянию, существует множество произведений, которые предоставляются их авторами на весьма свободных условиях и которые составляют структуры, во многом схожие с общественным достоянием. Благодаря исключениям и ограничениям авторских прав и принципам добросовестного использования и добросовестного ведения сделок существует возможность пользоваться и произведениями, подпадающими под действие авторских прав. Все эти возможности облегчают доступ к нашей культуре и наследию. Они важны для нашего общества и должны активно поддерживаться, чтобы общество получало преимущества от совместной культуры и знаний.

Структурное общественное достояние

Структурное общественное достояние является сердцевиной идеи общественного достояния и состоит из всех тех произведений, знаний и ресурсов, доступ к которым не ограничен авторскими правами согласно текущему законодательству. Структурное общественное достояние состоит из двух видов произведений.

1. *Труды, срок действия авторского права на которые истёк.* Авторские права предоставляются авторам на ограниченный срок. Когда этот срок истекает, все юридические ограничения снимаются, кроме нематериальных прав авторов в законодательствах некоторых стран.

2. *Существенный массив информации, не подпадающий под действие авторского права.* Произведения, которые не защищаются авторским правом из-за отсутствия элемента оригинальности, а также особо оговоренные исключения (такие, как данные, факты, идеи, процедуры, процессы, системы, методы действия, концепты, принципы или открытия, вне зависимости от формы, в которой они описываются, объясняются, демонстрируются или встраиваются в произведения, а также законы и административные решения). Эти объекты слишком важны для функционирования любого общества, чтобы налагать на них какие-либо ограничения, даже на ограниченный срок.

Структура общественного достояния представляет собой исторически возникший противовес к авторским правам и играет важнейшую роль в сохранении культурной памяти и знаний нашего общества. Во второй половине XX века оба названных элемента подверглись серьёзной угрозе из-за увеличения сроков действия авторского права и введения дальнейших юридических конструкций, направленных на ограничение доступа к произведениям.

*Добровольное предоставление свободного доступа
и права пользователей*

Наряду со структурным общественным достоянием существуют и другие возможности, позволяющие людям свободно взаимодействовать с произведениями, которые защищены авторскими правами. Они представляют собой «люфт» нашей культуры и знаний и гарантируют, что авторские права не противоречат особым нуждам общества и воле самих авторов. Хотя эти способы и делают доступ к произведениям более свободным, некоторые из них тем не менее ограничивают его определенными видами использования или определенной группой пользователей.

1. *Труды, свободный доступ к которым добровольно предоставлен правообладателем.* Авторы могут снимать ограничения на использование своих творений различными способами: путем применения свободных лицензий, иных юридических способов, позволяющих свободно использовать эти творения, или путем отдачи их в общественное достояние. Чтобы получить представление о свободных лицензиях, рекомендуется взглянуть на определение свободного программного обеспечения [37], свободного произведения культуры [38] и свободного знания [39].

[37] goo.gl/OGqo.

[38] goo.gl/5RSW.

[39] goo.gl/xpifg.

2. Права пользователей, следующие из исключений и ограничений в системе авторского права, а также из принципов добросовестного использования и добросовестного ведения сделок. Эти права представляют собой органическую часть общественного достояния. Они обеспечивают достаточный доступ к нашей общей культуре и знаниям и функционирование важных общественных институтов, а также дают возможность социального взаимодействия лицам со специальными потребностями.

В совокупности общественное достояние, добровольное предоставление свободного доступа, исключения и ограничения авторских прав, добросовестное использование и добросовестное ведение сделок существенно способствуют тому, чтобы все имели доступ к нашей культуре и знаниям, что способствует инновациям и позволяет всем участвовать в культурной жизни общества. Тем самым необходимо, чтобы общественное достояние в обоих своих проявлениях поддерживалось и расширялось, чтобы оно могло продолжать выполнять свою ключевую функцию и в нынешнее время быстротекущих и радикальных общественных и технологических перемен.

Общие принципы

В период быстротекущих общественных и технологических перемен общественное достояние выполняет фундаментальную роль в культурной

сопричастности и цифровой инновации, а потому нуждается в активной поддержке. Активная поддержка общественного достояния должна учитывать ряд общих принципов. Нижеследующие принципы крайне важны для правильного понимания общественного достояния и обеспечения его осмысленного функционирования в технологическом окружении взаимосвязанного информационного общества. В отношении структурного общественного достояния эти принципы имеют следующий вид.

1. *Общественное достояние — правило, авторские права — исключение.* Поскольку защита со стороны авторских прав относится только к оригинальным формам самовыражения, подавляющее большинство идей, данных и информации, которые производятся в мире в любой момент времени, принадлежат общественному достоянию. В дополнение к формам информации, принципиально не защищаемым авторским правом, общественное достояние год от года расширяется за счёт произведений, срок авторских прав которых истекает. Комбинация из требований защиты, которые удовлетворяются авторскими правами, и их ограниченным сроком действия, приводят к тому, что общественное достояние постоянно расширяется, обеспечивая таким образом доступ к нашей общей культуре и знаниям.

2. *Срок авторских прав должен быть не больше, чем тот, который требуется для сохранения равновесия между вознаграждением автора за его интеллектуальный труд и удовлетворением обще-*

ственного интереса, заключающегося в распространении информации. Ни с точки зрения автора, ни с точки зрения общества не существует убедительных аргументов (социального, экономического, исторического и любого другого свойства), которые бы оправдывали чрезмерно долгий срок действия авторских прав. Хотя автор имеет право получить вознаграждение за свой труд, общественность не должна чрезмерно долгое время быть лишена свободного доступа и возможности дальнейшего использования произведений.

3. *Произведение в общественном достоянии навсегда остается общественным достоянием.* Захват исключительных прав на произведения, принадлежащие общественному достоянию, путем помещения копий этих произведений под защиту авторского права или использования технических средств для ограничения доступа к этим произведениям, недопустим.

4. *Добросовестный пользователь цифровой копии произведения, принадлежащего общественному достоянию, должен иметь неограниченное право использования, копирования и изменения этого произведения.* Если произведение является общественным достоянием, это еще не означает, что доступ к нему в физической форме должен быть свободен. Владельцы физических произведений, которые принадлежат общественному достоянию, имеют право ограничивать доступ к этим физическим объектам. Однако любое произведение, ставшее общественным достоянием, должно без

ограничений допускать копирование, модификацию и воспроизведение.

5. *Контракты, направленные на ограничение доступа к произведениям, принадлежащим общественному достоянию, не должны иметь юридической силы; средства технической защиты, созданные для этой цели, должны быть безнаказанно обходимы.* Принадлежность к общественному достоянию обеспечивает право свободного доступа, использования и модификации произведения. Этот пункт также относится к правам пользователей, происходящим из исключений и ограничений авторского права, добросовестного использования и добросовестного ведения сделок, и гарантирует, что общественное достояние не может быть ограничено юридическими и технологическими средствами.

Для добровольного предоставления свободного доступа и прав пользователей, описанных выше, действуют следующие принципы.

1. *Добровольный отказ от авторских прав на произведение и распространение своего произведения являются законными правами правообладателей.* Многие авторы, имеющие авторские права, не желают в полном объеме реализовать их или хотят вообще отказаться от этих прав. Если это желание является добровольным, оно должно быть признано законным правом автора и не быть ограниченным законами или иными механизмами.

2. *Исключения и ограничения действия авторских прав, добросовестное использование и добро-*

совестное ведение сделок необходимо активно поддерживать, чтобы обеспечить сохранение фундаментального баланса между авторскими правами и общественными интересами. Эти механизмы создают «люфт» для прав пользователей внутри существующей системы авторских прав. Учитывая быстрые изменения в обществе и технологиях, следует следить за тем, чтобы они продолжали обеспечивать достаточный доступ к нашей общей культуре и знаниям и функционирование важных общественных институтов, а также дают возможность социального взаимодействия лицам со специальными потребностями. Следовательно, исключения и ограничения авторских прав, принципы добросовестного использования и добросовестного ведения сделок должны иметь эволюционный характер и постоянно изменяться в соответствии с интересами общества.

Помимо изложенных общих принципов следует немедленно обратиться к решению некоторых проблем, относящихся к общественному достоянию. Нижеследующие рекомендации направлены на защиту общественного достояния и обеспечения его осмысленного функционирования. Эти рекомендации могут быть применены ко всем областям авторского права, но особое значение они приобретают в областях образования, культурного наследия и научных исследований.

Общие рекомендации

1. *Срок действия авторских прав должен быть сокращен.* Чрезмерные сроки действия авторских прав в сочетании с отсутствием формальных рамок существенно ограничивают возможность доступа к культуре и знаниям. Они также приводят к появлению произведений-сирот, которые не контролируются авторами и не принадлежат общественному достоянию и тем самым не могут быть использованы. Для новых произведений срок авторского права должен быть сокращен до разумной величины.

2. *Любое изменение в области действия авторских прав (включая любое новое определение объектов, подлежащих защите при помощи авторских прав, и расширение области исключительных прав) должно учитывать последствия, которые возникнут для общественного достояния.* Любое изменение в области действия авторских прав не должно иметь обратной силы по отношению к произведениям, уже защищённым авторским правом. Авторское право — ограниченное во времени исключение некоторых произведений из общественного достояния нашей культуры и знаний. В XX веке действие авторского права было существенно расширено, из-за чего были укреплены права небольшой группы правообладателей в ущерб интересам общественности. В результате этого большая часть нашей культуры и знаний оказалось запертой за ограничения-

ми, налагаемыми законами об авторском праве и техническими средствами ограничения доступа. Мы должны стремиться к тому, чтобы ситуация в будущем как минимум не усугублялась, а как максимум — существенно улучшилась.

3. *Когда произведение попадает в область структурного общественного достояния в стране появления, оно должно считаться принадлежащим структурному общественному достоянию во всем мире.* Если произведение в какой-то стране не подпадает под действие авторского права из-за применимости некоторого исключения, такого как несоответствие критерию оригинальности или истечение срока действия авторского права, не должно быть возможным — даже со стороны автора — обратиться к законам об авторском праве другой страны, чтобы таким образом избежать попадания произведения в общественное достояние.

4. *Любая неправомерная попытка присвоения произведений, принадлежащих общественному достоянию, должна быть наказуема.* Чтобы сохранить внутреннюю структуру общественного достояния и для защиты пользователей общественного достояния от обмана и неправомерных представлений, любая попытка присвоить себе исключительные права на произведения, принадлежащие общественному достоянию, должна быть незаконной.

5. *Другие права интеллектуальной собственности не должны использоваться для того, чтобы получить исключительные права на произведения,*

принадлежащие общественному достоянию. Общественное достояние играет принципиальную роль во внутреннем равновесии системы авторского права. Недопустимо нарушение этого внутреннего равновесия путем попыток восстановить или присвоить исключительные права путем применения законов, внешних по отношению к авторскому праву.

6. *Должен существовать эффективный и практический способ обеспечения доступа к произведениям-сиротам и опубликованным произведениям, недоступным в первоначальной форме (к примеру, более не издающиеся печатные произведения).* Увеличение срока действия авторских прав для иностранных произведений привели к появлению большого количества произведений-сирот, не принадлежащих общественному достоянию и не подконтрольных их авторам. Учитывая, что эти произведения не приносят пользы ни своим авторам, ни обществу, их следует поместить в свободный доступ и таким образом позволить обществу использовать их для дальнейшего развития.

7. *Институты, занимающиеся культурным наследием, должны взять на себя особую роль в эффективном сохранении и каталогизации общественного достояния.* Некоммерческие организации культурного наследия много веков занимались сохранением знаний и культуры. В этой своей роли они должны обеспечивать, чтобы произведения, принадлежащие общественному достоянию, были доступны всему обществу, путем их сохра-

нения, каталогизации и предоставления доступа к ним.

8. *Не должно существовать никаких юридических препятствий к добровольному предоставлению доступа к произведениям или их передаче в общественное достояние.* Обе этих возможности являются законными проявлениями исключительных авторских прав и обе они являются фундаментальными для обеспечения доступа к культуре и уважению к желанию авторов.

9. *Необходимо принципиально разрешить использование защищенных законами об авторских правах произведений в частных некоммерческих целях.* Для этого следует обратиться к альтернативным моделям вознаграждения авторов. В то время как для саморазвития каждого отдельного человека имеет принципиальное значение возможность частного некоммерческого использования произведений, при установке новых ограничений и исключений из авторских прав и пересмотре старых необходимо учитывать позиции и интересы авторов.

Творчество и авторское право в цифровую эпоху [40]

Преамбула. Определение авторского права

Права автора включают в себя экономические права на произведение (имущественные) и моральные (неимущественные) права автора. Однако установленный порядок неимущественных прав не должен препятствовать использованию произведения, когда на автора ссылаются, пока он сам имеет возможность высказать свое мнение по поводу использования его труда и пока это этически приемлемо.

Перемены как возможности

1. В прошлом технологии неоднократно бросали вызов способам культурного производства, их экономическим аспектам и существующим правовым рамкам. Поскольку новые технологии зачастую встречаются с неготовностью к изменениям существующих отношений, они становятся двигателем для преобразований и дальнейшего

[40] «Creation and Copyright in the Digital Era», Consolidated version after vote of September 28th, 2011 of The Greens and European Free Alliance, <http://goo.gl/9jB5F>. Совместное заявление объединённой группы «зелёных» и Европейского свободного альянса в Европарламенте (сентябрь, 2011). Перевод на русский язык приводится по публикации <http://goo.gl/mKlge>.

развитие существующих отношений. С появлением цифровых технологий и интернета производство, распространение, доступ и использование объектов культурного наследия за последние 20 лет значительно изменились. Это приводит к тому, что потрясаются социальные, правовые и экономические устои и происходят важные преобразования.

2. Мы считаем, что этими трансформациями необходимо воспользоваться как возможностью для расширения всеобщего доступа к культурным объектам. В то же время должны быть найдены устойчивые способы улучшить финансирование творчества и статус тех, кто творит, авторов и художников.

3. Ключевым моментом участия граждан в демократическом функционировании нашего общества являются культурное наследие и доступ к знаниям, также они являются важным источником экономического развития.

Мы считаем, что возможность идти в ногу с современными технологическими преобразованиями послужит как социальному, так и экономическому развитию в соответствии со статьей 27 пункт 1 и 2 Всемирной декларации прав человека, которая гласит: «(1) Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его достижениями, и (2) Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литератур-

ных или художественных трудов, автором которых он является».

4. Задача для властных функционеров и политиков состоит не в том, чтобы защищать старые бизнес-модели или изобретать на их основе новые, но в том, чтобы адаптировать их к новой цифровой ситуации и обеспечить надлежащее урегулирование правовых норм. Это необходимо для того, чтобы художники и авторы, начинающие создавать новое произведение, могли получить лучшее вознаграждение и признание своей работы.

Необходимо задать новый вектор в этой дискуссии

5. Различие между коммерческим и некоммерческим использованием авторских произведений необходимо делать всегда: пользователи, извлекающие финансовую выгоду от эксплуатации объектов авторского права, должны соответствующим образом вознаграждать правообладателей, в то время как пользователи, не извлекающие прибыли, должны быть свободны в использовании защищенных авторским правом работ при условии, что они ссылаются на автора. Хотя судебные решения должны содержать санкции против нарушения авторского права в коммерческих целях, мы отвергаем политику и меры, основанные только на репрессиях и контроле, в качестве мер по решению текущих социальных и экономических изменений, привнесенных цифровыми технологиями и интернетом. Это слишком часто означает риск произвольного

лишения свободы, и в то же время репрессивные меры, например такие как «закон о трех ударах», демонстрируют всё большую неэффективность, экономическую нерентабельность и неспособность адекватно отреагировать на преобразования, которые затрагивают творчество.

6. Мы отказываемся принимать те формы нынешней социальной трансформации, которые предлагают либо расширение прав интеллектуальной собственности и строгое их исполнение, либо же полный отказ от авторских прав в принципе. Мы считаем, что не может быть универсального решения, по крайней мере в сфере творчества, которое бы отвечало на проблемы, связанные с происходящими социальными преобразованиями, или было бы одновременно социальным и экономически выгодным. Для создания наиболее справедливых законных рамок, способствующих творчеству, одного инструмента правового регулирования недостаточно.

7. Представление о потребителях и художниках как о противниках, находящихся в конфликте друг с другом, игнорирует их общие интересы и тот факт, что личность может быть как тем, так и другим, а также и тем и другим одновременно. Как потребители, так и художники заинтересованы в поддержании условий производства для авторов, которые позволяют существовать независимым высококвалифицированным журналистам, режиссёрам, композиторам, фотографам, авторам научной литературы или романов, кото-

рые зависят не только от дотаций, помощи крупных компаний или пожертвований.

8. Если не всегда, то достаточно часто, творчеству трудно преуспевать без финансовой поддержки, оно находится в зависимости от возможности авторов и художников быть в курсе существующей интеллектуальной и культурной продукции. Поэтому важно убедиться, что ресурсы (финансовые, контент, идеи) доступны для художников и авторов. Для облегчения производства культурных ценностей необходимо принять во внимание все возможные источники финансирования (государственные расходы, доходы рынка, прямые взносы от физических лиц по фиксированной ставке или массовые добровольные пожертвования).

9. Авторское право — узаконенный инструмент, который был создан не сразу, он изменялся в соответствии с эволюцией творчества и технических знаний. Он был создан для обеспечения баланса между интересами авторов (творцов) и интересами широкой общественности и как таковой включает в себя средства защиты и ограничений. Авторское право — это один из многих инструментов, предназначенных для помощи творчеству, и он не должен рассматриваться как самоцель.

10. Вне зависимости от технических способов создания, воспроизводства и распространения работ авторов и художников, их неимущественные права не могут быть отчуждены или проигнорированы. В связи с возросшими техническими

возможностями по производству и распространению культурных благ важно, чтобы авторы произведения были идентифицированы, признаны и зарегистрированы. Это предполагает разработку и внедрение новых инструментов, баз данных и норм, которые должны поощряться и поддерживаться различными институтами.

11. Мы считаем, что в контексте наступления цифровой эпохи могут быть разработаны различные варианты, необходимые для признания авторства, их лучшего вознаграждения, чтобы при этом максимально были использованы технические возможности для того, чтобы обмениваться и делиться культурной продукцией. Для того чтобы двинуться в этом направлении и предпринять адекватные действия, необходимо рассматривать ситуацию именно с точки зрения тех, кто творит.

Улучшение ситуации с художниками и авторами

12. Положение и статус большинства художников зачастую сомнителен, такая ситуация имела место ещё до появления цифровых технологий. Их финансирование и вознаграждение происходит в большинстве случаев из множества источников: заработной платы, грантов, покровительства, авторского права, иной профессиональной деятельности, пособия по безработице и т. п. Все они обычно нерегулярные и непредсказуемые. Наёмные работники культурного сектора обычно имеют несколько заказчиков (работодателей), включая заказчиков вне

культурной области, выполняют сразу несколько работ с различными условиями. Авторское право как источник дохода имеет разную степень важности в зависимости от области, в которой было создано произведение. Однако для большинства творцов и художников авторское право приносит меньшую часть дохода.

13. Для облегчения труда творца необходимо изменить договорное право на уровне Европы, остановить выкуп контрактов и предоставить творцам и художникам лучшие условия при переговорах с развлекательными корпорациями, доминирующими на рынке. Потребитель — прежде всего гражданин и, следовательно, несёт ответственность перед теми творцами и художниками, творениями которых он наслаждается.

14. Для обеспечения художников в цифровую эпоху необходимы инструменты, информация, обучение и услуги, чтобы создать лучшее в новых условиях. Большинство не может пойти тем же путём, что и профессионалы из ИТС, поэтому им должно быть предоставлено множество других возможностей для стимулирования работы, продажи продукции, рекламы их выступлений и т. д.

15. Хотя дискуссии вокруг цифровых технологий и проливают свет на сомнительное положение художников, тем не менее, независимо от наличия информационных и коммуникационных технологий, системы сбора и распределения прибылей несовершенны и нечестны в большинстве стран для большинства творческих людей. Поэтому одним из ключевых действий, которое

необходимо срочно предпринять, является реформирование европейской системы сбора и распределения (роялти по авторскому праву) таким образом, чтобы оно гарантировало честное, устойчивое и прозрачное перераспределение вознаграждений от эксплуатации, защищенного авторским правом художественного произведения, вне зависимости от того, является оно цифровым или нет.

Трансформация индустрии

16. Понимание и отслеживание преобразований в созидании и потреблении культурной продукции вынуждают принимать её за единое целое. Как производство, так и потребление культуры (по количеству и деньгам) значительно возросли за последние 20 лет, обеспечив огромные доходы монополиям вроде Google и Apple, но не самим творцам. Некоторые способы потребления постепенно теряют популярность (физические носители: кассеты, CD, DVD, BlueRay и т. д.), другие же набирают обороты или только входят в активное пользование (потокное видео, скачивание, живые концерты, просмотр фильмов в кинотеатрах, онлайн-игры, ТВ по запросу, электронные книги, и т. д.).

17. Дематериализация ведёт к изменениям, которые наверняка повлияют на многие отрасли промышленности, будь то появление и исчезновение различных игроков данной индустрии; потери, создание и переходы в реконструкции ценностей и промышленности; появление новых

бизнес-моделей. Цепочки производства и сбыта изменяются, некоторые посредники исчезают, появляются новые профессии, но и старые не теряют важности.

18. В контексте зависимости общения людей и взаимного обмена от сложных и быстро меняющихся технологий совместимость форматов и считывающей аппаратуры имеет центральное значение для демократичного доступа к культурной продукции, а также для коммерческой деятельности. Это техническое свойство должно быть одобрено и проведено в жизнь европейскими институтами и закреплено европейскими нормами.

19. Некоммерческий обмен между отдельными лицами должен быть разрешён, например, путём расширения рамок ныне существующей оговорки о частном копировании. Если будет доказано, что производство культурного продукта подвергается риску некоммерческого скачивания, можно рассмотреть возможность установления единого налога на контент или иного механизма для пользователей широкополосной сети. Подобный механизм не должен нарушать неприкосновенность частной жизни интернет-пользователей. Распределение доходов должно поощрять нуждающихся и начинающих творцов.

20. Мы полагаем, что ключевой задачей является укрепление общественного достояния с тем, чтобы он стал источником просвещения (в широком смысле) наших граждан и созидания.

21. Наконец, свободно действовать, экспериментировать, бросать вызов существующим институтам и бизнес-моделям, технологическим ограничениям и методам важно не только для собственно творческой деятельности, но и для творчества как ценности, распространяющей возможности знания и его влияния на общество, для самой перспективы развития и процветания социума. Само существование интернета было бы невозможным без этой свободы действий, и обстоятельства, обусловившие его появление, не должны забываться сегодня. Поэтому нам необходима гарантия сетевого нейтралитета.

Реформирование авторского права

22. Мы действительно поддерживаем Creative Commons как хорошую возможность для творцов в любой момент выкладывать свои работы в сеть.

23. Ещё двадцать лет назад авторское право практически не касалось обычных людей. Правила об исключительных правах на производство копий адресовались коммерческим структурам, которые имели средства на печать книг и пластинок. Рядовые граждане, желающие переписать стихотворение и отправить его возлюбленной или скопировать пластинку на кассету и подарить другу, могли не беспокоиться о нарушении авторских прав. На практике выходило так, что вы могли делать всё, что хотели с использованием любых техсредств, доступных вам как рядовому человеку, без риска подвергнуться какому-либо наказанию.

Но сегодня авторское право развилось до такой степени, что накладывает серьёзные ограничения на то, что обычные граждане делают в повседневной жизни.

И если технический прогресс открыл обычным людям возможность пользоваться и делиться культурными продуктами, то законодательство по авторскому праву продвинулось в прямо противоположном направлении. Мы хотим вернуть авторское право к его истокам и четко прояснить, что оно вправе регулировать лишь копирование в коммерческих целях. Делиться копиями, иначе говоря, распространять или свободно использовать чью-то охраняемую авторским правом работу ни в коем случае не должно запрещаться, если это делается некоммерческим способом и без цели извлечения выгоды. Пиринговое распространение файлов — пример деятельности, которая должна быть узаконена.

24. DRM является аббревиатурой от Digital Rights Management (управление цифровыми правами) или Digital Restrictions Management (управление цифровыми ограничениями), то есть технические средств защиты авторских прав. Термин используется для обозначения ряда различных технологий, каждая из которых имеет целью ограничить возможности потребителей и граждан в использовании и копировании произведений, даже если они имеют на это законное право. Обход DRM-ограничений всегда должен быть легальным, и мы должны решить вопрос об ограничении прав потребителей на законо-

дательном уровне в сфере технологий DRM, которые ограничивают легальное использование произведений. Нет никакого смысла в том, чтобы наши парламентарии занимались оптимизацией законодательства об авторском праве, когда в то же время мы позволяем большим транснациональным корпорациям писать свои собственные законы и проводить их в жизнь с помощью технических средств.

25. Большая часть современной индустрии развлечений строится на коммерческом характере исключительных прав на произведения. Это мы хотим сохранить. Но сегодняшний срок защиты авторских прав — жизнь автора и 70 лет после его смерти — абсурден. Ни один инвестор даже не посмотрит на бизнес-план со столь долгим периодом окупаемости. Мы хотим сократить срок защиты авторских прав до разумных, как с точки зрения общества, так и инвесторов, рамок и предложить 20 лет с момента выхода произведения в свет.

26. Сегодня произведения, всё еще находящиеся под копирайтом, но правообладателей которых найти невозможно или трудно, составляют большую проблему. Большинство из этих работ практически не имеют коммерческой ценности, но, поскольку они по-прежнему защищаются авторским правом, их невозможно снова ввести в употребление или распространение, поскольку не к кому обратиться за разрешением. Те правообладатели, которые хотят продолжить осуществление своих исключительных коммерческих

прав на завершённое произведение, должны будут зарегистрировать его в течение 5 лет. Это значительно снизит число работ-сирот и облегчит качественный поиск.

27. Проблему работ-сирот необходимо решать в срочном порядке. Важно быть в курсе различий между секторами. Для архивов, библиотек и особенно (общественного) радио и телевидения, расширенная коллективная лицензия является желательным решением. Тем не менее непременным условием должна быть возможность осуществления тщательного поиска, который не приводил бы к дополнительным административно-бюрократическим работам и затратам. Возражения по существу в авторском праве для работ-сирот нежелательны, за исключением библиотек и т. п. в рамках проекта Europeana.

28. С этого момента и в течение 5 лет после производства регистрация работы под авторским правом должна быть обязательной для авторов, желающих воспользоваться коммерческим эксклюзивным правом. Это значительно ограничит появление работ-сирот в будущем.

29. Нарастание ограничений в законах об авторском праве и на практике — главное препятствие для музыкантов, режиссёров и других художников, которые хотят создавать новые работы, заново используя части существующих произведений. Мы хотим изменить это введением четких исключений и ограничений для возможности создания ремиксов и пародий, как и права цитирования для звуков и аудиовизуаль-

ных материалов по образцу прав цитирования, которые уже существует для текстов.

30. Необходимо внимательно отнестись к проблеме книжного голода, испытываемого слабовидящими и неспособными читать людьми. Еврокомиссия и государства-члены имеют обязательства по конвенции ООН о правах лиц с ограниченными возможностями принимать все возможные меры, чтобы люди с ограниченными возможностями имели свободный доступ к произведениям культуры в доступном им формате и убедиться в том, что законы, защищающие права интеллектуальной собственности оправданы и не дискриминируют людей с ограниченными возможностями в доступе к культурным материалам. В соответствии с требованиями Европейского парламента в своем отчёте о докладе «Раскрытие потенциала культурной и творческой промышленности», принятом 12 мая 2011 г., Комиссия должна «активно и решительно работать в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) с целью добиться соглашения по обязательным правовым нормам на основе договора, предложенного Всемирным союзом слепых и представленных в ВОИС в 2009 г.

Медиапиратство на развивающихся рынках: Россия [41]

«Чтобы уничтожить пиратство в России, необходим строгий закон об авторском праве с жесткими санкциями и твердым решением правительства — привести этот закон в действие» (*Джек Валенти [42], президент Motion Picture Association of America*)

Введение

С 2000 г. Россия прочно занимает место в «Списке приоритетного наблюдения» специального 301 отчета USTR (Торгового представительства США) на основании заявления о миллиардных убытках американских компаний от пиратства программного обеспечения, музыки и кино. Согласно докладу ИПА, потери только в секторе делового программного обеспечения в 2008 г. составили \$2,3

[41] Настоящая публикация представляет собой 4-ю главу международного исследования «Media Piracy in Emerging Economies», проведённого Social Science Research Council. Авторы настоящей главы — Ольга Сезнева и Джо Карагачис. Исследование провели Олег Паченков, Ирина Олимпиева и Анатолий Козырев. В переводе и подготовке текста приняли участие эксперты АИИ. Публикация осуществлена с разрешения авторов исследования.

[42] См. Arvedlund (2004).

млрд. С учетом заявленного группами аудио-, видео- и развлекательного программного обеспечения общий ущерб, практически наверняка, превысит \$3 млрд. Единственная страна, объявленные потери от пиратства в которой выше, — это Китай, где они составили, по докладу ИРА, в том же году \$3 млрд в секторе программного обеспечения (ИРА 2009) [43].

Несмотря на эти цифры, количественная отчетность по России резко сократилась за последние несколько лет: Американская ассоциация кинокомпаний (МРАА) выбыла после 2005 г., Ассоциация производителей развлекательного программного обеспечения (ESA) — после 2006 г., а Американская ассоциация записывающих компаний (RIAA) — после 2008 г. С признанием Союза делового программного обеспечения (BSA) в 2010 г., что их «потери» лучше характеризовать как «коммерческую стоимость нелегализованного программного обеспечения», текущих докладов отраслей о потерях в России больше нет.

Заявленный уровень пиратства на российских медиарынках (в отличие от денежных потерь) в целом снижается в период 1995–2009 гг. с резким падением после 2006 г. — период усиления принудительного применения права в России. По причинам, рассматриваемым далее в этой главе, нам

[43] В 2009 г. из-за слабеющей экономики потери в России в секторе программного обеспечения упали до \$1.86 млрд. Потери в Китае остались стабильными, чуть более \$3 млрд (ИРА 2010).

непонятно, отражает ли эта тенденция реальные изменения в наличии пиратских товаров. Размер российского рынка для всех типов медиатоваров, за исключением звукозаписей, значительно вырос за последнее десятилетие, давая правдоподобную комбинацию увеличения общего количества пиратских товаров и снижения уровня пиратства, что подтверждается нашими знаниями о российских потребителях. Источники в правоохранительных органах в целом разделяют эти сомнения. Но заявленное уменьшение играло важную роль во внутренней политике принуждения к соблюдению закона, и прежде всего, в двустороннем диалоге Россия — США, как свидетельство того, что Россия согласна с требованиями США.

Лоббирование США интересов по защите авторских прав сделало пиратство источником непрерывных трений в отношениях России и США в последнее десятилетие, временами ставя этот вопрос наравне с проблемами всемирной безопасности, такими как нераспространение ядерного оружия. Позиция российского руководства по отношению к этому давлению изменилась в 2005–2007 гг. вместе с заметными усилиями по удовлетворению требований США для вступления в ВТО. Двусторонне соглашение о торговле и защите интеллектуальной собственности, подписанное в ноябре 2006 г., привело к значительным изменениям в законодательстве, правоприменительной практике и, в конечном счете, в системе пиратства, где относительно формализованный

сектор розничной торговли уступил место набору менее формальных и менее заметных каналов.

После экономических потрясений конца 90-х, когда российские производители в области кино и программного обеспечения начали подталкивать общество к ужесточению местного контроля, внутреннее давление по принуждению к соблюдению прав также возросло. Как и везде, эти локальные диалоги были сформированы в контексте лоббирования международной защиты авторских прав, но они также свидетельствовали о местных спорах вокруг издержек и выгоде при соблюдении закона. На наш взгляд, опыт прошедших 4–5 лет предполагает, что этот внутренний диалог имеет большее влияние, чем Торговое представительство США и другие внешние силы, если не всегда на уровне государственной политики, то на уровне реальной правоприменительной практики. Цель этой главы — содействовать этому диалогу.

Тем не менее доклады ИРА продолжают доказывать доминирующее значение пиратства в России, а дебаты строятся в пределах их требований, как и требований связанных с ними групп. Частично, это преобладание отражает тот факт, что связанные с Западом отраслевые группы очень эффективно используют доклады, активно лоббирующие принуждение к соблюдению закона, в частности: российской антипиратской организацией (РАПО) в кино, BSA в деловом программном обеспечении, международной федерацией фонографической промышленности (IFPI) в музы-

ке. Частично это отвлекающее усилие просто отражает отсутствие альтернатив: как и в других странах, такие же филиалы представляют только зарубежную инфраструктуру для исследований и доклады о пиратстве. Хотя в ряде случаев полиция, скорее, принимает в расчет интересы местных политических кругов и отраслевых групп, эта оппозиция не выразила альтернативного мнения и представила мало независимых исследований и цифр.

Картина, возникающая из исследований ИРА и других отраслей, в большей степени следует принятой ИРА модели для стран с высоким уровнем пиратства. Провал российской политики, в частности массовое игнорирование закона, недостаточное устрашение, коррупция и неадекватные силы правопорядка — все это в явном виде и неоднократно отражено в докладах последних 5 лет. Хотя наша работа поддерживает некоторые из этих обвинений, доклад об этом провале несет очень неясные перспективы широким социальным, политическим и экономическим областям пиратства в России. Самое главное — этого очень мало для того, чтобы объяснить распространение и стойкость пиратства в России, несмотря на более чем десятилетнее международное давление, институциональный рост, изменение политики, а также наращивание усилий органов правопорядка.

Наравне с другими исследованиями, вошедшими в этот отчет, наши расчеты медиапиратства в России подчеркивают связь между пират-

ским и легальным медиарынками. Как и везде, доминирование многонациональных компаний на внутренних медиарынках означает, что цены на медиа остаются высокими, а разнообразие выбора — низким. Как и везде, за последнее десятилетие рост внутреннего медиарынка в основном зависит от роста доходов в крупных городах (в случае кино сопоставимо с ростом цен) — а не от конкуренции международных компаний друг с другом. (Российский музыкальный рынок со своим необычайно высоким процентом местных лейблов и близкой связью с рынком живых концертов представляет исключение, что видно по низким ценам на CD.) В нашем исследовании предполагается, что на рынке пиратских товаров в России сильна конкуренция в цене и услугах — в области лазерных дисков, в Интернете и в других полуправовых предприятиях, действующих в обход российского законодательства об авторском праве. Как и в других странах со средним и низким доходом, российский рынок пиратской продукции представляет собой действительно массовый рынок медиазаписей и зачастую единственный источник для товаров из такой рыночной ниши, как неголливудские зарубежные фильмы.

Ключевые проблемы исследования рассматривались нами и в контексте России. Многие общие черты пиратских рынков: выборочное принуждение к соблюдению прав, разногласия в официальных действиях против пиратства, неадекватные внутренние режимы лицензирования,

малочисленные судебные дела — присутствует в России, и это далеко не все случаи, представленные в исследовании. В этой главе показано, например, почему деятельность целиком в рамках лицензионной экономики — роскошь, доступная крупному, высококапитализированному бизнесу, и как некоторые игроки разными путями захватывают и используют ресурсы правоприменения для достижения конкурентного преимущества, отслеживая и укрепляя влияние и размер компаний.

Также в этой главе представлена сюрреалистичная история лицензирования авторских прав в России, заслуживающая отдельного исследования. Там, где другие национальные режимы лицензирования музыки или фильмов просто неэффективны, ведут к высоким ценам и ограничению доступа к легальным продуктам, российский медиарынок — продукт хаотического роста числа лицензий, поддельных лицензий и — наиболее примечательно — лицензирующих органов. В результате лицензирование практически перестало быть доступным способом различить легальные и нелегальные товары. Усилия по преодолению этого путем консолидации лицензирующих органов в группы, подобные Российскому авторскому обществу (РАО), привели — пока — к чрезмерной активности в принудительном применении права и (как сказали бы некоторые, неизбирательно) к расширению правовых требований и судебных разбирательств, но пока ничто не на-

поминает прозрачной, надежной основы для выплаты роялти авторам.

Тем не менее самая удивительная особенность российских пиратских рынков — свидетельства о государственной защите производства пиратских дисков. Ряд отраслевых и правительственных источников обращают внимание на роль режимных предприятий, например военно-промышленных объектов и АЭС, находящихся под защитой государственной секретной службы, в качестве площадок для размещения пиратских производственных линий. Такие предприятия также принадлежат к группе главных «легальных» поставщиков дисков в России и способствуют, в частности, насыщению пиратского рынка произведенными «сверх квоты» DVD высокого качества.

Однако мы не видим каких-либо свидетельств того, что существует связь между пиратской сетью и «организованным преступным синдикатом» или также упоминаемой этнической мафией, которая, как часто утверждается, господствует на черном рынке России. Такие заявления распространены на форумах в интернете, однако, с нашей точки зрения, было бы удивительно, если бы меркантильные связи между пиратством и другими формами преступной деятельности исчезли с российского рынка. Но мы не нашли никаких доказательств постоянных взаимоотношений и полагаем такую активность второстепенной по отношению к растущей динамике российского пиратства.

В период 2006–2007 гг. российские правоохранительные органы проводили основные карательные мероприятия в отношении производителей и продавцов пиратской продукции, которые заслужили похвалу как российских, так и зарубежных правительственных чиновников и отраслевых групп. Но в условиях, когда основные производители пользуются относительной неприкосновенностью, карательные меры привели к искаженным результатам. По большому счету, эти меры были успешными в устранении наиболее заметных средних производителей и продавцов пиратских CD и DVD. Но в результате они сосредоточили силы в крупных предприятиях и укрыли их от конкуренции со средними и малыми производителями, что сильно снизило цены на пиратские лазерные диски во многих других странах. Одним из результатов является то, что цены на пиратские диски в России остаются необычайно высокими — \$4–6 на DVD высокого качества. В странах, где дешевые горючее и сырье привели к масштабной конкуренции мелких производителей, цены на DVD упали до \$1–2 в розничной продаже и часто ниже в оптовой торговле и в наименее формализованных областях рынка [44].

Карательные меры и их последствия также свидетельствуют об усложнении баланса сил, формирующих в России политику в сфере ИС и

[44] См. главы про Индию, Мексику и Боливию настоящего доклада.

принуждения к соблюдению прав. Считается, что карательные меры и связанные с ними изменения в российском законодательстве были продиктованы ИРА и другими заинтересованными международными сторонами как реакция на давление США — в частности, в контексте попытки присоединения России к ВТО. Однако возможно и местное прочтение, а именно: местные правообладатели сыграли критическую роль в поддержке карательных мер, как и в дальнейшем их сокращении из-за неудобств для бизнеса, вызванных ростом рейдов. Две точки зрения не являются непримиримыми, но последняя, по большому счету, незаметна на международной арене. За последние 5 лет мы видим свидетельства растущей автономии российского подхода к политике в сфере ИС и принуждения, формируемого борьбой между внутренними заинтересованными сторонами и подсчетом внутренних издержек и выгод.

С точки зрения русских потребителей, заинтересованных в доступе к медиапродукции, эти расчеты «издержек-выгод» относительно просты и однозначно указывают на предпочтение пиратства. Наша работа обнаружила почти поголовное участие российских потребителей в пиратской экономике, различающееся в основном лишь частотой покупки пиратских товаров или скачиваний и степенью (в основном несущественной) амбивалентности по отношению к практике. Пиратство, по нашему мнению, это не только истощение экономики и культуры в России, но

и одна из главных форм этой экономики, и оно вплетено в широкий спектр легальных практик, форм предприятий и моделей потребительского поведения. Многие из того, что следует потом, есть попытки понять правоприменение по отношению к этой другой стороне пиратства — одной особенности повседневной жизни России.

Краткая история пиратства в России

После перехода от социализма к демократии в 1991 г. можно выделить три этапа формирования российского пиратства.

Начальный период (примерно 1991–1999 гг.) характеризуется (1) широким распространением контрабанды оптических дисков в Россию (особенно из стран бывшего восточного блока), (2) слабостью системы принуждения к праву и (3) низким уровнем информированности общественности о праве ИС. Кассеты (аудио и видео) были первым поколением пиратской продукции, дополненным в середине 1990-х компакт-дисками. Эти рынки росли, и к концу 1990-х глубоко внедрились в малую и среднюю розничную торговлю, правоприменение было минимальным: уголовные обвинения и гражданские иски были редки, успешное доказательство вины еще реже, наказания незначительны.

Второй период (конец 1990-х — 2006 гг.) был отмечен сдвигом в сторону внутреннего производства из-за снижения затрат и роста относи-

тельно многоплановой пиратской экономики с низкими барьерами входа и широким кругом производителей, дистрибьюторов и поставщиков. В этот период также начало складываться смешанное внутреннее и международное лобби за правоприменение, что повлекло за собой некоторые изменения в законах об ИС и реорганизации операций по принуждению к соблюдению прав, впрочем, без особого видимого влияния на уличное пиратство.

Третий период, отмечен (1) возникновением тесной кооперации отраслевых групп и государства, (2) резким увеличением в результате давления правоохранительных органов на местных производителей и дистрибьюторов и (3) ростом интернета как конкурента пиратских дисков.

В первые годы после социалистической эпохи правительство России работало над построением свободной рыночной экономики путем создания правовых институтов, основанных на американских и европейских правовых нормах. Законы интеллектуальной собственности западного образца были частью первого этапа правовой реформы. Когда в 1993 г. Россия приняла закон «Об авторском праве и смежных правах», он очень походил на стандарты, установленные Бернской и Римской конвенциями о защите авторских и смежных прав в области исполнения записи и трансляции. Он включал, в частности, концепцию «передаваемого» авторского права, отделенную от неотчуждаемого «морального» права на их работы — значительное различие, остающееся

в российском правовом и общественном понимании интеллектуальной собственности.

Несмотря на эти правовые нововведения, понятие несанкционированного копирования как незаконной деятельности возникло в российской жизни не сразу. Несанкционированная запись, совместное использование и дарение кассет было общепринятым в России, особенно в отношении западной продукции, которую официальная цензура держала вне пределов досягаемости советской аудитории [45]. Подобная практика продолжалась и после падения Советского Союза, чему способствовало также отсутствие развитых легальных рынков. Когда пиратские диски хлынули в Россию после перехода к капитализму, они воспринимались россиянами просто как рынок, не как легальные или не легальные, а просто доступные, как часть потребительского излишка, обещанного капитализмом.

Первые организованные «пиратские сети» появились, чтобы удовлетворить этот спрос. Незаконное копирование в промышленном масштабе началось в 1990-х гг. из-за того, что бывшие государственные заводы оптических дисков потеряли своих основных покупателей и обратились к производству на черном рынке. Из-за решений советской эпохи о размещении заводов оптических дисков, многие из них оказались за

[45] Несанкционированные переводы западных текстов, те не менее, циркулировали в Советском Союзе, иногда широко, как часть самиздата.

пределами России в бывших социалистических странах Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Заводы в Болгарии и Украине, в частности, стали основными поставщиками пиратских CD и DVD на формирующийся российский рынок (и в другие страны Восточной и Западной Европы). Диски из Болгарии в больших количествах перевозились на грузовиках через южную границу России, часто под видом промышленных отходов, чтобы избежать таможи. Пиратство в этот период было в широких региональных сетях и сложных цепочках поставок, начинавшихся с приобретения компакт-дисков и киноплёнки у западных дистрибьюторов. По мнению ряда экспертов, опрошенных при подготовке настоящего доклада, студийные оригиналы, а не грубые записанные на камеру копии были стандартом для пиратских релизов. Поскольку заводы оптических дисков были в числе последних высокотехнологичных отраслей, созданных при социалистическом режиме, количество и качество продукции на протяжении 1990-х было в целом высоким.

По мнению большинства, 1990-е гг. в России были периодом безнаказанности для пиратов. И хотя IFPI и МРАА к середине 1990-х начали применять активные меры с многочисленными рейдами и изъятиями контрафактной продукции, первый успех в судебном преследовании за нелегальный ввоз оптических дисков пришел только в 2001 г., в так называемом «болгарском деле».

«Болгарское дело», названное так потому, что оно было сосредоточено на поставках CD, перехваченных на пути с болгарских заводов, было первым судебным разбирательством для музыкального пиратства в России. Это дело первым выявило сложность международной пиратской торговли в России, но в остальном было заметно лишь своей неторопливостью. Расследование началось в 1995 г. Два года прошло перед арестами в 1997 г. Судебное разбирательство заняло еще четыре года, прежде чем в 2001 г. были вынесены обвинительные приговоры. Лидер группировки был приговорен к трем годам лишения свободы, но так как он был задержан в течение всего периода расследования, его наказание было посчитано отбытым. По словам одного из принимавших участие в этом деле следователей, «одно такое дело о пиратстве обходится в три нераскрытых убийства» (Виталиев, 1996).

Начиная с 1997 г. ИПРА трактует эти проблемы как неудачи российской политики, политической власти и профессиональной подготовки — такой взгляд заметен в их ежегодном специальном 301 отчете наряду с критикой российских должностных лиц за невыполнение задачи сделать борьбу с пиратством приоритетной. Но неэффективность авторского права трудно отделить от более глобальных проблем институционального развития и государственной власти в России 1990-х гг. Новые государственные структуры были хрупкими и медленно усваивали огромный объем новых законов, норм и процедур, создан-

ных лишь несколько лет назад. Финансовые кризисы — самый серьезный из них пришелся на 1998 г. — ограничили возможности российского государства эффективно выполнять свою регулируемую и правоохранительную роль. Это, а также быстрая и неорганизованная приватизация государственных предприятий — часто при содействии США — привело к образованию разрухи, в которой границу между легальным и нелегальным бизнесом зачастую невозможно было провести. В такой среде попытку введения полностью сформированных международных норм интеллектуальной собственности ожидал предсказуемый провал.

«Болгарское дело» остается точкой отсчета для отраслевых групп, требующих ускоренного делопроизводства, усиленного таможенного контроля и других мер, направленных на усиление принуждения к праву (многие из этих требований впоследствии будут включены в изменения Уголовного кодекса). С другой стороны, данное дело также завершило период, в течение которого контрабанда оптических дисков через границу была основным видом пиратства. В связи с удешевлением и уменьшением размеров пишущих CD/DVD-устройств пиратское производство стало в основном внутренним и более разнообразным с точки зрения местонахождения и масштаба. Малые и средние производственные линии росли в городах России, как грибы после дождя, дополняя крупные лицензированные государством заводы, производящие смесь лицен-

зионных товаров и пиратских копий. Розничная торговля также выросла и стала более разнообразной, малые и средние магазины в ответ на хронические недостатки легального рынка продавали как лицензионные, так и нелицензионные товары. К началу 2000-х гг. международные сети поставок перестали играть важную роль на российском пиратском рынке. Цепочки поставок стали в основном внутренними.

Стремление российского правительства присоединиться к ВТО в сочетании с растущим давлением внутренних и международных интересов в области копирайта начали изменять эту картину в наступающем десятилетии. Исполнительные и законодательные меры на нескольких уровнях внесли изменения в российское законодательство об ИС и практики правоприменения: поправки в уголовном кодексе в 2004 и 2007 гг. и глобальные изменения в гражданском кодексе в 2006 г. Как и в других странах, были предприняты усилия по модернизации работы правоохранительных органов и укреплению связей между государственными ведомствами, участвующими в борьбе с пиратством. Ответственность за исполнение была возложена на несколько учреждений и специализированных подразделений, в том числе на отдел по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП), отдел по охране правопорядка (милицию) и отдел К МВД, занимающийся компьютерными преступлениями. Государственно-частное партнерство и разные некоммерческие партнерства в таких условиях

быстро стали нормой и продолжают играть важную роль в управлении усилиями правоохранительных органов.

Эти события привели к буму правоприменения в 2006–2007 гг., когда полиция устранила многих малых и средних производителей и дистрибьюторов оптических дисков, но одновременно, согласно нашим интервью с представителями правоохранительных органов, производство консолидировалось на крупных стратегических объектах. Усиление мер правоприменения вызвало рост цен на подкуп милиции и чиновников других госучреждений, что сыграло на руку наиболее крупным игрокам с хорошими связями. Картельное поведение этих предприятий сохраняло цены на диски в России на высоком уровне: около 5 долларов за DVD высокого качества. Хотя цены в дешевом сегменте и упали (например, для самодельных сборников), всеобщего снижения цен при затоплении рынка технологиями копирования до уровня, близкого к предельным издержкам, не наблюдалось, как мы видели в других странах.

Эта централизованная система подвергается все большему давлению с 2007 г., хоть и не со стороны милиции. В 2004 г. у 675 тыс. россиян был широкополосный доступ в интернет. К 2007 г. эта цифра составляла 4,8 млн. К 2009 г. их численность составила 10,6 млн, а к 2010 г. составит 14 млн (Дорожин 2007, Квон 2010). Россияне быстро присоединяются к глобальному интернет-сообществу и наши ограниченные данные свиде-

тельствуют о том, что они последовали примеру своих восточноевропейских соседей в использовании P2P-сервисов как своих основных широкополосных приложений, трафик по ним может достигать 70% от общей пропускной способности, согласно измерениям нескольких восточноевропейских провайдеров. Более того, российские власти медленно реагировали на действия компаний, использующих неясности в правилах лицензирования, чтобы предложить свои собственные недорогие услуги интернет-дистрибуции контента. Ярким примером может служить AllofMP3, российский сайт, продававший номинально лицензированную музыку за 1 цент/Мб. Коммерческий профиль сайта стал причиной нападок со стороны IPA и USTR. Хотя в конечном итоге сайт был закрыт в 2008 г. после длительной судебной тяжбы и политического вмешательства, он породил множество клонов, которые продолжают действовать.

Многие провайдеры, со своей стороны, предлагают недорогие или бесплатные и не всегда легальные услуги по загрузке музыки и фильмов. Практически все исследователи относят живучесть этих полулегальных бизнесов на счет сложности законодательства о лицензировании в России, позволяющего местным группам всячески манипулировать правилами и ограничивающего правовую защиту правообладателей. Сдвиг в сторону онлайн-распространения также обнаружил отставание в правовых стратегиях, отмеченное отсутствием эффективных уголовных процедур

для коммерческих онлайн нарушений. Подобное отставание также имеет важную географическую составляющую, поскольку пропускная способность, доход, полицейское патрулирование и судебные практики сосредоточены в столичных городах.

Разделение пиратской продукции по секторам

В России, как и в других странах, данные по которым приводятся в этом докладе, изменения в структуре пиратства и принуждении к праву — часть интенсивной эволюции медиарынков и моделей доступа к медиа. В целом легальный медиарынок в России резко расширился за последние десять лет благодаря возросшим доходам среднего класса и росту российской индустрии программирования и кино (плюс глобальная интеграция). Рынок музыкальных записей с 2004 г. сократился, но это происходило наряду с глобальным падением интереса к CD.

Быстрый рост в течение последнего десятилетия, однако, произошел на фоне экономического кризиса 1990-х. Имеющиеся на сегодня медиарынки слишком малы для страны с населением в 145 млн человек — около 220 млн долларов приходится на музыкальные записи (по данным IFPI за 2009 г.) и 830 млн долларов — на кассовые сборы в 2008 г. (Березин и Леонтьева, 2009), а также слишком сконцентрирован в столичных городах —

Москве и Санкт-Петербурге. Расходы в расчете на душу населения на такие товары, как музыкальные записи, кино и программное обеспечение все еще составляют лишь малую долю от рынков Запада. А цены на некоторую медиа-продукцию резко выросли, в частности, цены билетов в кино увеличились за период с 2004 по 2008 г. вдвое (Березин и Леонтьева, 2009).

Подобные рыночные сдвиги имеют важные социальные аспекты. Возрождение рынка кино особенно отражает трансформацию данного сектора от формы развлечения, бывшей самой массовой и общедоступной в советское время, в предмет роскоши для высшего и среднего класса городского населения. В конце советского периода россияне в среднем посещали кинотеатры шестнадцать раз в год (по данным Падунова, 2010), что составляло показатель в три раза больший, чем средний по США. К середине 1990-х гг. эта цифра снизилась до 0,25 посещений на душу населения. В 2008 г. после десятилетия роста она составляла 0,83 на человека.

Кино

В период с 1991 по 2008 г. киноиндустрия России пережила почти полный коллапс, реструктуризацию и затем возрождение. До перестройки советская цензура почти не допускала западные фильмы и телевидение на советские экраны, что, как можно было ожидать, имело обратный эффект повышения статуса этой продукции. Либерализация экономики способствовала реализа-

ции этого неудовлетворенного спроса, но почти не создала точек проката. В то время быстро создавались неформальные частные кинотеатры, состоявшие лишь из конференц-зала и видеопроектора. Там впервые прошли публичные показы таких икон западного кинематографа, как «Рокки», «Терминатор», «9 с половиной недель» и другие фильмы. Почти на всех этих показах использовались пиратские видеокассеты. По мере роста популярности домашнего видео расцвел бизнес проката пиратских копий.

Вещательные компании тоже стали широко практиковать пиратские показы. Вслед за приватизацией государственных телеканалов новые владельцы регулярно стали показывать зарубежные фильмы без разрешения. Это вызвало гнев МРАА, но не возымело должного действия: хотя зарубежные права юридически признавались, не было инфраструктуры для принуждения к их соблюдению. Киностудии США ответили на это бойкотом России в 1992–1993 гг., что привело к принятию нового закона об авторском праве.

Это положило начало новому периоду быстрого спада на внутреннем рынке кино, так как государственное финансирование российских производителей кино и кинотеатров прекратилось. Ежегодный выпуск художественных фильмов сократился приблизительно с 300 фильмов в начале 1990-х гг. до всего лишь 50 — к 1995 г. Только во второй половине 1990-х гг. в обеих столицах наметились признаки поступления новых инвестиций в производство и кинопрокат. Так, в 1996 г. в

Москве открылся первый многозальный кинотеатр западного образца. К 1998 г. компании кинопроката принялись за восстановление обветшалых кинотеатров.

К началу 2000-х много российских зрителей вернулось в кинотеатры, и кинопрокат начал набирать темпы. Русский хит «Ночной дозор» стал самым кассовым в 2006 г., получив доход в 30 млн долл. Фильм «Пираты Карибского моря: На краю света» заработал \$31 млн в 2007 г.; 2008 г. поставил новые рекорды по посещению постсоветских фильмов, было продано более 120 млн билетов, прибыль составила \$830 млн. «Аватар» преодолел планку в \$100 млн спустя 5 недель после выхода на экран, это произошло в 2009 г. Несмотря на возрождение отечественной кинопромышленности, голливудские фильмы продолжают доминировать в кассовых сборах российских кинотеатров, принося более 80% дохода в течение последнего десятилетия.

Музыка

На протяжении всех 1990-х гг. и даже в начале 2000-х подавляющее большинство россиян для прослушивания музыки пользовались проигрывателями и кассетными плеерами, причем пиратство главным образом ограничивалось рынком плееров. И хотя IFPI и IIPA неоднократно выражали озабоченность по поводу кассетного пиратства в России в середине 1990-х, приводя очень приблизительные данные экономических потерь, рынок по размеру был несущественным и

по западным стандартам технически устарелым. В 1997 году только 2% россиян имели CD-плееры, и основные компании звукозаписи не спешили изменить ситуацию. Компании звукозаписи, работающие в то время в России — EMI, Sony, BMG, Polygram и Warner, — предоставляли лицензии российским партнерам только на кассеты, а не на CD и вообще считали русский рынок неприбыльным.

Тем не менее в начале 2000-х рынок музыкальной продукции начал быстро расти вследствие роста среднего класса среди городского населения и широкого распространения CD. По данным IFPI, оптовый рынок достиг максимального роста в \$342 млн в 2004 г. (это высокий показатель для продаж CD в большинстве стран). С тех пор продажи незначительно колебались на более низких годовых уровнях, составлявших примерно \$220 млн, притом главным образом за счет продаж CD, тогда как развивающийся (но пока небольшой) легальный цифровой сектор России, ориентированный на рынок мобильных телефонов, его только дополняет. Хотя музыкальный рынок России очень незначительный по сравнению с Соединенными Штатами, Японией и Великобританией, он, тем не менее, является двенадцатым по значению национальным рынком в мире.

Большая часть музыкальной продукции, покупаемой в России, — это местный репертуар: более 70%, по большинству оценок, и этот показатель выше в провинции. В отличие от большинства государств, где четыре ведущие компании зву-

козаписи (EMI, Sony Music Entertainment, Universal Music Group и Warner Music Group), как правило, контролируют 80–85% рынка, на российском рынке доминируют от 40 до 50 независимых местных компаний. По мере того как возник относительно организованный концертный рынок на базе черного рынка в последние несколько лет, местные компании звукозаписи также взяли на себя важную роль промоутеров (Алексеева, 2008).

По общему мнению, легальный рынок музыкальной продукции меньше, чем пиратский рынок, и скорее всего, даже гораздо меньше. В 2006 г. IFPI подсчитала, что коэффициент фактического пиратства составляет 67% от всего рынка России (IFPI, 2006). Обычная оценка цифрового пиратства, тоже за 2006 год, дает 95%. Поскольку IFPI не делится подробностями своих методов исследования, мы не можем особенно доверять этим цифрам. Но мы считаем их правдоподобными, и действительно за прошедшие годы баланс все-таки сдвинулся в сторону верхнего предела, когда цифровые технологии начали распространяться еще быстрее.

Программное обеспечение

Высокообразованное и квалифицированное российское IT-сообщество зарождалось еще в советское время и возлагало большие надежды на переход к капитализму. Эти надежды разделяли многие: одним из первых Госдума приняла закон, гарантирующий правовую охрану программного обеспечения и баз данных (1992).

В начале 1990-х на российском рынке программной продукции конкурировали несколько разных операционных систем, но, как и везде, пиратские копии MS-DOS и — вскоре — Microsoft Windows одержали победу. По мере того как выпускались новые версии Windows, появлялись новые пиратские версии, и Microsoft продолжал занимать доминантные позиции на рынке операционных систем России. Внедрение программного обеспечения в бизнесе следовало по той же модели, и командные позиции на рынке программных средств, основательно заполненном пиратской продукцией, занимали до середины 1990-х гг. Microsoft, Adobe, Corel, Autodesk и другие компании. В 1995 г., по данным BSA, 94% коммерческого программного обеспечения в России было пиратским.

На протяжении всех 1990-х гг., тем не менее, рынок программного обеспечения, как легальный, так и нелегальный, был слишком мал. Использование компьютеров в российском бизнесе и в домах жителей было очень несущественным. К 2000 г. только 6% семей имели персональные компьютеры, причем их подавляющее большинство было сконцентрировано в нескольких крупных городах (Абрахам и Вершинская, 2001). Но экономическая стабильность и снижение цен в период после 1999 г. способствовали очень стремительному изменению ситуации. К 2004 г. уже 20% семей имели дома компьютеры (Тапали-

на, 2006); к 2009 г. — 49% (Министерство связи, 2009) [46].

Несмотря на доступность привезенной из-за рубежа пиратской программной продукции, продажи программ резко возросли, достигнув уровня в \$2,6 млрд в 2006 г. и \$10 млрд в 2007-м. Эта экспансия была очень выгодна компаниям, специализирующимся на программном обеспечении. В данном секторе был зарегистрирован ежегодный прирост в 30–40%, и Россия стала третьей крупнейшей страной для оффшорных услуг программирования после Китая и Индии. На сегодняшний день лидерами на рынке являются российские фирмы, такие как компания 1С, Лаборатория Касперского и Центр Финансовых Технологий: все они специализируются на программных средствах для российского бизнеса. В 2007-м — год самой высокой конъюнктуры — продажи компании 1С выросли более чем на 90%, что было следствием популярности ее пакета программ бухгалтерского учета, игры «Вторая

[46] Мы стали свидетелями самых разных оценок ситуации с компьютерами в России, что привело нас к выводу с осторожностью подходить к данной теме. Почти повсеместно принятый коэффициент замещения трети систем в год наверняка неприемлем для ситуации в России. Многие компьютеры, приобретенные для деловых целей, оседают в российских семьях сразу или после того, как их списывают в офисах. Не так давно Boston Consulting Group назвала цифру в 45 млн персональных компьютеров в России всего, причем общий «коэффициент оседания» составил 32% (Boston Consulting Group, 2010).

мировая», которая стала мировым хитом, и других иностранных лицензионных игр, попавших на российский рынок. В целом, однако, позиции российских поставщиков пошатнулись по мере того, как транснациональные компании, такие как Microsoft и Adobe, усилили свое присутствие на российском рынке (Росбизнесконсалтинг, 2008).

Это дало российским программным компаниям право голоса в вопросах политики правоприменения и привело к некоторым исследованиям на местном уровне, вышедшим за пределы своего сектора и в некоторых случаях бросившим вызов BSA относительно «незначительных улучшений» в соблюдении требований закона российским программным обеспечением для бизнеса. Росбизнесконсалтинг предполагает, что в 2006 г. программное пиратство составляло только 25–30% в корпоративном секторе, что резко отличается от данных BSA: 80% для рынка в целом. Мы не можем настаивать на точности этой цифры и отметили скептицизм по крайней мере одного из опрошенных экспертов. Но существенно более низкие показатели для корпоративного сектора могут совпадать с данными BSA. Крупные предприятия обычно наиболее законопослушны благодаря рычагам ценообразования для поставщиков, обычно высокому уровню ИТ-менеджмента и уязвимости для принудительного применения права, если пиратство становится вопиющим. Данные факторы позволяют проводить диффе-

ренцированный подход к малому и крупному бизнесу, о чем пойдет речь далее в этой главе.

Вход в интернет

Пиратские медиарынки неизменно формируются под влиянием имеющейся инфраструктуры, предназначенной для аудио- и видеопотребления. Сегодня DVD-плееры — основные воспроизводящие устройства в России, совместимые с предыдущими CD-системами, а также с более передовыми форматами MP3 и MP4. Как и в других странах со средним уровнем доходов, это последнее достижение: в 2004 г. только 6% российских семей имели DVD-плееры. К 2007 г. этот показатель возрос до 51%. По данным исследовательской компании Screen Digest, в 2008 г. 28 млн российских семей имели DVD-плееры, что подтверждает факт наличия в России самой большой базы установленного программного оборудования в Европе. Рост DVD-пиратства за последние пять лет свидетельствует как о реакции на этот процесс, так и о факторе роста.

Музыка в меньшей степени, чем фильмы, связана с такими носителями информации, как оптические диски, из-за наличия широкого набора устройств ее хранения и воспроизведения. Продажа цифровых аудиоплееров, например, за последние пять лет ежегодно удваивалась. Небольшой размер цифровых аудиофайлов облегчает загрузку, распределение объема и накопление больших музыкальных коллекций при умеренных затратах. Наш опрос о привычках к

определенным медиа [47] показал, что мало кто из российских слушателей воспринимает CD как элемент личной музыкальной коллекции. Напротив, прослушивание и коллекционирование сводится к цифровым файлам, загруженным или полученным от друзей при обмене. При этом CD сохраняет роль скорее статусного объекта для определенных целей, например как подарок.

География распределения благ и услуг тоже формирует модели потребления. Доступ к широкополосному интернету остается в России очень неравномерным, причем Москва и Санкт-Петербург намного опережают другие российские города. Неограниченные, относительно доступные услуги широкополосной связи появились в Санкт-Петербурге только в 2007 г. Семьи офисных сотрудников, особенно имеющие детей старшего школьного возраста, — основные и первые потребители, тиражирующие тенденции потребления и для других видов технологий. Во время интервью участники этой группы ясно показали, что уходят от DVD — пиратских или иных — при выборе кино-/видеопродукции. В ходе интервью также стало ясно, что доступность пиратских медиа не просто следствие перехода на широкополосный формат, а его движущий фактор. Учитывая высокие издержки медиа,

[47] Обзор «Потребители DVD дисков» проведен для данного доклада Центром эволюционного маркетинга в Иркутске в ноябре–декабре 2008 г. Координатор проекта К. Титаев.

низкие доходы на местах и плохо развитую систему других цифровых услуг в России, сети P2P наиболее привлекательны по затратам и поэтому стали лидером среди широкополосных ресурсов.

Как и в других странах с быстро развивающейся широкополосной инфраструктурой, российские P2P-сети ориентируются на лидирующие международные ресурсы — в 2009 г. список включал The Pirate Bay, Demonoid и Mininova. Но за последние несколько лет на местном уровне сформировалось большое сообщество P2P, куда входят около 50 BitTorrent-трекеров, специализирующихся на русскоязычном контенте и широком разнообразии узкоспециализированных жанров. В конце 2009 г. 8 самых крупных BitTorrent-трекеров в России насчитывали почти 8 млн зарегистрированных пользователей (не учитывая того, что одни и те же клиенты пользуются одновременно разными сервисами). Эти более крупные сайты обычно индексируют широкий диапазон материалов — от кинофильмов до местных каналов телевидения, игр, музыки, книг, обучающих программ, порнографии и зарубежных медиа тех же категорий с субтитрами.

Самый крупный сайт — torrents.ru — специализируется на фильмах и ТВ. На основе проведенного нами анализа географического распределения клиентов сайта torrents.ru можно предположить, что им пользуются большие региональные группы, русскоязычные диаспоры. При этом около половины пользователей с различными IP-

адресами расположены за пределами России [48]. Помимо предоставления доступа к гораздо большему количеству медиа для российских пользователей широкополосного интернета, сайты типа torrents.ru определенно обеспечивают живущих за границей русских русскоязычными медиа. В начале 2010 г. доменное имя torrents.ru было временно приостановлено уполномоченными органами якобы по заказу софтверных компаний Autodesk и 1С. Как и во многих других случаях правоприменения, попытки закрыть сайт привели к его передислокации за пределы России — в данном случае это сервис-провайдер, зарегистрированный на Багамах (enigmax 2010a).

Как действует пиратство

Медиапиратство в России зависит от многих факторов. Это и высокие цены (относительно доходов) легальной продукции, и жесткие меры полиции в отношении розничных торговцев, и изъяны режима лицензирования, не позволяющие обеспечить российский рынок разнообразной музыкальной, кино- и программной продукции.

[48] На основе сканирования данных индекса пользователей torrents.ru мы определили, что 156 487 зарегистрированных пользователей живут в России, а 70 087 (в порядке убывания) живут на Украине, в Германии, Латвии, Молдове, Литве, Эстонии, Израиле, Соединенных Штатах, Казахстане и Беларуси. IP-адреса 98 168 зарегистрированных пользователей не были различимы на этом уровне.

ей. Среди этих факторов цена и доходы — основные. Хотя Россию обычно описывают как страну со средним уровнем доходов, ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения составляет около \$9000, а среднегодовой доход остается ниже \$5000 [49]. Легально производимые и продаваемые по максимально возможной цене CD и DVD, особенно с иностранной музыкой и фильмами, стоят от 10 до 25 долларов, и поэтому на них приходится небольшая доля рынка (по данным IFPI, CD за полную стоимость — это только 10–12% рынка). Без учёта дисбаланса цен и доходов невозможно объяснить существование огромного рынка пиратских дисков и приобретающего всё большие масштабы онлайн- и цифрового пиратства.

Ограниченный выбор товаров легального медиарынка — другой определяющий фактор. Большая часть западной музыки и фильмов, например, просто не поступают по легальным розничным каналам, а в провинции ассортимент товаров ещё хуже. Эта ситуация ни в коем случае не уникальна для России, а скорее, отражает глобальные бизнес-модели, где стимулы для конкуренции в сфере цен и услуг в странах с переход-

[49] Это данные по номинальному ВВП на душу населения, подходящие для сравнения товаров с фиксированной ценой, таких как DVD. ВВП часто приводят на основании ППС (паритета покупательной способности), учитывающего более низкие цены на товары и услуги во многих странах. Российский ВВП на душу населения по ППС колеблется между \$15 000 и \$16 000.

ной экономикой остаются низкими. В России эта проблема стоит ещё более остро в связи с двумя дополнительными факторами: (1) чрезвычайно сложным процессом лицензирования и (2) риском для розничных торговцев — звена в цепочке распространения медиа.

Издержки, связанные с непроданным товаром, в России несет розничный торговец, а не дистрибьютор. Такой риск может приводить к отсутствию медиапродукции на розничном уровне: розничный торговец вынужден идти на меньший риск, приобретая признанную, хорошо продаваемую продукцию, не залеживающуюся на складе, а поэтому он не очень стремится приобретать специализированную или малоизвестную музыку или кинопродукцию. Это создает стимулы для складирования более дешевых нелицензированных товаров, которые часто можно купить оптом по цене \$0,30–1.

Полицейские мероприятия 2006 г. изменили эту ситуацию. Прежде всего стало небезопасно хранить пиратский товар, что вынудило многих продавцов выйти из бизнеса. Дистрибуция переместилась в более безопасные розничные сети, включающие анонимные цепочки поставщиков и мобильную уличную торговлю. Выше по ходу дистрибьюторской цепочки возникли сложные сети складов, разделившие производство и сбыт, делая минимальным риск для дистрибьюторов.

В свою очередь, такая менее формализованная торговля попала под удар сбыта товара в интернете как в форме сетей обмена файлами, так и

хорошо известных номинально «лицензированных» российских сайтов, таких как AllofMP3 и его последователей, где можно скачать продукцию. Хотя относительно мало россиян имеют у себя дома широкополосный интернет в сочетании с современным компьютером, цифровым воспроизведением и запоминающим устройством, дающим возможность полноценного участия в цифровой медиаэкономике, такая инфраструктура быстро разрастается и представляет вызов для современного как легального, так и пиратского медиарынка.

Повсеместное лицензирование

Основные споры о пиратстве и принуждении к праву предполагают существование чётких различий между легальными и нелегальными товарами. Утверждения ИРА, что ежегодные потери России в \$2–3 млрд или даже больше за 2003 г., подводят жирную черту под этими спорами. Но различия могут стать более сложными на практике, и они чрезвычайно сложны в России, где экономика авторских прав всегда находилась и в значительной степени продолжает занимать промежуточное положение между режимом лицензирования, регулирующим отношения с авторами, издательствами, дистрибьюторами, продавцами медиапродукции, а также с создателями аудиовизуального оборудования. В течение последних десяти лет делались попытки усовершенствовать процедуру лицензирования, но результаты были или очень скромными, или не-

гативными. По мнению большинства, ситуация остается плачевной.

Как и везде, ответственность за лицензирование работ по производству и распределению возложена в первую очередь на правообладателей и уже потом, в силу определённых обстоятельств, на организации коллективного управления авторскими правами (ОКУП). Они собирают роялти за трансляцию музыкальных программ, исполнение и другие виды использования произведений, выделяют деньги для правообладателей и действуют в защиту интересов артистов. В России данный сценарий осложнялся тремя положениями Закона об авторском праве от 1993 г.: (1) закон разрешал иметь неограниченное количество обществ коллективного управления авторскими правами; (2) эти общества могли заочно представлять авторов без заключения с ними договора; и (3) им разрешалось управлять широким спектром не предусмотренных заранее смежных прав.

Такая ситуация создавала почву для уловок и злоупотреблений. В некоторых случаях издатели и дистрибьюторы регистрировались как общества ОКУП и начинали издавать и распространять произведения — часто без разрешения правообладателей. Невыплата вознаграждений и роялти было частым явлением в этой связи, что привело к мобилизации усилий и лоббированию со стороны IFPI и Американской ассоциации компаний звукозаписи (RIAA).

AllofMP3 наиболее ловко использовал эти недостатки. Этот российский портал продавал музыку онлайн для международной аудитории по ценам гораздо ниже международного уровня, выручая скромный доход в \$11–14 млн ежегодно (Голованов, 2008:2). Головная компания Mediaservice получила лицензию у двух ОКУП в России, имеющих легальные лицензии. Законность этих лицензий подверглась сомнению в 2004 г. со стороны IFPI и RIAA по ст. 146 Уголовного кодекса. Владельцу AllofMP3 Денису Квасову было предъявлено обвинение в преступных посягательствах, но позднее, в 2007 г., он был оправдан за недостатком свидетельств о фактах незаконной деятельности. Под непрекращающимся давлением со стороны IFPI и других американских структур российское правительство закрыло портал AllofMP3 в 2007 г., но вскоре появились клоны, которые продолжают функционировать (хотя и в меньших масштабах).

Реформа 2008 г. ввела процесс госаккредитации ОКУП, это было сделано с целью укрепления власти какого-то одного общества в каждом из основных секторов культуры и развлечений. С тех пор только аккредитованные общества могут представлять интересы авторов и правообладателей без официальных контрактов. Однако этот закон не имел обратной силы, и несколько ОКУП, работавших до 2008 г., работают до сих пор.

В области авторских прав аккредитацию получило Российское авторское общество (РАО) и ста-

ло *de facto* государственной монополией. Вполне вероятно, что это укрепление произошло за счёт приобретения других проблем. Неоднократно РАО критиковали за отсутствие прозрачности и невыполнение обязательств по передаче музыкантам собранных средств — все эти обвинения РАО неистово отрицало в лице своего зам. директора Олега Патрина. Эта организация оставляет себе до 30% валового дохода от лицензирования [50], и с 2006 г. она быстро выросла, подняв уровень своей прибыли с 1,5 млрд рублей (это приблизительно \$50 млн) в 2007 г. до 2,2 млрд (\$70 млн) в 2008 г. С организаторов концертов РАО берет 5% их выручки и 3% кассовых сборов с кинотеатров за «публичное исполнение музыки в кино» (Гончарова и Пушкарская, 2009).

РАО имеет специфическую привычку выявлять тех организаторов концертов, которые обходят этот сбор (как и во многих других странах, живое исполнение — единственный быстро растущий сектор музыкального бизнеса в России). В 2008 г. РАО обратило на себя внимание тем, что стало в судебном порядке преследовать организатора концертов Юг-Арт за «несанкционированное публичное исполнение» песен группы Deep Purple самой же группой Deep Purple во время её турне по России. В итоге РАО получило премию в размере 450 000 рублей (\$15 000 или \$1000 за каждую песню), утверждая тем самым принцип,

[50] См. официальный сайт РАО на <http://www.rao.ru/orao/ustav/>.

что все доходы от исполнительской деятельности должны проходить через РАО. В марте 2010 г. РАО подало иск против хора ветеранов Второй мировой войны, который не подписал соответствующего лицензионного соглашения, за исполнение советских патриотических песен на бесплатном концерте в Самаре (enigmax 2010b). Это событие спровоцировало небольшой шум в Российском парламенте и может вызвать и более организованное недовольство максималистской позицией РАО по правам на исполнительскую деятельность.

При такой ситуации для большинства ОКУП характерны низкие показатели количества участников и высокие показатели недоверия со стороны правообладателей. В 2008 г. деятельность РАО охватывала только 10–12% рынка площадок публичных выступлений [51]. Эти данные, безусловно, отражают трудности при принятии последовательных и надёжных нормативов исполнительских прав в стране, где они исторически игнорировались, а также свидетельствуют о массовом разочаровании взглядами РАО в отношении прав на интеллектуальную собственность, его чрезмерной активностью и неразборчивостью при проведении судебных тяжб. Многие популярные музыканты сейчас совсем отказываются от своих прав на исполнение, чтобы не связываться с РАО.

[51] Интервью российских сотрудников IFPI.

Стремление РАО к расширению тоже создаёт проблемы. В 2008 г. партнёрские организации РАО создали Всероссийскую организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) в попытке стать аккредитованной организацией по «смежным правам», таким, которые даются вещательным компаниям или продюсерам. Но сомнения в связи с недостаточной прозрачностью ВОИС (и ряда других ОКУП. — Прим. Анатолия Козырева) в отношении роялти и управления заставило многих продюсеров поддержать в процессе аккредитации другую организацию — Российскую фонографическую ассоциацию (РФА). По общему мнению, политическая борьба вокруг аккредитации была очень интенсивной. Генеральный директор РФА Вадим Ботнарюк был убит (19.01.2008), хотя истинные причины преступления не раскрыты. В конце концов в 2009 г. ВОИС получила аккредитацию. РФА продолжает работать на основе законов 2008 г., и многие иностранные ОКУП все еще отдадут предпочтение этой организации.

Ситуация в области управления правами остаётся неразрешённой в некоторых ключевых аспектах. Другие организации, такие как Российская ассоциация по смежным правам (РОСП), всё ещё претендует на аккредитацию, чтобы собирать роялти в других областях. Контроль над лицензированием производителей и импортёров аудио- и видеооборудования и пустых дисков — это приз, стоимость которого оценивается в \$50–100 млрд ежегодно.

Другие типы лицензий тоже приводят в замешательство. Кроме ОКУП многочисленные антипиратские организации занимаются собственным «лицензированием» продукции своих членов, что часто выглядит как печать на товаре, подтверждающая его подлинность. Такая форма аутентификации не имеет юридической силы, но ориентирована на то, чтобы производить впечатление легально произведённой продукции в глазах розничных торговцев и потребителей.

Региональные и местные власти тоже выпускают массу лицензий для коммерческих поставщиков — от уличных торговцев до крупных сетей национального масштаба. Они позволяют заниматься торговлей CD и DVD, но на практике не гарантируют легальности продаваемого товара. Один интересный и неоднозначный вариант лицензии — это «региональная лицензия» (*регионалка*), которая позволяет продавать и распространять медиапродукцию по заниженным ценам (и часто заниженного качества) в рамках отдельного региона. Региональные лицензии стали общепринятой стратегией российских дистрибьюторов, их цель — снижение цен за пределами главных рынков страны — Москвы и Санкт-Петербурга.

Легальный, серый и нелегальный

Сложный режим лицензирования неизбежно ведёт к разнообразным правонарушениям. Разные виды лицензий дают повод для разных типов противозаконной деятельности — помимо про-

стого нарушения авторских прав, они включают выход за разрешённый формат (CD, DVD, потоковое воспроизведение аудио- и видеоматериалов), количество разрешённых копий, географические границы распределения и так далее. С точки зрения производителей, все это разнообразие нарушений входит в арсенал пиратства в России. Все они считаются причиной потерь со стороны правообладателей и различаются главным образом в условиях правовых средств защиты.

Но, с точки зрения потребителей и, возможно, розничных торговцев, те же факторы составляют спектр белой, серой и черной продукции и вовсе не образуют дихотомию. С этой точки зрения не все нарушения одинаковы, так же как нельзя провести четкую грань между легальностью и нелегальностью многих товаров. Скорее сами потребители пытаются соотнести различия в легальности с различиями в качестве товара, причём высшее качество и легальная продукция занимают верхнюю часть иерархической структуры, а самое низкое качество и неофициально произведенный товар — низшую. Определения белого, чёрного и варианты серого в этом контексте явно подходящие, хотя бы неплохо согласуются с реальной практикой. Мы ориентировочно выделили пять оттенков в соответствии с логикой потребителя.

1. *Белые* товары обладают всеми атрибутами легальной продукции, включая высокое качество упаковки и печати и, сверх того, высокие цены, которые могут варьироваться от 350 до 800 рублей

(\$14–32 [52]). Такая продукция обычно продается в больших специализированных магазинах музыкальных и видеотоваров, а также в крупных универмагах и супермаркетах.

2. *Светло-серые* товары, которые производятся законно, но могут включать иные практики, легальность или честность которых бывает сомнительной, например это относится к случаям параллельного импорта CD или DVD в Россию, что может противоречить правилам торговли или ограничениям географического лицензирования [53].

3. *Серые* товары, такие как CD или DVD, произведенные сверх квоты, которые идентичны легальным версиям, но имеют сомнительное происхождение и продаются по заниженным ценам (150–250 рублей; \$6–10). Они поступают в основ-

[52] Цены приводятся по курсу лета 2008 г., который составлял тогда примерно 25 рублей за 1 доллар США, именно тогда проходила первая фаза данной работы. Изменения курсов валют оказывают сильное влияние на эти сопоставления (к октябрю 2010 г. курс держался около 31 рубля за доллар), но меньше — на доступности на местах.

[53] Статус этого импорта — вопрос правовых споров в России. РАПО и другие антипиратские организации оспаривают его легальность, но ряд компаний открыто работают как импортеры. И здесь вопрос законности состоит не в нарушении авторского права, а скорее в степени соответствия торговым соглашениям по импорту и в оплате таможенных пошлин. Заниженные цены многих импортированных товаров часто позволяют поставщикам сбивать цены на производимые на местах и лицензированные товары. См. также: Олимпиева, Паченков и Гордии (2007).

ном в специализированные небольшие или средние магазины, нижний эшелон сети супермаркетов и в киоски.

4. *Тёмно-серые* товары, произведённые на заводах, но обычно более низкого качества и явно не лицензионные или сублицензионные. Основные примеры — это неавторизованные компиляции песен и коллекции фильмов. Такие диски, как правило, продаются в киосках, уличными торговцами и на открытых рынках по цене 100–120 рублей (\$4–5).

5. *Чёрные* товары прожигаются на домашних компьютерах или производятся на малых предприятиях. Во многих случаях это копии других пиратских копий или записанный на дисках скачанный материал. Такие пиратские медиа можно купить на открытых рынках, их цена колеблется от 10 до 100 рублей (\$0,40–4).

На нижних уровнях розничной торговли можно также найти многие другие жанры, включая пиратские записи концертов, практические руководства, евангельские проповеди и порнографию. Легальный статус таких товаров определить труднее, так как они включают огромное количество любительской и некоммерческой продукции.

Штампы и наклейки

Определение степени легальности медиатоваров на улице часто невыполнимая задача, даже для экспертов. Наши расспросы показали, что ни продавцы в магазинах, ни офицеры правопо-

рядка, вовлеченные в проверку на предмет легальности товаров розничной торговли, не могут однозначно распознать легальные и нелегальные копии. Так же, если на то пошло, растущий слой покупателей готов платить премию за легальные копии. На практике люди сначала полагаются на цену, как на сигнал о легальном статусе, а затем уже на свое знание, о том, что содержит легальная (почти легальная) копия. Режим проверки наклейки и штампов, помещенных на товары, появился, чтобы руководить этим процессом, но сам стал таким запутанным и широко контрафактным, что только добавляет сложности.

Многие правообладатели или наделяющие правами органы власти пытаются подтвердить легальность продуктов специально разработанными штампами и наклейками. Это служит сигналом покупателям о (показной) легальности, но они не имеют законной силы и не требуются законом. Так как существует множество групп правообладателей, диски могут быть помечены множеством различных штампов и наклеек — и даже множественными наклейками. Некоторые содержат целых пять. Разговор с главой Санкт-Петербургского отделения РАПО:

Глава РАПО: Каждый правообладатель ставит эту наклейку, он хочет: «Я хочу защитить мое имущество этим путем, поэтому я лучше поставлю наклейку».

Интервьюер: Значит наклейка, по существу, ничего не значит?

Глава РАПО: По существу, она абсолютно ничего не значит.

Представители звукозаписывающей ассоциации, опирающейся на IFPI, NFPP (Национальная федерация фонограммной продукции), докладывают об успешности наклеек и штампов, но только когда эта программа активно поддерживается законом.

Естественно, что штампы и наклейки широко копируются и обманным путем применяются к пиратским товарам. В 2003 г. шестнадцать крупнейших музыкальных дистрибьюторов создали государственно-частное партнерство, названное Некоммерческое партнерство дистрибьюторов (НПД), которое быстро выпустило собственную наклейку подлинности [54]. Исполнительный директор партнерства объяснил нам, что сегодня самим наклейкам нужна защита. Даже сложный голографический дизайн не удерживает от подделки:

У нас есть марка, которая содержит множество защитных особенностей, но сейчас она также подделана. Она содержит серийный номер. Она содержит голограмму. Она содержит все мыслимые водные знаки. То есть она полностью защищена. Но нас подделывают. Наша защитная марка сама подделывается!

Беседа с покупателями и персоналом музыкальных магазинов ясно дала понять, что никто не может объяснить значение различных наклеек и марок в каких-либо подробностях. Распознава-

[54] В начале НПД само обвинялось в причастности к распространению пиратских CD.

нию не способствуют изменения во внешнем облике: наклейка НПД, например, «менялась много раз», а нынешняя форма сохраняется на протяжении, «возможно, последних четырех лет» [55].

Такое замешательство на рынке ведет к незначительности системы лицензирования. Хуже того, некоторые марки сигнализируют о побочных взаимодействиях между государством, частными правоприменительными организациями и коммерческими интересами, которые являются несколько большим, чем просто рэкет. Несколько владельцев магазинов розничной торговли описывают это как «псевдолицензии». Большинству из них было известно о положении дел в Санкт-Петербурге с середины 2005 г., когда так называемая «ассоциация розничных продавцов» использовала такие лицензии для расширения своего контроля на весь рынок музыкальной продукции. Ассоциация совместно с местной милицией устраивала рейды только на магазины, чья продукция не была помечена их марками.

Тем не менее НПД и другие группы правообладателей прикладывают усилия, чтобы научить покупателей понимать разницу между легальными и нелегальными оптическими дисками. Ключевые составляющие пиратского диска, как считает НПД, поместив информацию на своем вебсайте в 2005 г., следующие.

[55] Региональный представитель НПД на обсуждении за круглым столом, Москва, июнь 2008 г.

1. Нет наклейки НПД, или наклейка подделана.

2. На обложке расположена фальшивая голографическая марка, или имитация такой марки сделана из светоотражающего материала.

3. Обложка явно выглядит отсканированной с оригинала. Например, при внимательном осмотре диска обнаруживается, что: картинка на обложке состоит из отдельных точек правильной геометрической формы (квадрат, ромб, прямоугольник или шестиугольник), или горизонтальные и/или вертикальные линии; и/или контрастный и цветовой спектр не отражает оригинальные цвета (например, преобладание одного цвета на картинке, т.е. синего)...

5. Данные напечатаны на маленьком кусочке или смазанные или нечитаемые.

6. Нет указателей на авторские права, т. е. латинской буквы ©...

9. Нет логотипа производящей компании на обложке.

10. Нет информации на русском языке на обложке.

11. Более чем одна аудиоколлекция или несколько альбомов одного и того же исполнителя на одном CD

11. Коробка диска указывает, что диск имеет формат CD-R или DVD-R (НПД 2005).

Несмотря на очевидные проблемы, связанные с использованием наклеек, многие пиратские товары, несомненно, легко опознать. Большинство признаков, перечисленных НПД (выцветшие цвета, смазанная картинка и грамматические ошибки), однозначно разоблачают пиратское происхождение диска. Погнутые, неровные или поцарапанные диски наиболее вероятно явля-

ются пиратскими. Уличные магазины и киоски, в особенности полные пиратских дисков, не предпринимают серьезных попыток скрыть происхождение дисков. Высококачественные, напротив, представляют серьезную проблему их идентификации. Хотя довольно просто разоблачить незамаскированный пиратский диск, становится чрезвычайно трудно — даже для офицеров правоприменительных организаций — подтвердить легальность копии. В верхнем слое российского медиарынка лицензионные и пиратские диски выходят из одного станка и являются идентичными.

Социальная организация производства

Согласно заявлениям РАПО, большинство пиратских дисков произведено на лицензированных фабриках сверх квоты [56]. В 2009 г. РАПО полагают, что существует как минимум 50 таких фабрик, работающих с дополнительными сменами, или, в некоторых случаях, с дополнительными производственными линиями. Существуют очевидные преимущества этого метода: товары, произведенные сверх нормы, невозможно от-

[56] Согласно источникам IFPI, производство сверх квоты никогда не было большой проблемой для CD, которые обычно производятся на специализированных пиратских производственных линиях.

личить от разрешенных, что усложняет работу правоохранительных органов. Исполнительный директор НПД говорил:

До обеда они производят товар согласно условиям их лицензии, а после обеда они запускают пиратское производство. И кто может сказать, что они производят в этот самый момент — легальное или пиратское?

Капиталовложения и технические требования на этом уровне очень высоки — как и стандарт качества. Производственная линия может стоить \$2 млн. Производство также включает печать высококачественной обложки и другие включенные материалы, так же как и упаковка. Выход может быть огромным — 450 000 дисков в месяц с каждой производственной линии. Крупные фабрики могут иметь от двадцати до тридцати таких линий. Когда фабрика ведет дело с нелегальной продукцией или превышающей квоту, также устанавливаются уничтожители — специальные машины для уничтожения пиратских дисков в случае полицейского рейда.

Крупномасштабное производство часто разбито на стадии, каждая стадия в отдельном месте. Типичное разделение труда отделяет копирование дисков, печать сопутствующих материалов, сборку коробки, упаковку и транспортировку. Такое разделение часто приводит к тому, что товар доставляется в разобранном виде на точки розничной продажи, это позволяет производителям

и дистрибьюторам переложить дальнейшие расходы на конец цепочки.

Мелкие производственные линии играли главную роль на рынке пиратских оптических дисков в России в начале десятилетия. Созданные вокруг многоцелевых «записывающих машин», которые были достаточно маленькие, чтобы разместить их в отдельных офисах, такие производственные линии обычно совмещали в себе различные стадии производственного процесса — от записи диска до печати обложки. Качество получаемой продукции было ниже, чем на главных фабриках — особенно в отношении печати и упаковки, однако, что касается капитальных вложений, специальные устройства записи стоили в среднем \$40 000, позволяя пиратам быстро вернуть свои капитальные вложения. Низкая стоимость так же означает, что отказ от такой машины в случае полицейского рейда, маловероятно приведет к невосполнимым потерям. В отличие от основных производственных линий фабрик, такие машины в основном тайные и незарегистрированные. Производство гибкое, быстрое и ориентированное на потребителей.

Справка. Перенасыщение рынка

Согласно источнику в правоохранительных органах, производство сверх квоты обычно в несколько раз больше лицензионного выпуска, обеспечивая преобладание пиратских копий на рынке. Оценки РАПО в отношении наиболее популярных фильмов 2001–2004 гг. (задолго до DVD-бума в России) предлагают следующую шкалу пиратства:

- «Гарри Поттер и философский камень» (2001). Легальные: 120 000. Нелегальные: 350 000.
- «Матрица Перезагрузка» (2003). Легальные: 200 000. Нелегальные: 500 000.
- «Шрек 2» (2004). Легальные: 220 000. Нелегальные: 450 000.

Такие оценки, как правило, основываются на экстраполяции оценок объема ключевых точек розничной продажи — метод, который является весьма точным. IIPA в 2010 г. сообщила, что примерно 70 млн пиратских DVD-дисков были произведены в России в прошлом году, по-видимому, применяя старую МРАА методику моделирования рынка пиратских DVD, на основе разницы между размером легального рынка и оценкой общей производственной мощности фабрик по производству DVD. По данным источников IFPI, большинство современных оценок производства основаны на предположении, что заводы работают на 60–70% мощности. Начальник Санкт-Петербургского филиала РАПО пояснил, что центральным фактом является то, что «существует слишком много фабрик, слишком много производственных линий, в то время как спрос на лицензионные DVD не так уж велик. Законные заказы не окупают все множество производственных линий».

Диски, изготовленные дома или в маленьких магазинах на персональных компьютерах, также широко распространены, особенно на рынках на открытом воздухе. Обычно они удовлетворяют потребности бедных слоев городского населения, не заботясь об упаковке. Поставщики часто прикладывают каталоги фильмов и список музыкальных произведений, которые можно заказать или записать по желанию. Диски, произведенные

дома, также можно встретить в специализированных магазинах, которые специализируются на редких фильмах и музыке. Персонал таких магазинов часто имеет сеть проверенных клиентов, которым они помогают найти и записать отдельные альбомы, сборники или фильмы. Такие услуги недороги — стоимость обычной болванки плюс надбавка в 20–40 рублей (\$0,8–1,6).

Консолидация производства после подавления

После карательных мер 2006 и 2007 гг. появилась другая пиратская экономика. Там, где старая модель характеризовалась относительной децентрализацией производства и широким спектром продаваемой продукции, новая модель характеризуется в первую очередь централизованным, политически защищенным производителями чрезвычайно неформальным сектором розничной торговли, меняющимся легальным владельцем, анонимностью продажи и растущей зависимостью от уличной торговли незаконными иммигрантами и бедняками — на местном уровне.

Карательные меры, по мнению большинства, стали резким ударом для средних и мелких производителей и розничных торговцев [57]. Для

[57] Мелкое производство в настоящее время играет сравнительно небольшую роль в сфере российского пиратства, хотя ситуация меняется. ИПРА, со своей стороны, недавно стала отмечать сигналы к возрождению малых производственных линий в результате государственного давления на некоторые из крупных предприятий (ИПРА 2010).

крупных производственных фабрик карательные меры стали поводом к объединению и реструктуризации: защита от полиции и других органов исполнительной власти становится их главной функцией. Большие производственные фабрики стали более зависимыми от государственной защиты, стратегии защиты изменились. Производство отошло от открытых объектов к «закрытым» с частной, а иногда и государственной охраной. Наиболее явной формой защиты является размещение производства на военных объектах за пределами юрисдикции обычных полицейских:

ОПРАШИВАЮЩИЙ: Мне сказали, что почти все пиратские фабрики сейчас сидят на территории завода, где есть несколько контрольно-пропускных пунктов...

Агент органов исполнительной власти: В «почтовых ящиках», как мы их называем... Обычный завод может быть проверен городской полицией, региональная полиция также может совершить рейд. Сейчас «почтовые ящики» являются закрытыми и имеют свою собственную службу безопасности. Никто не войдет туда без разрешения, даже ФСБ.

Сборочные линии «почтовых ящиков» расположены на военных базах или других объектах, находящихся в ведении государственной службы безопасности (также известные как предприятия с режимом ограниченного доступа, или «ящики»). Оценки количества таких предприятий менялись с годами, и сами по себе они не являются незаконными. Российское правительство называет цифру 18 из 47 зарегистрированных фабрик

по производству лазерных дисков. Они якобы виновны в большом количестве продукции сверх квоты, наводнившей российский рынок.

Зарубежные жалобы на «ящики» стали одной из причин карательных акций 2006–2007 гг., на большинство правительство ответило. К 2008 г. количество «ящиков», используемых для производства лазерных дисков, как сообщается, сократилось до 4 (ИРА 2009, 2010). Подразделение Министерства внутренних дел (МВД), называемое «восьмое управление», ответственно за контроль над деятельностью «ящиков», однако их эффективность оставляет желать лучшего. Доверие к восьмому управлению в отрасли низкое, причиной стали слухи о коррумпированности его сотрудников. Лишь немногие уголовные дела привели к отзыву лицензий, и только горстка пешек, работающих на таких фабриках, предстала перед судом.

Менее подтвержденные слухи о причастности государства также широко распространены. Владелец лейбла в Санкт-Петербурге рассказал нам о предприятиях, которые используют незаконный труд заключенных:

Несколько лет назад одно из таких производств было обнаружено внутри тюрьмы X. Это показало, какую удивительную схему мы здесь имеем... Кто-то в тюрьме X, кто достаточно влиятелен, имеет обширные связи и осведомлен о пиратской сети, купил производственную линию лазерных дисков.

Это была не дешевая линия — она стоила примерно \$100 000. И она была установлена в

тюрьме, где люди выполняли работу за копейки. В результате рейда было конфисковано несколько миллион дисков, включая полтора миллиона моих дисков... Был суд, но никого не осудили, всем удалось как-то выйти из этого.

Российские СМИ опубликовали похожие истории. Одна статья описывает использование пациентов психиатрических учреждений при сборке коробок для пиратского видео.

Сбор коробок оказался такой простой работой, что недобросовестный предприниматель организовал упаковочную линию в психиатрической клинике. Готовый продукт доставлялся отсюда на склады по всей стране (Vershinen 2008).

Справка. Защита периода релиза

В кинобизнесе основная задача органов правового принуждения — задержка доступа пиратов к высококачественной копии во время первого выпуска или периода показа, когда фильм собирает большую часть своей прибыли. Быстрое, широкое распространение фильмов является как ключом к капитализации в этом периоде, так и вызовом для поддержания контроля над копиями. В России переход от поставщиков к кинотеатрам особенно уязвим. Как правило, 35-миллиметровые катушки с фильмами московские дистрибьюторы оставляют за два-три дня до релиза фильма, доставка в более отдаленные места может занять до десяти дней. Часто этого более чем достаточно для обхода специально оборудованных студий, где пираты могут производить высококачественные DVD.

Обеспечение раннего доступа к пиратским копиям таких фильмов является прибыльным, притягивая от \$10 000 до \$40 000, согласно на-

шим источникам. Такие копии также быстро появляются онлайн — хотя на данном этапе у пиратов существует интерес к сокращению конкурирующих каналов распределения. По очевидным причинам для студий особенно неприятны пиратские релизы, предшествующие официальному показу (хотя доказательств сильного влияния на кассовые сборы, даже для предрелизной версии фильмов, слабы). Следующее поколение цифровых проекторов предназначено для решения этой уязвимости в цепи распределения: фильм загружается через зашифрованный спутниковый канал прямо в театр (Vershinen 2008). Среди преимуществ от перспективы усиления контроля можно выделить то, что такие загрузки могут быть помечены водяными знаками, давая полиции средства для отслеживания цифровой копии к ее источнику. К 2008 г. в России было всего 1800 экранов, из них всего 91 — цифровые (Березин и Леонтьева 2009).

Не все наши источники поддерживают эти примеры, и вполне возможно, что некоторые из них являются городскими легендами. Но источники последовательно подтверждают сообщения о более широкой роли государственных охран-ных ведомств и военных в крупномасштабном пиратском производстве. Такие случаи, по очевидным причинам, крайне трудно расследовать, и мы сами не будем их доказывать.

Карательные операции также обеспечили одну из особенностей российского пиратства: высокие цены. В России \$5 за высококачественный DVD — норма, и цены на пиратские диски хорошего качества незначительно выросли в последние не-

сколько лет. Цены на пиратские диски могут даже равняться или превосходить цены на некоторые категории лицензионных DVD, такие, например, как местная «регионалка», часто содержащая компромиссы между качеством и свойствами. Ни в одной другой стране, согласно этому отчету, не зафиксирована такая ценовая стабильность. Повсеместное распространение дешевых записей и рост интернет-пиратства резко уменьшили цены на пиратские диски — в среднем от \$1–2 в рознице за одну высококачественную копию и намного ниже при оптовой продаже. Цены на высококачественные диски в других странах, рассмотренных здесь, например, на блошиных рынках Рио-де-Жанейро, редко превышают \$3,5.

Наш вывод заключается в том, что относительно успешные меры борьбы против нижних звеньев цепочки поставок дали возможность крупным производителям захватить контроль над поставками и, следовательно, над ценами. Такое устройство рынка, скорее всего, является временным. Производство дисков в промышленных масштабах играет уменьшающуюся роль в растущей экономике пиратских цифровых технологий. Трудно представить, как высокие цены будут служить расширению широкополосного доступа и цифровых магазинов, уже показывающих признаки опережения цепи поставки лазерных дисков. В этом отношении цифровой переход в России может иметь неожиданную сторону и вытеснить крупных, защищенных государством пиратов из бизнеса.

География

Как мы уже отмечали, глобализация медиа-отрасли не привела к возникновению единого мирового рынка продуктов авторского права. Хотя копирайт — международная система, в которой правила, установленные в одной стране, должны соблюдаться в других, лицензионная система на продукты авторского права является национальной и требует от производителей и поставщиков из каждой страны отдельно лицензировать иностранные товары для продажи. Подавляющее большинство продуктов на русском рынке, в том числе голливудские фильмы и международные поп-альбомы, производятся по лицензии в России. Очень мало товаров иностранных производителей ввозятся напрямую, хотя кино и музыкальные объединения жалуются на юридические лазейки, которые позволяют небольшую легальную торговлю иностранными дисками и DVD.

Основным местом производства как легальной, так и нелегальной продукции, таким образом, является сама Россия. Среди нелегальных производителей, как сказано в докладе, мелкие и средние производители в крупных городах (МВД особенно выделило Казань, Ростов-на-Дону, Самару и Новосибирск). Но большинство опрошенных утверждают, что крупные производители сконцентрировались вокруг Москвы и Санкт-Петербурга, выделяя широкий рост высокотехнологичной индустрии, медиарынка и дохода.

Несколько источников далее отмечают, что в эру, последовавшую за карательными мероприятиями, Москва стала играть главную роль в плане объема и разнообразия своего производства и протяженности своей региональной сети.

Справка. Подставные фирмы

Разнообразные модели владения бизнесом сложились для удовлетворения двух требований пиратов на рынке оптических дисков: поддержание экономического масштаба при сведении к минимуму воздействия рейдов. В одной общей стратегии легально зарегистрированные фирмы выступают в качестве коммерческих арендодателей для небольших нелегальных предприятий (как правило, известных на русском языке как «подставные фирмы»). Подставные фирмы зарегистрированы на фиктивных владельцев, но на практике принадлежат хозяину. В случае полицейского рейда подставные фирмы можно выбросить без ущерба для материнской компании, откуда их название.

Синдикаты являются другим организационным ответом, в котором группа фирм работает как единое предприятие, но без правовых договоров. Капитал и другие материальные ресурсы являются общими, но нет ответственности. В случае рейда полиция может обвинить только целевую фирму, на которую совершен рейд, сводя к минимуму потери в более крупной операции.

Пиратское производство также замечено и в других городах. Санкт-Петербург, как и многие другие российские региональные центры, не только посткоммунистический, но и постиндустриальный город. Бывший советский сектор тяжелой и высокотехнологичной промышленно-

сти сильно развит и мало загружен. Такой спад на предприятиях — важная сторона крупномасштабного нелегального производства. В Санкт-Петербурге они, как правило, расположены на окраине города, согласно образцу советского промышленного развития [58]. Маленькие производственные линии и «склад типографии», описанные в следующем разделе, в отличие от крупных производств, не требуют больших помещений и, следовательно, более географически распределены по всему городу.

Социальная организация распространения

Легкость в манипуляции порядками лицензирования, особенно путем производства «сверх нормы», — одна из важнейших причин, почему пиратство в России так сложно преследовать: часто невозможно отличить легальные копии от нелегальных. Организация цепочки сбыта также представляет проблемы, особенно после принятия строгих мер в 2006–2007 гг., когда пиратские посредники изменили свои методы ведения бизнеса, чтобы минимизировать риск.

[58] Примечательное исключение — Кировский завод, один из старейших заводов в Санкт-Петербурге, расположенный в самом центре. Этот завод подвергся полицейскому рейду в 2008 г.

Склады

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. крупные производители пиратской продукции всегда считали выгодным сосредотачивать услуги производственного характера в одном месте, начиная от нелегального приобретения оригиналов до производства, печати, упаковки и хранения. Из этих центров производства продукция распределялась по более мелким складам, иногда называвшимся «студиями» из-за их размера. Результатом возросшего в начале 2006 г. количества полицейских акций стало закрытие некоторых главных производственных линий, а также увеличение риска для производителей, хранивших у себя произведенную сверх определенной в лицензии квоты продукции. Производители пиратской продукции ответили на это созданием сети специальных складов, отделив производство от хранения и распространения. Согласно РАПО и другим источникам, принцип одного окна сейчас редко встречается.

Опрошенный нами в ходе исследования эксперт из РАПО оценочно сказал, что в России около тысячи складов, распространяющих пиратскую продукцию в розницу (мы нашли похожую цифру на русских онлайн-форумах, где обсуждают пиратство). Согласно заявлениям розничных торговцев и РАПО, в Санкт-Петербурге в 2008 г. было три или четыре больших завода по производству оптических дисков, там производились как легальные, так и нелегальные диски, от пяти

до десяти больших складов и около 70 маленьких складов, через которые товары попадали на белый и серый рынки.

Увеличение числа складов делает возможной обособленность высокого уровня для фирм, вовлеченных одновременно в легальную и нелегальную деятельность. Один владелец может контролировать множество складов для распространения легальных продуктов, одновременно распространяя пиратские материалы через другие склады, часто в непосредственной близости. Такое разделение дает некоторую защиту от потерь в случае рейда.

Личные связи и долгосрочное партнерство между распространителями и розничными торговцами также играет важную роль в цепочке сбыта. Большинство поставщиков, как нам сообщили, поддерживают взаимоотношения с небольшими сетями розничных торговцев и защищают их от конкурентов — на самом деле, поставщики борются не за потребителей, а за розничных продавцов. Эти взаимоотношения увеличивают безопасность, помогают поставщикам оценить спрос и, кроме того, уменьшают вероятность перепроизводства, которое может уменьшить прибыль.

Различные виды продавцов имеют различные структурные позиции в этих сетях распространения. Те, кто продает с переносных ларьков, приобретают товар на ближайших небольших складах (это может быть снятое в аренду помещение или торговое сооружение) и в основном носят его

с собой. У магазинов розничной торговли постоянного местоположения, как правило, есть служба поставки и специалисты, отвечающие за ассортимент. Большие цепи всегда владеют своими собственными складами, куда они транспортируют товары на поезде или грузовике. Из-за увеличения концентрации производства все больше и больше продуктов сейчас заказывают по каталогам, поставляемым для поставщиков в Москве и Санкт-Петербурге.

Работать вне этой легально-нелегальной экономики сложно, это требует значительных вложений в управление цепями производства и сбыта. Ведущие российские производители программного обеспечения, такие как Союз и 1С, на самом деле имеющие достаточный масштаб и ресурсы, управляют своими материальными запасами, закупая непосредственно у легальных производителей и оперируя собственными складами. Многие более мелкие компании обладают таким потенциалом — или системой стимулов.

Деформализация розничной торговли

Организация розничной торговли на российском рынке медиа сильно изменилась за последнее десятилетие, так как пиратство и, позднее, интенсивное местное принудительное применение права изменили прибыльность розничной торговли и затраты входа на рынки записей. В 1995–2000 гг. (формирование рынка медиа в Санкт-Петербурге) музыкальные и видео-компании обильно инвестировали в создание брендов

магазинов розничной продажи. Компании открыто продавали массу пиратских и лицензионных товаров и соперничали за внимание потребителей. Размер рынка легальных товаров был маленький, принудительное применение права редким — или от него просто откупались. С ростом пиратского рынка медиарейды, проводимые различными агентами правоприменения, стали более частыми, рыночные стратегии изменились. Сегодня фирмы, продающие музыкальную и видеопroduкцию, устроены так, чтобы противостоять давлению со стороны правового принуждения, а не удовлетворить потребительский спрос. Магазины с пиратскими товарами в основном предпочитают анонимность и тривиальные названия, например распространенные вывески «CD/DVD» на витринах магазинов.

Некоторые респонденты оценили размер розничного аудиовидеорынка Санкт-Петербурга в 700–1000 стационарных торговых точках, включая сложившиеся аудиовидеоцепи, независимые видео- и музыкальные магазины и киоски, однодневных уличных торговцев и рынки выходного дня под открытым небом. Желтые страницы Санкт-Петербурга в 2009 г. опубликовали 60 «брендовых» CD и DVD-медиацепей города, то есть магазинов, имевших отдельные названия, под которыми они формально зарегистрировали свою деятельность, например «Титаник» или «Настроение». Кроме того, существует около 30 сетей под названием «CD/DVD». Хотя все они неразличимы по названиям, структура собственности

у них разная. Некоторые зарегистрированы как отдельные магазины, другие объединены в большие корпоративные сети.

Сдвиг в сторону анонимности, мобильности и гибкости в розничных продажах пиратских товаров наиболее ярко заметен на уровне киосков и однодневок, обычно располагающихся около вокзалов и метро, а также в других местах массового скопления людей. Чаще стали встречаться торговцы «с рук», они в основном работают в поездах. Такие продавцы почти всегда — часть большой цепи с централизованными поставщиками и в основном заняты тем, что стараются избежать полиции. Опасность такого бизнеса способствует быстрому обороту и низким ценам, создающим возможность для уменьшения потерь в случае ареста или рейда. Период инвестирования короткий, размер прибыли умеренный. Деловым операциям этого уровня присущи более дешевые категории пиратской музыки и видео.

Муниципальные попытки регулирования и порой запрета этих форм неформальной торговли показали успешность временного разрушения и — в некоторых случаях — полного разрушения уличных рынков, но более широкий эффект, согласно большинству отчетов, имеет просто дальнейшая деформализация уличной торговли. Один из продавцов-консультантов в магазине кино и музыки в Санкт-Петербурге объяснил:

Организованный пиратский рынок, большие сети были разрушены [полицией] и стали дезоргани-

зованными. Сейчас узбеки со столами, таджики со столами. А раньше это были киоски с кассовыми аппаратами. Сейчас их нет. Все может быть приобретено. Все можно найти в городе.

Вместо того чтобы уничтожить пиратскую торговлю, продолжает этот информатор, запрещение лишило ее последних остатков формальности и прозрачности, загнав ее глубоко в подполье и открыв к более вредной и нелегальной торговле и труду.

Применение суровых мер в 2006–2007 гг. и изменение политики на местном уровне также изменили эту динамику основательным увеличением издержек защиты. В 2005 г., согласно опросу, цена сохранения за собой торгового места около станций метро в Москве была \$5000–7000 в месяц, в основном это аренда и взятки полиции и другим контролирующим органам. Такой бизнес может давать прибыль в \$4500–6500 в месяц. А сейчас прибыль намного меньше. Эксплуатационные расходы — включая взятки — сейчас составляют приблизительно \$10 000 в месяц, что делает прибыль недостаточной для всех, кроме крупномасштабных торговцев. Согласно большинству отчетов, масштабы этих изменений были меньше в провинциальных городах, где давление со стороны принуждения к праву было менее интенсивным и устойчивым, а откуп от милиции оставался дешевле.

Рынок розничной продажи оптических дисков продолжает быть разделенным на две ветви. Опрошенные в основном соглашались, что соот-

ношение продаваемых лицензионных товаров к нелицензионным коррелирует с размером и «формальностью» предприятия. У больших розничных сетей высокое отношение продаваемых лицензионных товаров к нелицензионным, в то время как у неформальных компаний почти 100% продаваемых товаров — пиратские. Эта рыночная структура представляет сложность для продавцов, которые хотят «работать легально». Никто из опрошенных нами продавцов не верил, что легальные продажи сами по себе породят конкурентную модель для малого и среднего бизнеса. Наши интервью обнаружили сильное желание легализации среди таких продавцов, но также резких ограничений конкуренции со стороны уличных продавцов с наиболее низкими ценами. Один владелец музыкального магазина среднего размера со средними ценами в Санкт-Петербурге заявил:

ВЛАДЕЛЕЦ МАГАЗИНА: Предположим, магазин продает лицензионные товары, но, как только вы ступите за порог, вы увидите 20 тентов, где продают пиратский хлам за полцены. Да, попробуй здесь посоперничать!

ИНТЕРВЬЮЕР: Продажа лицензионных товаров более прибыльна для вас?

ВЛАДЕЛЕЦ МАГАЗИНА: Для нас более прибыльно то, что от этого [лицензионных товаров] меньше проблем. И как средство избежать проблем лицензионная продукция, конечно, лучше. Но как ты можешь переключиться на легальные товары, если вокруг есть маленькие магазинчики, тенты, киоски, в метро и около него, которые собьют тебе цену? Слава богу, вся торговля в

метро была запрещена два года назад. Я имею в виду не только метро, но и все остальное, и это благотворно повлияло на ситуацию с лицензиями. Потому что зачем тебе нужен лицензионный диск, если у тебя уже есть нелицензионный, да еще и за полцены?

В этом контексте пиратство в меньшей степени добровольный выбор — это экономическая стратегия выживания для обеих сторон, и она порождает предсказуемые трения между владельцами магазинов и уличными торговцами.

Наличие больших цепочек, продающих (судя по всему) только легальные товары, предполагает, что главное отличительное качество, не конвенциональное понятие «формальная организация против неформальной», а масштаб деятельности. Как предположил один опрошиваемый, полностью легальная розничная медиаторговля на российском рынке является «роскошью» по причине низкого коэффициента дохода и длинного инвестиционного цикла. Только хорошо капитализированные компании со структурными подразделениями в других районах могут позволить себе «играть по правилам». Недавно сформировавшаяся музыкальная цепь «Настроение» — такой пример. «Настроение» продает легальные медиатовары высоко качества. Это также результат корпоративной стратегии диверсификации торговцев [59]. Это было важным различием в глазах

[59] В этом случае крупный игорный бизнес в Санкт-Петербурге (но с филиалами по всей России) — «Волкано» — искал новые инвестиции после того, как были вве-

некоторых опрошенных, которые рассматривали комбинацию строгого принуждения к праву и высоких цен на медиатовары как структурное преимущество больших компаний и гарантию устойчивого — если не все более и более жалкого — пиратского сектора минимального размера.

Продавцы и дистрибьюторы пиратской медиaproдукции сильно обеспокоены изменениями, происходящими из-за деформализации рынка. Некоторые характеризуют их как «удар по потребителю». Некоторые говорят о снижающемся качестве и разнообразии пиратской продукции на рынках. Многие считавшиеся лучшими складами Санкт-Петербурга в смысле предоставления быстрого доступа к широкому спектру музыки и фильмов были закрыты после применения суровых мер в 2006–2007 гг.

Потребление

Официальные лица, обеспечивающие принуждение к соблюдению прав, в своих интервью часто обвиняют потребителей в пиратстве, ссылаясь на несоблюдение законов об ИС, недостаток знаний или путаницу в том, что представляет собой пиратство, а также общее безразличие к моральному аспекту пиратства из-за очевидного экономического преимущества. Наша работа — включая изучение потребителей DVD в Иркутске, специальную рабочую группу в Санкт-Петербурге и исследование дискуссионных онлайн-групп —

дены в действие ограничения игорного бизнеса в городе.

показывает, что российские потребители вносят много градаций в приобретение пиратских товаров, а их моральный анализ сложнее, чем просто сумма невежества, жадности и склонности к воровству. Моральные рассуждения едва ли отсутствуют, но они всегда нацелены на корпоративное доминирование на рынке медиатоваров и давление на Россию со стороны США по вопросам беспристрастности и правомерности вынесения судебных решений и в делах пиратов, и в делах законных производителей [60].

«Пиратство» в этом контексте — широкое понятие, охватывающее массу меняющихся действий, которыми обычные потребители часто всего лишь метят поле своего взаимодействия с рынком медиа. «Медиапираты» выгодно отличаются, особенно от «контрафакторов», сбывающих подделки по ценам оригиналов. Другие формы нелегального копирования, даже плохого качества, принимают, и некоторые даже регулярно хвалят. Нейтральное или положительное отношение к нелегальным медиатоварам, торговле ими и людям, этим занимающимся, весьма распространено среди российских потребителей. Вместо того чтобы быть, в сущности, безразличными, россияне крайне чувствительны к политическим во-

[60] Один из опрошенных по делу AllofMP3 сказал, что Россия, возможно, является уникальной страной, где такие позиции служат подходящей основой для рекламной кампании.

просам, касающимся пиратства, — совсем не так, как заинтересованные лица из отрасли.

Социальная экономика потребления

Наша работа указывает, что большинство российских потребителей — активные участники пиратской экономики: или из-за покупки нелицензионных CD и DVD, или — все больше и больше — из-за скачивания и совместного использования цифровых файлов [61]. Неизбежно, различия в этих способах создаются из-за возраста, социально-экономического статуса и связанного с ним колебанием покупательской способности, доступа к технологиям и культурному капиталу.

В нашем исследовании, проведенном в декабре 2008 г. совместно с Evolution Marketing Center, 300 DVD-потребителей из Иркутска, студенты колледжей являются наиболее активными зрителями пиратских фильмов — как и где-либо еще — служат примером сдвига от покупки оптических дисков к скачиванию или иному использованию цифровых файлов. Персональные компьютеры, подключение к интернету в университетах, и — все больше и больше — домашнее высокоскоростное подключение довольно характерны для этой группы. Хотя в нашем исследовании в выборке явно преобладали люди с высокими навыками

[61] Недавнее исследование, проведенное Международной торговой палатой, говорит о 89% населения, что касается ПО, эта цифра чуть ниже — 80% (BASCAP/StrategyOne 2009).

владения интернетом, частота скачиваний до сих пор удивляет нас: около 50% опрошенных заявили, что скачивают по меньшей мере три фильма или видео в неделю. Среди более широкой группы людей с высокоскоростным доступом к интернету опрашиваемые заявили, что в среднем они скачивают около 10 альбомов в месяц и от пяти до десяти фильмов. Несмотря на этот сдвиг, подавляющее большинство потребителей в нашей выборке до сих пор покупают диски у пиратов — и среди потребителей с наиболее низкими доходами это делают почти все.

Мнения по вопросам важности покупки лицензионных дисков и оплаты скачанной информации расходятся. Студенты лидируют в общем пренебрежении лицензированием: только 17% называют его «очень важным» или «важным» (другие варианты ответов были «не очень важный» и «совсем не важный»). Синие и белые воротнички находят лицензирование более важным: 45 и 50% соответственно для двух категорий вместе. На вопрос о том, сколько они готовы заплатить за лицензионный DVD, синие воротнички назвали максимальную среднюю цену около 140 рублей (около \$5,6), а белые воротнички — 165 рублей (около \$6,6), студенты же назвали нечто среднее. Но все эти цены значительно ниже цен лицензионных DVD (\$14–20), что указывает на неправильность подбора политики ценообразования на российском медиарынке.

Семьи с низким доходом предсказуемо наиболее чувствительны к ценам и тяготеют к нижней границе диапазона цена/качество пиратских товаров. Белые воротнички, по крайней мере, являются потенциально «колеблющимися потребителями», заинтересованными подразумеваемым качеством лицензионных дисков или законно скачанного контента. И хотя они до сих пор называют CD и DVD переоцененными, они время от времени покупают их. В общем, они снабжают рынок настоящими копиями «сверх нормы», которые продаются по более высокой цене, чем пиратские товары. Наше исследование действительно полагает, что борьба между пиратами и легальными поставщиками — это в первую очередь борьба за этот новый средний класс, который может быть «поднят» в лицензионный рынок при правильных обстоятельствах.

Картинки потребления

Почти во всех случаях респонденты обращали внимание на сложный комплекс позиций, который мог бы преодолеть ценовые барьеры. Значительно чаще это был случай, в котором качество и социальные функции покупки пользовались большим спросом. Несколько респондентов сделали замечание, что преподнести пиратский диск в качестве подарка было бы нарушением стиля, а это делает потребность в подарках сильным средством мотивации к покупке лицензионных дисков.

В некоторых случаях наша фокус-группа также обнаружила в скачивании сильный «эффект опробования», когда обнаружение музыки или фильмов в пиратских источниках приводило к продажам лицензионных CD и DVD [62]. Такие продажи в основном возникали в случаях коллекционирования. В большинстве музыкальных коллекций CD высокого качества сохраняют золотой стандарт, а дополнительные материалы, которые запаковываются вместе с лицензионными дисками, имеют дополнительное значение для людей, сильно интересующихся музыкальной культурой. Некоторые респонденты также заявили о покупке DVD после опробования скаченных версий — опять же в тех случаях, когда основной интерес — это коллекционирование.

Опробование с помощью пиратских товаров уменьшает проблему недостатка информированности на культурных рынках. Из-за того что, вообще говоря, потребители покупают товары культурного назначения с ограниченной информацией о том, понравятся они им или нет, в большинстве случаев их выбор оказывается неверным. В условиях высоких цен по отношению к местным доходам неправильный выбор, особенно дорогостоящий, и потребление лицензионной музыки — дорогое хобби. Легальный медиарынок в России предоставляет мало путей

[62] Группа была слишком мала, чтобы произвести количественную оценку этого эффекта.

снижения этих затрат на повседневное культурное потребление. В наибольшей степени пиратство заняло место дешевого проката фильмов, практически отсутствующего на российском рынке.

Явно или неявно каждый опрошенный человек полагал, что качество пиратских дисков будет ниже, чем оригинальных, а в некоторых случаях настолько плохим, что диск придется вернуть. Но качество, как пояснили многие респонденты, относится не только к точности записи. Для большинства российских семей, у которых нет собственных современных телевизоров и звуковых систем, такие характеристики, как разрешение экрана, объемный звук и другие отличительные качества, занимающие лидирующие позиции на рынках США и Европы, значат немного. Важнейший показатель — простая возможность воспроизведения. Следующий показатель — очевидное различие между жалкими, снятыми на обыкновенную видеокамеру «экранками» и изданиями DVD-качества. Качество также часто относится к печатным материалам, сопровождающим диск, включая вкладыши и обложку. Для постоянных потребителей дешевые пиратские диски низкого качества в основном продаются около дома или места работы, где их можно будет вернуть в случае неудовлетворительного качества.

Сравнительная покупательная способность

Наши исследования показывают, что пиратство в России — первый и главный провал легаль-

ного рынка в установлении доступных цен. Сравнение ВВП на душу населения в России и цен на легальные и пиратские CD и DVD обнаруживает явное несоответствие. Проблема встанет еще более остро, если принять во внимание иностранные продукты, преобладающие на российском рынке, особенно фильмы и программное обеспечение. Как и в других странах, международная модель лицензирования принимает в расчет только небольшое различие розничных цен. Иностранные CD, DVD и почти все программное обеспечение продается в рознице (за исключением редких случаев) по западным ценам, что ведет к огромной разнице между ценой товаров и местными доходами.

Справка. Как посмотреть «Ночной дозор»

С моей точки зрения, политика установления конкурентоспособной цены может быть достаточно эффективной. Например, OPT-видео, официальный дистрибьютор последнего российского кассового фильма «Ночной дозор», провел эксперимент по снижению цены на лицензионные DVD-копии фильма. Цена была практически такая, как на нелегальные копии. В результате официальные продажи фильма подскочили, в то время как количество контрабандных копий упало до незначительных 2%. Около 300 лицензионных фильмов распространяются в DVD-формате за такую же цену. Некоторые из них — иностранного производства. В основном это были фильмы, которые уже показывались во многих кинотеатрах России, потому рыночный спрос на них постоянен.

Некоторые из этих DVD продаются в моих магазинах. Я плачу разумную цену, когда покупаю их оптом, это официально разрешенные товары, поэтому никаких трений с законом не предвидится. Более того, позднее официальные дистрибьюторы стали выпускать фильмы на DVD значительно быстрее, чем раньше. В прошлом фильм появлялся на DVD только спустя два или три месяца после того, как он был официально выпущен в России. Сейчас эта задержка составляет максимум месяц. Последние преобразования заметно затрудняют нелегальную торговлю пиратов. Вот что я хочу сказать тем, кто пытается бороться с пиратством: мы не закоренелые преступники; мы бизнесмены, которые пытаются достичь успеха в конкурентной деловой среде. По этой причине рыночные механизмы должны быть использованы для того, чтобы положить конец пиратству (розничный торговец из Великого Новгорода; см.: Правда, 2005).

Как и другие страны, где широко распространено пиратство, Россия была местом проведения экспериментов по снижению цен на медиа-товары, в том числе попыток Columbia Tristar и Warner Brothers создать «массовую модель» в 2003–2004 гг. путем уменьшения цен DVD до \$10 и \$15 соответственно (Arvedlund 2004); и более значительных попыток дистрибьютора российских фильмов ОПТ-Видео, выпустившего свой каталог фильмов по более низким ценам; и лицензирование DVD в провинциях («регионалка») по сниженным ценам. Компании, выпускающие ПО, например Microsoft, экспериментировали со снижением цен на упрощенные версии своих про-

дуктов, таких как Windows XP Starter Edition, где были ограниченная многозадачность и сетевые свойства. Но эти усилия были спорными, краткосрочными и полностью провалились в попытке серьезно повлиять на пиратский рынок. Умеренное уменьшение цен и характеристики более низкого качества могут увеличить продажи с момента развертывания, но явно не смогут конкурировать с пиратским рынком для большинства россиян.

Более радикальные меры, предпринятые российскими дистрибьюторами для конкуренции с пиратскими ценами, не были продолжительными. То же случилось с программным обеспечением ограниченной функциональности: введенное в использование в случаях лицензирования некоторых учреждений, оно не было конкурентоспособным на розничном рынке, где полнофункциональные пиратские версии имели лучшее качество. И в результате международные цены на DVD, иностранную музыку и розничное программное обеспечение остались прежними. Заметное исключение из этого правила — бизнес, связанный с местной музыкой, независимый от компаний — мировых лидеров и тем самым менее ограниченный международными режимами лицензирования и ценовыми нормами. В отличие от кинобизнеса и бизнеса программного обеспечения, компании звукозаписи русской музыки часто составляют конкуренцию пиратским расценкам — обычно в надежде на «создание» аудитории для прибыльных живых концертов.

Не существует единой цены на пиратские товары, разброс цен определяют различия в местах продажи, воспринимаемом качестве, популярности и прочих факторов. Различия в цене на легальные и пиратские товары также широко варьируется, но особенно сильно — на DVD и розничное программное обеспечение. Лицензионный иностранный кассовый фильм или альбом обычно стоят около 350–450 рублей (\$14–18 в 2008–2009 гг.), и цены только на некоторые из них достигают 800 рублей (\$32). Альбомы, выпускаемые местными звукозаписывающими компаниями, составляющие 80% всего российского рынка согласно IFPI (2009), почти всегда стоят значительно меньше — от 150 до 200 рублей (\$6–8). Программы для бизнеса в розничной торговле, например Microsoft's Office suite или Adobe's Creative Suite, продаются по ценам Запада [63].

[63] Наши социологические опросы — хотя не наши полевые исследования — обнаружили искажения в данных по ценам на некоторые из этих категорий товаров. Полное объяснение им мы найти не смогли. Представители Microsoft, например, критиковали нас за использование розничных цен для малого бизнеса на тех основаниях, что Microsoft предоставляет скидки малому бизнесу (аналогично сниженным ценам корпоративных лицензий, которые Microsoft продавала многим крупным учреждениям). Хотя этот пример ни в коем случае не показателен, никто из опрошенных нами для этого доклада частных предпринимателей не знал и не воспользовался преимуществом таких программ. С их точки зрения, рынок расколот на сектор розничной торговли по высоким ценам и пиратский сектор с низкими ценами. Для этого есть несколько возмож-

Пиратские CD и DVD высокого качества, напротив, стоят в пределах 100–150 рублей (\$4–6). Диски-сборники — будь на них популярная коллекция из 10–12 фильмов или пакеты программ, объединяющие от 20 до 30 коммерческих программ — продаются даже по более низким ценам и стоят 50–100 рублей (\$2–4).

Что эти цены означают для большинства россиян? ВВП на душу населения в России составляет, грубо говоря, \$9000 в пересчете на доллары США (IMF 2009), что составляет одну пятую ВВП США. Средний доход в России меньше \$5000, самые высокие зарплаты — в Москве и Санкт-Петербурге.

Даже в условиях высоких пиратских цен (по сравнению с другими странами) роль пиратства в формировании рынка очевидна. Цены на пиратские CD или DVD высокого качества в России сравнимы с ценами на легальные диски в США

ных причин, начиная с недостаточного инвестирования со стороны продавцов в лицензионные программы (сформировавшиеся рынки в данных обстоятельствах требуют крупного местного инвестирования), а заканчивая нежеланием некоторых владельцев малого бизнеса оформлять свой бизнес за исключением крайне необходимых случаев. Эти объяснения не исключают друг друга. Наше описание, в любом случае, согласуется с 68–80%-ным уровнем пиратства на рынке программ, о чем сообщает BSA последние пять лет. Похожие вопросы усложняют ценообразование на музыкальную продукцию на периферии нашего учета, включая переиздание альбомов международных хитов по сниженным ценам и краткосрочные эксперименты главных звукозаписывающих компаний с понижением цен на отечественную продукцию.

относительно ВВП. Пиратский рынок, в сущности, — единственный массовый рынок аудиовизуальных товаров в России. Для программного обеспечения несоответствий значительно больше. Проведя на улицах Санкт-Петербурга опрос по поводу цен на пиратскую продукцию, мы не обнаружили отдельных копий основных программ или игр, но зато было очень много пиратских сборников программ, продаваемых за пару долларов вне зависимости от содержимого. Согласно Microsoft, пиратские программы до сих пор преобладают в розничной продаже — присутствуют в 25% магазинов, торгующих программным обеспечением повсеместно и до 70% в более отдаленных регионах России (Microsoft Russia 2010). Большая часть этого сектора, согласно нашим источникам, просто перешла в некоммерческое онлайн-распространение.

Такая картина ценовой политики на легальные медиатовары (см. таблицу 4.1) согласуется с нашими исследованиями и в других странах. Рынок кино сильно интегрирован на мировом уровне и сохраняет абсолютно одинаковые цены на DVD. \$14–15 — это нижняя цена на DVD в большинстве стран, вне зависимости от происхождения фильма. Самые кассовые фильмы России, например «Обитаемый остров» (2008), продаются в розницу по такой же цене, что и такие хиты Голливуда, как «Темный рыцарь» (2008).

Легальные и пиратские цены (2008–2009)

Кино

	Легальная цена	СРР цена	Пиратская цена	Пиратская СРР цена
«Темный рыцарь» (2008)	\$15	\$75	\$5	\$25
«Обитаемый остров» (2008)	\$15	\$75	\$5	\$25
Компиляция (10–12 фильмов)	—	—	\$4	\$20

Музыка

«Coldplay: Viva la Vida» (2008)	\$11	\$55	\$5	\$25
«Дима Билан: Против правил» (2008)	\$8,5	\$42	\$5	\$25
«Krematorium: Amsterdam» (2008)	\$6,5	\$32,5	\$5,75	\$28,75

Деловое программное обеспечение

Microsoft Windows Vista Home Premium	\$260	\$1300	—	—
Microsoft Office Small Business 2007 (for Windows)	\$500	\$2500	—	—

Adobe Photoshop CS4 Extended \$999	\$5000	–	–	
------------------------------------	--------	---	---	--

Развлекательное программное обеспечение

Grand Theft Auto IV, PC (2008)	\$20	\$100	–	–
Mario Kart, Wii (2008)	\$50	\$250	–	–

«Официальная цена» — это наиболее широко распространенная цена на товар в России. Цена с учетом сравнительной покупательной способности, или «CPR цена», — это гипотетическая цена на товар в США, если ее пересчитать таким образом, чтобы она составляла такой же процент от ВВП США на душу населения. «Пиратская цена» и «пиратская CPR цена» — то же самое, но для пиратского рынка.

Музыкальный рынок более сложен, на нем цены варьируются, верхняя граница задается ценами на международные хиты, такие как Coldplay «Viva la Vida», местные любимчики, как, например, Дима Билан с его альбомом «Против правил», находятся в середине, а хиты, как «Амстердам» группы «Крематорий», продаются по ценам, лишь слегка превышающим цены на пиратские продукты высоко качества. Доминирование на рынке российских звукозаписывающих компаний и сильная рекламная функция продаж CD явным образом влияет на ценовую политику.

Программное обеспечение для бизнеса и развлечений, наоборот, не обнаруживает ценовых различий, если говорить про розничную торговлю (хотя в других странах корпоративный рынок в основном обслуживается посредством сниженных в цене корпоративных лицензий).

Автор и авторское право

Права автора и коммерческие особенности авторского права — разные вопросы в российском законе, касающемся авторского права, и — согласно нашей работе — в понимании многих потребителей, когда их просят объяснить, как функционируют медиасообщества и медиарынок. В наших интервью обычно отчетливо присутствовало сочувствие к художникам и авторам. Сочувствие к бизнесу, ответственному за коммерциализацию произведений культуры, обычно не проявлялось. Оправдания пиратства заняло место между ними.

Они обычно покупают права для распространения фильма, и это не имея никакой связи с самим автором. То, что я покупаю нелицензионный диск, никак не сказывается на авторе. Сейчас мы говорим о правах автора и о лицензионных дисках так, как будто они заключены в одном понятии. Но это совершенно разные вещи! (23-летний парень, фокус-группа в Санкт-Петербурге)

Несколько членов фокус-группы предложили точные описания авторского права, прав автора и передачи прав, связанных с коммерческим производством, хотя знание деталей закона об

авторском праве было далеко не всеобщим. Намного более распространенной была общая вера в то, что культура — это прежде всего общее наследие, «общественное пространство», которое должно быть доступным для всех. Разъясняя эти положения и увязывая их с существующим законом об авторском праве, многие респонденты приводили доводы в пользу большего количества ограничений права коммерческого использования. Срок защиты авторских прав в семьдесят лет после смерти автора (в российском законе) оказался особенно непопулярным:

Почему потомки [художника] должны обладать тем, что он создал? По моему мнению, после смерти автора его работа должна принадлежать всему обществу (41-летний мужчина, фокус-группа в Санкт-Петербурге, высшее образование, высокий доход, занятый в маркетинге).

Отношения респондентов к пиратству вообще объединили этот уклон к доступу с более широким цинизмом в практике деловых отношений и культуре бизнеса — как законной, так и незаконной. Хотя все участники знали, что продажа пиратских оптических дисков была незаконна, эта важная моральная дилемма мало кого остановила, и ни один не осудил эту практику. Некоторые выразили одобрение продавцам пиратской продукции. Некоторые описали пиратство как занятие пустой ниши на российском рынке в сфере культуры, а самих пиратов — как бизнесменов, вошедших в него, чтобы заполнить эту нишу. Некоторые приберегли осуждение для «контрафак-

торов», которые выдают фальшивки по полной законной цене в отличие от «медиапиратов», открыто связанных с пиратским материалом, или тех, кто отбирает контент на P2P-сайтах.

К пиратам я отношусь нейтрально. Если я нахожу пиратскую копию того, что я искал в течение долгого времени, я чувствую себя счастливым, что есть люди в этом бизнесе, помогающие мне удовлетворять мои потребности. Скорее я отношусь к ним положительно (24-летний мужчина, фокус-группа в Санкт-Петербурге, студент).

Любые беспокойства, связанные с черным рынком исчезли, когда предмет разговора перешел на тему доступа в интернет. Бесплатные скачивания в интернете, и p2p-обмен файлами в частности, получили одобрение со стороны большинства респондентов. Центральное место в этом одобрении занимали отсутствие мотива к прибыли и отсутствие у потребителей причастности к коррупции и, шире, к коррумпированной бизнес-культуре. В нашем исследовании оказалось, что в P2P сфокусировалось российское отношение к пиратству, объединяющему корыстную экономическую подоплеку с моральной стороной, которая почти всегда стояла над требованиями правообладателей.

Контрафакт

Термины «пиратство» и «контрафакт» используются в России попеременно в отраслевых и медийных заявлениях о нарушении авторского права (термин, который, напротив, почти никогда не

используется). Традиционно, однако, пиратство и контрафакт относятся к разным явлениям: пиратство — к копированию произведения без разрешения автора; контрафакт — к несанкционированному использованию товарного знака на дешевых копиях товаров, часто означающего потребительское мошенничество. Первое нарушает авторское право, а последнее — товарный знак.

Обычно потребители рассматривают пиратство как нейтральное явление, заслуживающее лишь ограниченное моральное осуждение, у термина «контрафакт» есть более сильные отрицательные ассоциации со здоровьем и рисками, особенно опасными в связи с мошеннической фармацевтической продукцией и алкогольными продуктами. Как мы обсуждаем в главе 1 этого доклада, наша коллективная работа обнаруживает, что пиратство и контрафакт в значительной степени разные явления на глобальном уровне. Усилия точно копировать компоновку и представление легальных дисков — редкость, а в интернете этого просто нет. Международная контрабанда — основа торговли контрафактными товарами — в значительной степени заменена смесью местного производства и распространения через интернет.

Однако в России центральная роль производства сверх квоты на имеющих лицензию фабриках создает зону перекрытия между этими двумя явлениями. Место, которое этот тип российского контрафакта занимает в данном отчете, уникально. И все же мы оказываемся в затруднении,

пытаясь найти свидетельство широко распространенного мошенничества. В наших результатах российские потребители примечательно мало заблуждаются на счет того, за что они платят. Действительно, сложное согласование цены и воспринятого качества обычно понималось как российская специфика, основанная на давнишней роли черных рынков при сбыте предметов роскоши (Dolgin 2006).

В случаях когда копия выпущена сверх квоты или точно по иной причине, нет смысла говорить о мошенничестве: потребитель получает точно то, что он или она ожидает. Чаше выбор в пользу покупки нелицензионных товаров отражает преднамеренный компромисс. Потребители взвешивают цену против воспринятого качества, а не против воспринятого происхождения. Недовольство пиратскими товарами в этом контексте возникает, когда оплаченная цена видится как превышающая за полученное качество. Такие согласования формируют спектр пиратских товаров, доступных на российских рынках. Есть, например, большой рынок для низкокачественных пиратских продуктов, предлагаемых в низком ценовом диапазоне, с соответствующим риском, принятым на себя покупателем.

Намеренный обман потребителей, разумеется, тоже не исключен. Есть множество путей, компоновка которыми может ввести в заблуждение относительно качества или контента, и не трудно найти такие продукты на розничных рынках Санкт-Петербурга или Москвы. Но мето-

ды обмана на пиратском рынке смягчены важной ролью повторных покупателей во многих обстоятельствах продажи — и в итоге важной ролью доверия. У пиратских продавцов часто есть высокий идеал обслуживания покупателя, который включает обмен или возврат дефектных или бракованных дисков. Такие услуги часто предоставляются сверх того, что доступно на легальном рынке. Как ясно дает понять один из главных музыкальных магазинов Санкт-Петербурга, «имеющие лицензию диски не подлежат обмену или возврату».

Нам представляется правдоподобным, что деформализация пиратской розничной торговли в России окажет давление на эту модель обслуживания широкого круга запросов. Поскольку пиратский сбыт оставляет сферу отрегулированного, но неофициального рынка, связи между продавцами и клиентами становятся более слабыми, и возникает больше возможностей прямого мошенничества.

Локальные эффекты

Моральная оценка пиратства часто имеет сильный патриотический подтекст. Давление на российское правительство со стороны США, связанное с интеллектуальной собственностью и вопросами торговли, рассматривается покупателями как коммерческий империализм, как форма агрессии, а не отстаивание повсеместно принятых прав.

Большинство наших источников в данном контексте верят, что музыка и фильмы, произведенные на территории России, подвергаются пиратству в куда меньшей степени, чем зарубежные материалы. Хотя эмпирические доказательства малы, мы видим как социальные, так и экономические факторы, поддерживающие это утверждение. Первый и самый главный фактор — это вопрос издержек: экономика лицензирования в России создает сильно раздвоенный рынок для русской и зарубежной музыки. Издержки лицензирования и производства российской музыки значительно ниже, чем зарубежной, и поэтому такие диски продаются по цене намного более близкой к их пиратскому аналогу. Для покупателя намного проще сделать «правильный» выбор, когда легальные CD стоят \$6–8, в то время как пиратские копии — \$4–5. Для сравнения, цена зарубежного лицензионного диска в среднем \$12 и может доходить до \$30. Таким образом, рынок таких товаров узок, а выбор доступных товаров сильно ограничен.

Наши исследования также указывают на более неопределенное различие между местными и, назовем их так, неместными артистами внутри России. Розничные торговцы музыкой (ритейлеры) Санкт-Петербурга описали нечеткую систему обязанностей, в которой общественные связи среди музыкантов, продюсеров, звукозаписывающих компаний и ритейлеров закрепляют нормы предпочтительного отношения к местным коммерческим продуктам. «Никто не хочет нанести

ущерб чьей-нибудь собственности», — говорит один из ритейлеров. Наши источники описывали несколько судебных дел, в которых представители санкт-петербургских записывающих лейблов упрекали владельцев музыкальных магазинов за продажу пиратской продукции местных групп, и некоторые другие иски, в которых музыкальные продюсеры и лидеры групп проходили по всем магазинам до релиза альбома, убеждая владельцев музыкальных магазинов отказаться от пиратской продукции.

Точка зрения, что местные музыканты защищены от нелегального копирования, разделяется все же далеко не всеми. Как сказал один представитель антипиратской организации, «они пишут в интернете, что не грабят русских, да пошли они, всех грабят!».

Экономическая функция пиратства

Отраслевые исследования и лоббирование по понятным причинам, рисуют пиратство как канализацию российской экономики и акцентируют внимание на потерях владельцев авторских прав. По оценкам BSA (Business Software Alliance), суммарные потери от пиратства в области программного обеспечения достигли \$4,2 млрд в 2008 г. (BSA/IDC 2009). Теперь BSA ежегодно производит расчеты числа рабочих мест, которые были бы созданы в обмен на небольшое уменьшение софтверного пиратства. Однако расценивание пиратства как чистой потери экономики ошибочно. Пиратство — это не только канализация

медиаэкономики в России, это фундаментальная часть такой экономики, глубоко переплетенная с широким спектром законных практик и форм представления. Направление заявленных потерь также играет важную роль. С точки зрения российской экономики потери со стороны зарубежных обладателей авторских прав, строго говоря, являются выигрышем для российского бизнеса и покупателей. Потери российских обладателей авторских прав, наоборот, отражают более сложное перераспределение внутри российской экономики, в которой деньги не «потеряны», а просто потрачены другим способом. Для стран, которые импортируют интеллектуальных прав больше, чем экспортируют, как в случае с Россией, баланс такого размена может быть сильно положительным [64].

Даже внутри органов правоприменения и антипиратских организаций взгляды на влияние медиапиратства на российское общество различаются. Сильно отрицательные суждения, приравнивающие пиратство к воровству, конечно же, преобладают. Но есть так же и альтернативные расчеты, предлагающие скорее разъяснение, нежели поддержку пиратства. Важную роль в этих альтернативных суждениях играет функция теневой экономики в России как источника дополнительных рабочих мест, и «тринадцатых» зарплат, и культурных аспектов, таких как под-

[64] См. анализ экономических выгод и потерь, в том числе оценки создания рабочих мест по BSA/IDC в гл. 1.

держивающая инфраструктура культурного разнообразия. Эти функции особенно сильны за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, где коммерческая инфраструктура медиа все еще сильно отстает.

Выживание в теневой экономике

Медиапиратство привлекательно для рабочих в экономике низкокачественных розничных продаж, потому что оно дает относительно высокий доход по сравнению с другими типами торговли. Согласно нашим интервью с продавцами и владельцами магазинов, торговая надбавка для лицензионных медиатоваров достигает примерно 80–150% для CD, 80–200% для DVD и 40–60% для увядающего рынка кассет на магнитной ленте. Для сравнения, нелицензионные товары обычно идут с надбавкой в 200–300% (над значительно меньшей оптовой ценой). Для уличных продавцов, стоящих на еще более низкой ступеньке экономической структуры, играют роль другие аспекты: теневой сектор предоставляет работу для социальных групп с малой возможностью доступа к легальному трудоустройству, особенно для городской бедноты, гастарбайтеров и студентов. В остальном уличные продажи CD и DVD сравнимы с продажей других товаров, таких как еда и одежда, но дают большие доходы.

Теневой рынок Санкт-Петербурга организован вокруг нескольких различных типов коммерции, варьирующихся от временной торговли на станциях метро до более организованных продаж

на открытых рынках или создания магазинов розничных продаж. По нашим оценкам, в 2008–2009 гг. в Санкт-Петербурге насчитывалось от 150 до 200 точек продаж в метро. Большинство из них осуществлялось на раскладных столах, которые можно быстро сложить, то есть свернуть точку. Продавцы на различных станциях почти всегда — часть большой распределенной сети, которой владеет один человек, получающий большую часть прибыли. Продавец обычно получает в качестве зарплаты 10% от продаж. Наши исследования показали, что нанятый продавец обычно зарабатывает от 500 до 1000 рублей в день (\$20–40), или приблизительно \$450–900 в месяц. Эти цифры лежат в диапазоне от 78 до 157% медианного дохода в Санкт-Петербурге (по данным Regnum News 2008). Это также значительно выше, чем в других сегментах уличной торговли. Для сравнения, продавцы обуви, работающие на рынках около станций метро, зарабатывают в среднем 500 рублей (\$20) за тот же рабочий день с 9 утра до 10 вечера. С оцененной прибылью в \$10–15 млн в год в городе от уличной торговли пиратской продукцией около \$1–1,5 млн составляют доход тех, кто занят в этом секторе.

Таким образом, продажа пиратской продукции — это своего рода привилегия для людей, которые иначе зарабатывали бы в Санкт-Петербурге, в лучшем случае, только на хлеб. По грубой оценке, 10% населения города по российским стандартам считаются бедняками. Медианный месячный доход в 2008 г. был 19 000

рублей, или \$770, в то время как прожиточный минимум — 4900 рублей, или \$200 (Бюро городской статистики 2008). Для большинства семей из этой категории дополнительный доход от пиратства — это часто разница между простой бедностью и нищетой, так как обычно на одного работающего члена семьи приходится от двух до четырех неработающих. Торговля пиратскими товарами имеет еще одно преимущество: она относительно социально приемлема и не несет в себе ничего предосудительного по сравнению с продажей наркотиков, проституцией и другими формами криминала (Овчаркова, Попова 2005: 15,28,35).

Хорошо известные рынки, такие как Горбушка в Москве и Юнона в Санкт-Петербурге, играют значительную роль в расширении экономики подержанных товаров, «серых» полулегальных рынков, подделок и пиратской продукции. Но они не исключение. Почти все рынки в России включают торговлю программным обеспечением видео- и музыкальными CD и DVD, с большой вероятностью пиратскими. Большинство продаваемой продукции — это самые дешевые варианты пиратской продукции, продукция кустарной промышленности. Использованные CD, DVD и видеокассеты также распространены. Некоторые продавцы держат обыкновенные пиратскую продукцию высокого качества, купленную у крупных поставщиков. Цены дисков на таких рынках значительно ниже, чем в киосках метро: 50 рублей (\$2), в отличие от 100–150 рублей (\$2–4), за

DVD. При этих обстоятельствах один продавец обычно продает от ста до двухсот дискет за выходные, когда такие рынки работают, делая от 5 до 10 рублей прибыли (\$0,2–0,4) за каждый диск. Суммарная прибыль может колебаться от 1000 до 2000 рублей (\$40–80) за выходные. Менее организованная структура работы с частичной занятостью означает, что среди продавцов много людей, занятых в промышленности и сфере обслуживания, которые пытаются увеличить свой доход. Один из наших информаторов был туристическим агентом, который организовывал поездки за рубеж для русских туристов.

Дилемма малого бизнеса

Программное обеспечение — важный элемент инфраструктуры большинства бизнесов, от базовых элементов производства до узкоспециализированных программных пакетов, необходимых по мере того, как бизнесы улучшают стоимостную цепочку [65]. Однако, как и в секторе розничной торговли, эксплуатация полностью лицензионного программного обеспечения в России — это часто привилегия для больших компаний. Так как программы обычно продаются по цене на уровне или около западного, они пред-

[65] Стоимостная цепочка — последовательность операций по созданию стоимости: исследования и разработки, дизайн продукта, производство, маркетинг, сбыт, послепродажное обслуживание; понятие введено М. Портером в 1985 г.

ставляют собой несоразмерные и часто непомерно высокие инвестиции для малого бизнеса и стартапов. Хотя программы с открытым кодом могут предоставить большую часть функционала бесплатно, издержки на использование накладывают незначительная распространенность таких программ и — в некоторых областях — отсутствие качественных альтернатив, особенно когда коммерческое программное обеспечение разрабатывается как фактический стандарт.

Имея выбор между бесплатными опциями открытого кода и бесплатным пиратским коммерческим программным обеспечением, российский бизнес почти всегда выбирает последнее. Последствия для российской экономики или для любой другой экономики в меру наших возможностей никогда не были должным образом оценены. Но мало кто сомневается, что пиратский софт является как двигателем экономической активности, так и преградой для более широкого использования открытого кода.

Роль пиратского софта в качестве инфраструктуры для развивающихся софтверных компаний — это секрет полишинеля в международной софтверной индустрии: например, Траян Бэсеску, румынский президент, публично поблагодарил Билла Гейтса в 2007 г. за ту роль, которую играет пиратское программное обеспечение компании Microsoft в развитии ИТ-технологий в Румынии. Хотя русские фирмы предпочитают 1С и Лабораторию Касперского (они сейчас достаточно велики и хорошо интегрированы в мировую со-

фтверную экономику для того, чтобы сделать их отечественными защитниками интеллектуальной собственности), экономика малых фирм в области программного обеспечения все еще фактически диктует использование пиратского софта.

Цена лицензионных программ для фирм, работающих с профессиональным мультимедийным оборудованием, например Flash, может начинаться с \$2000 на одного работника и быстро расти сверх этой цифры [66]. Издержки лицензирования программного обеспечения, бесспорно, могут составлять наибольшую часть инвестиций в новый веб-бизнес или дизайн. Немногие стартапы имеют достаточно капитала или перспектив, чтобы гарантировать возврат таких инвестиций, особенно в свете того, что «бесплатные» пиратские альтернативы повсеместно доступны. Владелец стартапа по выпуску медиапродукции в Санкт-Петербурге говорит следующее: «Мы можем покрыть офисные издержки за четыре месяца за такую сумму — аренду, телефон, обслуживание банком, налоги... Какую часть товарооборота это составляет? Сложно сказать, товарооборот совершенно нестабилен, что типично для малых предприятий. У нас просто нет свободных денег,

[66] Стандартный профессиональный пакет может включать Adobe Creative Suite 5 Master Collection (\$2500) и более базовые MS Windows, MS Office и утилиты (инструменты) для повышения производительности труда, например программы делового календаря, калькулятора, автоматического набора телефонного номера, цена которых находится в районе \$1000.

которые мы можем вывести из бизнеса и инвестировать в софт».

Сходная логика применима для других зависимых от программного обеспечения бизнесов, таких как, например, печать. Прибыль здесь неизменно мала, и такие бизнесы редко начинают, крепко стоя на финансовых ногах. Софтверные издержки на работника или одно место могут легко доходить до \$3000 [67], а бизнес с любым более или менее значимым объемом производства требует множества рабочих мест.

В то время как реалии подталкивают малый бизнес к использованию пиратского программного обеспечения, такой выбор сопряжен с риском. Малый бизнес часто виден и потенциально уязвим к полицейским проверкам и частным расследованиям. Возможность эффективно управлять софтверными лицензиями сама по себе роскошь, получаемая вместе с увеличением размера фирмы. Поддержание в должном состоянии документов о лицензионных договорах для многопользовательских версий различных компьютерных программ годами и между компьютерами — своего рода вызов для компаний, у которых нет профессионального IT-отдела, что, в свою очередь, ставит под удар добросовестных покупателей софта. Большим корпорациям, на-

[67] Издатель требует покупки трех-четырёх программ на место: обычно минимально требуется набор Adobe Creative Suite 5 (\$1800) и стандартный пакет Microsoft, а также различные утилиты.

оборот, лучше удастся поглощать издержки лицензирования и, что важно, разрывать сделки с продавцами программного обеспечения и защищать себя от обвинений в нарушении авторских прав — факторы, которые, в свою очередь, делают маловероятными шансы, что они будут пойманы. Следовательно, законы обрушиваются со всей силой на малый бизнес, где проверки и наказания могут оказаться фатальными.

Следовательно, как и в розничной торговле, разность цен между официальной и пиратской медиапродукцией формирует огромную структуру возможностей для бизнеса в России. Так как только большие компании с большой капитализацией могут позволить себе работать в соответствии с законами, кампании по пресечению нарушений дают фактически коммерческие преимущества этим фирмам, делая конкурентоспособность и восприимчивость к инновациям более затратными и безнадежными. Хотя большой бизнес будет описывать это давление для сохранения легальности как дополнительные издержки, история последних пятнадцати лет в России — это однозначно олигополистическая история самосохранения коммерческого преимущества больших игроков. Возможно, требование о соблюдении прав интеллектуальной собственности неизбежно стало частью этой динамики.

Культурная функция пиратства

Бедность легального предложения — ключ к пониманию культурной составляющей пират-

ского рынка. Не беря в расчет альбомы — международные хиты, — большинство зарубежной музыки нельзя приобрести легально в России, даже в Санкт-Петербурге, втором по размеру медиарынке в стране. На провинциальных рынках выбор еще меньше. Официальные дистрибьюторы обычно не распространяют те жанры или артистов, которые упали ниже воспринимаемой границы международной популярности. Производители делают такой же выбор из-за высоких издержек лицензирования зарубежных работ.

Рост сетевых магазинов, централизованного производства и распространения, давление полиции на маленькие розничные точки являются как способствующими причинами, так и симптомами этой проблемы. Все работает на то, чтобы уменьшить роль отношений с клиентами в розничной торговле. Местные взаимосвязи от покупателей к розничным торговцам, дистрибьюторам и производителям стали намного менее частыми в новую эру диверсифицированных сетей — и в конечном счете стали характерной чертой «нелицензионных» розничных продаж и производства. Рыночное преимущество пиратских продавцов заключается не только в цене, но также и в близости к спросу покупателя и большей свободе для внедрения компиляций, мэшапов (веб-приложений, объединяющих данные из нескольких интерактивных источников) и других альтернативных форматов для удовлетворения спроса. Большее разнообразие контента на пиратских рынках, в частности, важно для

групп, считающих себя тесно связанными с международной культурной средой, особенно образованных людей, чаще это городская российская интеллигенция, для которой доступ к широкому выбору культурных товаров — условие культурного соучастия.

Беседы с пожилыми жителями Санкт-Петербурга дают полную картину роли пиратства в переходе от коммунизма. Социальная сознательность большинства образованных россиян в коммунистическую эру была сформирована через потребление цензурированных товаров западной культуры — обычно доступных через черный рынок и другие нелегальные сети (Baker 1999). Окончание коммунистической цензуры высвободило огромный сдерживаемый спрос на такие произведения. Огромный выбор книг, фильмов и музыки стал доступен на рынке, но по ценам, которые были доступны лишь для немногих россиян. Пиратство — сначала книжное и кассетное, а совсем еще недавно дисковое и цифровое — стало основным средством решения этой проблемы.

Специализированные магазины

В большей степени ниша культурного разнообразия в российских городах была заполнена специализированными видео- и музыкальными магазинами, обычно работавшими в нише кино и музыкальных субкультур. Так как официальные производители и дистрибьюторы в России не могли эффективно лицензировать и производить для малых рынков, специализированные магазины

главным образом работали с пиратской продукцией. Часто они были единственными поставщиками целых категорий музыки и фильмов.

Менеджмент таких магазинов часто включал в себя смесь бизнеса и профессии. В нашем исследовании владельцы магазинов постоянно подчеркивали свой вклад в образование российской аудитории. Такие размышления не избавляют от морального аспекта пиратства, но в целом преобладают.

Что касается моральной стороны вопроса, то бесспорно нет ничего хорошего в нарушении чьих-либо прав. Здесь нечем гордиться. Но я делаю это не для того, чтобы сделать гигантскую прибыль. Я делаю это, поскольку считаю, что люди в этой стране, в этом городе должны иметь доступ к хорошей музыке и хорошим фильмам. Делая это, я не стану богатым, это я могу сказать наверняка. Но люди получают доступ к этим вещам (владелец одного известного в Санкт-Петербурге специализированного видео- и музыкального магазина).

В 2009 г. в Санкт-Петербурге было всего лишь несколько специализированных магазинов, продающих музыку и фильмы, и плюс два или три, специализирующихся только на продажах видео. Социальная роль этих магазинов выходит далеко за пределы традиционных функций розничной торговли в сфере медиабизнеса. Они объединяют местные сообщества коллекционеров музыки и фильмов и служат более широкой культуре энтузиазма, продавая виниловые пластинки и

вторичную литературу, организовывая просмотры фильмов, и, возможно, что наиболее важно, продвигая местных малоизвестных артистов. Несколько магазинов имеют библиотеки MP3- и MP4-файлов, которые могут быть скомпилированы и записаны по заказу. Диалог между покупателями и розничными торговцами формирует как рынок товаров, так и рынок предлагаемых услуг.

Новые рыночные ниши могут — и часто будут — создаваться через такие отношения с покупателями, и владельцы магазинов, и персонал иногда играют важную роль в формировании зрителя.

Да, я понимаю, что они пираты. Но я также понимаю, что если я не сделаю шаг навстречу им, слушатели, заинтересованные в электронике (стиль музыки), никогда не узнают о лейбле Франса или существовании проекта Виолетта, который объединяет электронику с психоделией. Ни один русский журнал не напишет об этом проекте. И если когда-нибудь кто-нибудь захочет организовать концерт по Виолетте, никто не придет или придут те несколько человек, которые либо загрузили ее из интернета, либо купили у меня (менеджер специализированного музыкального магазина в Санкт-Петербурге).

Этот же менеджер также видит себя как одного из тех, кто интегрирует Россию в широкий мировой рынок живых выступлений:

Я думаю о дне, когда группа Sunn приедет в Россию. Для того чтобы они приехали, мне нужно

подготовить почву, то бишь аудиторию. Поэтому когда я пришел к промоутеру и сказал: «Давай привезем Грега Андерсона в Россию», — у меня был ответ, когда он спросил: «Заплатят?» Каждый промоутер должен знать, заплатят ли за приезд. И для этого я готовлю мою аудиторию.

Так как большинство официальных дистрибьюторов редко выходят за рамки узкого распространения международных хитов, международная музыка в России была построена в основном вокруг пиратских сетей.

Для персонала специализированных магазинов поддержание цепочки между формированием вкусов, продвижением и потребительским спросом в России является нелегкой задачей. Один популярный музыкальный магазин в Санкт-Петербурге работает на регулярной основе с тремя товарными складами, каждый из которых содержит как легальные, так и нелегальные CD и DVD. Важное дифференцирующее звено для владельцев магазинов — это не наличие лицензии, а качество услуг: разнообразие доступной продукции, частота, с которой она обновляется, и скорость, с которой товары доставляются в магазин. Работа персонала магазина заключается в том, чтобы убедиться, что они предлагают товары, рецензированные в международных музыкальных изданиях, таких как, например, *The Wire*, которые все больше и больше доступны онлайн. Поставщики, со своей стороны, регулярно обманывают розничных торговцев, не обновляя свои предложения с должной частотой. Все тот

же менеджер специализированного магазина подчеркивает: «Я сказал им, что вы, ребята — пираты, по крайней мере убедитесь, что вы предоставляете новую музыку!»

В наших интервью музыкальные продюсеры и музыканты выражали двойственные чувства в отношении такого рода продвижения произведений. Хотя многие считают пиратство «воровством», большинство также понимают, что оно помогает сформировать публику для живых выступлений и может отражать показатель популярности. Один записывающий промоутер аргументирует:

Сегодня пираты не подделывают всё и вся, слава богу. Им надо делать деньги. Поэтому, когда я вижу один из моих проектов у пиратов, это хороший знак. Я стал популярным. Мое промоутерство было удачным в этом проекте. Погудин, Король и Шут, Пилот и Ночные Снайперы стали популярными, да. Пираты занимаются ими, и я очень этим горжусь.

Расширение рынка

Рынок товаров культуры простирается далеко за пределы доступного лицензионного материала. Пиратская и иногда некоммерческая продукция заполняют пробелы. Документальные и образовательные программы, возьмем два популярных жанра, почти никогда не появляются в лицензионной форме, однако пиратские документальные британские и американские фильмы и военные истории о Второй мировой войне рас-

пространены на рынке пиратов. Видео о медитации и йоге, аудиокниги-самоучители, языковые курсы, религиозные проповеди от христианства до буддизма также повсеместно распространены. Хотя коммерческая составляющая в этих контекстах четко пиратская, остальной материал, особенно религиозный, производится без преследования каких-либо коммерческих целей. Циркуляция, а не продажи является основной целью, со свободным рынком, предоставляющим должную инфраструктуру.

Близость пиратского рынка к потребителю иногда вызывает инновационные улучшения продукта, иногда до такой степени, что производится оригинальная и ценная новая продукция. Хорошими примерами могут служить неразрешенные субтитры, а также даже дубляж зарубежного произведения. Продавец на санкт-петербургском открытом рынке «Удельная» описывает это явление так:

Они записали видео в кинотеатре и потом перевели диалоги. Есть специальный сайт — Квадрат Малевича — где вы можете найти все западные сериалы, например «Остаться в живых» (Lost) и тому подобные. Они предлагают все популярные западные сериалы, которые не показывают в нашей стране совсем или показывают с большой задержкой. Сайт переводит эпизоды на русский на их собственной студии — да, они имеют свою собственную студию для перевода.

Пересечение традиции дублирования фильмов на русский и дешевизна технологий смеши-

вания звука также привели к популярному жанру альтернативного озвучивания, в котором пионером выступил Дмитрий Пучков, более известный как Гоблин. Большинство этих альтернативных дубляжей — серьезные попытки улучшить перевод разговорного языка. Другие являются просто «смешными переводами», которые создают иронию из оригинального сериала. Гоблинские работы над тремя фильмами «Властелин колец», «Матрица» и «Звездные войны. Эпизод I» были очень популярны и привели к неизбежному двухдорожечному DVD. Тот же продавец отмечает:

За последнее время пираты начали выпускать фильмы, где можно переключаться от «нормального» перевода на «смешной гоблинский» и обратно. Фильмы имеют две звуковые дорожки. Теперь это очень популярный формат на рынке.

Компиляция фильмов лучших музыкальных хитов заполняет большую часть среднего и нижнего уровня пиратского рынка. Хотя некоторые из них — это пиратские версии легальных альбомов лучших песен, большинство являются компиляциями с оригиналов, выпущенных пиратами. Большинство имеет дополнительные треки или песни, которые стали популярными на российском рынке. Общее уменьшение формата альбома также играет роль, так как пираты отвечают на потребительские предпочтения к отбору «лакомых кусочков» и отбросу наполнения. Компиляция фильмов на DVD, часто сгруппированная

по жанру, актеру или тематике, почти всегда является оригинальным продуктом пиратства.

Воспроизводство интеллигенции

Через 10 лет после перехода от коммунизма Герман Греф, министр экономического развития, предложил жесткую оценку российских культурных институтов: материальные позиции театров, музеев и другой культурной инфраструктуры находились в серьезном упадке; культурная и информационная изоляция большинства регионов России повышалась; зарплаты среди работников сферы просвещения падали. Как результат, он подчеркивал, Россия играет все меньшую и меньшую роль в мировой культуре (Греф 2000). Группы, наиболее пострадавшие от этого спада, были работники школ, университетов, оркестров, музеев и других культурных и образовательных институтов — ядро российской интеллигенции. Резко падающие доходы и растущие цены культурных и образовательных товаров сделали этот класс образованных горожан естественными потребителями пиратской продукции. Превосходное разнообразие на пиратском рынке, особенно для узкораспространенного и зарубежного импорта, усилило эту связь.

В интервью члены этого класса показывали удивительно доброжелательное отношение к пиратской продукции. Некоторые называли пиратство своим спасением или избавлением. Они имели в виду, что пиратство предоставляет единственный доступ к миру неблокбастер-

ных товаров — независимой музыке, фильмам в стиле арт-хаус и множеству западных произведений. Такой доступ не является роскошью для членов этой группы, просто в большинстве случаев им это необходимо в силу их профессиональной деятельности в качестве музыкантов, писателей, редакторов и продюсеров. Пиратство, а не легальный рынок позволяет им участвовать на международной культурной арене. Следовательно, это также условие их выживания и возрождения как профессионального класса. Один санкт-петербургский критик и учитель колледжа объяснял:

Библиотеки сильно истощены. Я не могу найти ничего современного — ничего, чтобы вышло после 1985 года. И если я только смотрю фильмы в наших кинотеатрах, мне придется уволиться с работы. Я не буду знать, о чем писать! Благодаря пиратам, я могу скачивать нужные мне книги. И что будут писать в журналах, если люди, которые любят меня, не могут посмотреть фильмы, которые я знаю, будут описаны в этих журналах?

Такие взгляды — обычное явление для России и подкрепляют основные находки этой работы: пиратское распространение играет важную роль не только в отношении доступа и потребления в медийной экономике, но также и в производстве. Ниже уровня самой высокодоходной страты на российском рынке и других развивающихся рынках глобализация медиакультуры в основном проходит за счет пиратской продукции.

Законы и правоприменение

На протяжении нескольких лет после развала СССР в 1991 г. власти работали над созданием правовых институтов, необходимых для современной рыночной экономики, включая первые прозападные законы об интеллектуальной собственности. Принятием законов «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных» (1992) и «Об авторском праве и смежных правах» (1993) завершились несколько лет работы и провозглашен приоритет адаптации и переноса европейских норм интеллектуальной собственности на российский контекст. Согласно большинству интерпретаций в Бернской конвенции, авторское право в новом законе описывалось как частное право с ограничением уголовных наказаний только случаями коммерческого нарушения. Уголовное преследование также было прописано в законе об охране программ, распространившись на нелегальное коммерческое копирование программного обеспечения. Вплоть до 1997 года старый Уголовный кодекс давал в таких случаях до двух лет принудительных работ и/или штраф, но этот закон очень редко применялся (Голованов 2008).

После 1992 г. ответственность за соблюдение законов об интеллектуальной собственности была приписана к новым российским полицейским агентствам, включая МВД и ФСБ. Скоро также появилось множество негосударственных

антипиратских организаций с целью гарантировать, что интересы зарубежных (а со временем и отечественных) обладателей авторских прав будут учитываться при улучшении законов.

Новые правовые институты — и исполнение законов в целом — в тот период были, тем не менее, очень слабы. Урезание финансирования и сокращение штата сделали полицию внутренне неорганизованной и недостаточно обеспеченной необходимыми ресурсами. Социальный и экономический беспорядок, произошедший вслед за стремительным разрушительным переходом от коммунизма, поднял уровень преступности на небывалую высоту и способствовал появлению мощных криминальных структур, подменивших правовое принуждение и действующих безнаказанно, особенно в отношении ненасильственных «захватов собственности». Хотя ПРА и другие группы громко жаловались на пиратство на протяжении 1990-х гг., в частности на неэффективность российского законодательства, эти жалобы привлекли мало политических усилий в контексте более широких проблем публичного порядка и слабости норм права [68].

[68] Судебная статистика показывает, что в тот период с некоторой периодичностью против распространителей и продавцов пиратской продукции выдвигались обвинения в нарушении честной конкуренции, но не в пиратстве. Несколько дел дошли до суда и, в общем, истцы медлили и не пользовались гражданскими способами, доступными в российском законодательстве. Первый гражданский иск за софтверное пиратство, поданный компанией 1С против

Консолидация нового правового, гражданского и экономического порядка не произошла мгновенно и терпела сокрушительные неудачи, включая сильный экономический кризис в 1998 г. Процесс пересмотра правовых основ нового российского государства продолжался вплоть до начала 2000-х гг. Согласно политике в области интеллектуальной собственности, новым важным фактором стало появление отечественного лобби интеллектуальной собственности, построенное на восстановлении индустрии кино и появляющейся индустрии программного обеспечения, а также на близкой интеграции и поддержке со стороны западных компаний. Лоббирование дало толчок к более жестким попыткам соблюдения законов и привело к концу безнаказанности пиратской деятельности.

Новые защитники принуждения к соблюдению прав продвигают изменения в законе, принуждении к праву и судебной процедуре. Адвокаты, представлявшие интересы истцов в делах о пиратстве в период с 1995 по 2000 г., в частности, имели чрезвычайно отрицательный опыт с судом и жестко предпочитали упростить полицейскую и судебную процедуры. Отсутствие взаимодействия среди агентств по соблюдению законов также было большим препятствием. Дела, часто

компания Наис, попал в суд в 1995 г. и привел к первому успешному приговору против софтверного пиратства. Болгарское дело, описанное ранее в этой главе, попало в суд в 1997 г.

разделенные между несколькими агентствами, замедлялись или прекращались, когда эти самые агентства не могли эффективно сотрудничать на различных этапах расследования. Наказания в конце процесса редко были переубеждающими и в общем считались бесполезными. Ходившая в то время фраза среди адвокатов и прокуроров звучала как «одно пиратское дело равно трем нераскрытым убийствам» — ссылка на пустую трагедию материалов и административных ресурсов, связанных с делами по нарушению авторских прав. Для большинства юридических сообществ усиление законов против пиратства было прагматическим решением более широкого набора неэффективности, порождаемой законами об интеллектуальной собственности. Для исполнителей законов, которые редко рассматривали дела об интеллектуальной собственности как дела особой важности, упрощение процедуры давало возможность заняться более важными с их точки зрения делами.

Встречи на высоком уровне между правительством и отраслью имели место в 2001–2002 гг. и привели к созданию правительственной комиссии по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности, ее правовой охране и использованию. Задачей комиссии стала координация политики в области интеллектуальной собственности и улучшение мер принуждения к соблюдению законодательства [69].

[69] Сначала эту комиссию возглавляли премьер-министры

Первая большая законодательная реформа произошла в 2003 г. и была отмечена поправкой к статье 146 Уголовного кодекса. Измененная статья 146 давала полиции должностные полномочия для расследований и арестов, ужесточения уголовных наказаний и повышения штрафов, а также использование других средств, предусмотренных законом. Эта попытка, в свою очередь, наметила путь для развития нового законодательства по интеллектуальной собственности, известного как часть 4 Гражданского кодекса.

Основной задачей части 4 было создание единого российского закона по интеллектуальной собственности в соответствии с международными соглашениями по интеллектуальной собственности, включая Бернскую конвенцию (для вступления в ВТО) и интернет-договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO). Также он должен решить ряд долгосрочных проблем в области прав интеллектуальной собственности, такие как хаотичная ситуация в управлении коллективными правами. Хотя большинство поставленных целей в конечном счете было достигнуто, не все шло так, как было запланировано. Когда законопроект появился в 2006 г., он был повсеместно раскритикован как по форме, так и по содержанию заинтересованными сторонами, местными практиками по интеллектуаль-

Касьянов и Фрадков, позже будущий президент Медведев, чьим главным интересом было развитие российского сектора ИТ-технологий.

ной собственности и представителями зарубежных правительств. Всеобъемлющий подход был противоречив — он представлялся тяжелым как для применения, так и для изменения. Заинтересованные стороны также сопротивлялись этому закону, считая его шагом назад от стандартов TRIPS (соглашение об торговых аспектах прав интеллектуальной собственности) и TRIPS+, в частности, в отношении частного копирования, вторичной ответственности и технической защиты в цифровой среде, о которых в законопроекте не было сказано ни слова [70].

Когда стало очевидным, что обладатели прав не могут «убить» закон, они попытались его переделать. За этим последовало несколько раундов дебатов и пересмотров, пока окончательный компромисс в большей степени ратифицирующий четкую интерпретацию TRIPS, продвигаемую группой обладателей авторских прав. Часть 4 вступила в силу 1 января 2008 г., заменяя все предыдущие законы по охране интеллектуальной собственности. Сохранились элементы законопроекта, включая сбор в 1% начиная с 2010 г. с пустых носителей и аудиовизуального оборудования как средство противовеса отно-

[70] Об этих изменениях и широкой реформе законодательства об интеллектуальной собственности в России см.: Мамлюк (2010), Будилин и Осипова (2007), и Голованов (2008).

сительно широкого допущения законом частного копирования [71].

Попытки России присоединиться к ВТО играли важную роль в проведении реформ по интеллектуальной собственности. Правила ВТО требуют, чтобы предполагаемые члены гарантировали соглашения с основными торговыми партнерами вплоть до вступления — требование, которое давало США право вето на принятие России [72]. По мере того как экономическая и политическая стабильность дают перспективы для вступления, увеличивается давление на усиление кооперации в исполнение законов.

В 2006 г. после нескольких раундов переговоров о торговле и защите интеллектуальной собственности, США и Россия подписали двухстороннее соглашение по доступу к рынку, главной задачей которого было улучшение исполнения законодательства. В результате соглашения правительство запустило сильные карательные меры по борьбе с пиратством, описанные ранее в этой главе. Государственная дума также повысила наказания за пиратство, наказание за ущерб, превышающий 250 000 рублей (\$10 000) — до 6 лет

[71] Среди прочего, по самым скромным оценкам, \$100 млн в год в еще одну организацию по коллективному управлению авторскими правами, называемую Российский союз правообладателей, во главе с известным кинорежиссером Никитой Михалковым.

[72] Вполне ожидаемо, что страна — член ВТО — Грузия будет той ширмой для реального вето при поддержке Соединенных Штатов и, возможно, Европейского Союза.

лишения свободы. Хотя часть 4 ничего не говорит о том, как этот ущерб оценивать, российские суды следовали отраслевой практике, используя розничные цены для оценки пиратской продукции, таким образом, расширяя диапазон правонарушений, подвергающихся высшим мерам наказаний.

Но в большинстве докладов этот импульс не был поддержан. С 2008 г. энтузиазм России по вступлению в ВТО упал, а с ним и множество стимулов для внедрения дополнительных требований США. С точки зрения российского правительства диалог с США приводил к непрерывно сдвигающемуся набору требований — соглашение по одному набору вопросов только приводило к выдвижению нового набора более строгих требований. Отсутствие прогресса по вопросам, не связанным с авторским правом, таких как запросы России к Соединенным Штатам по аннулированию поправки Джексона-Вэника (положение времен холодной войны, связывающее тарифы на товары, произведенные в СССР, с эмиграционной политикой), создавали дополнительные источники трения.

Планы по дальнейшим изменениям части 4 Гражданского кодекса значительно замедлились в данном контексте наряду с незначительными подвижками в стандартах TRIPS+, требуемых торговым представителем США и международными группами обладателей авторских прав. Отсутствие четкого представления о вторичной ответственности за предоставление интернет

сервисов (и других сервисов на базе web) в случаях онлайн-нарушений было одним из критериев этих дебатов. Хотя Россия официально присоединилась в 2009 г. к интернет-договорам WIPO, появление сильного русского лоббирования предоставления интернет-сервисов за последние несколько лет и очевидное нежелание администрации брать на себя ответственность за различные законы по регулированию интернета задержали этот вопрос от повестки законодательного органа. Приспособление американской процедуры «извещения и уничтожения» для нарушений онлайн-контента, в частности, остается маловероятным в ближайшем будущем.

Государственные органы

В исполнительной ветви власти выделяют четыре организации, несущие ответственность в отношении соблюдения прав ИС, а именно Министерство внутренних дел (МВД), Генеральная прокуратура [73], Федеральная служба безопасности (ФСБ) и Федеральная таможенная служба. Каждая из них имеет собственные следственные функции и право начинать уголовные дела по нарушению авторского права, а также на данный момент каждая имеет право проводить расследования «по должности» — без необходимости

[73] Грубо говоря, прокуратура в России сочетает функции, которые в США принадлежат министерству юстиции, следственному комитету при конгрессе, присяжным и гособвинителям.

участия традиционных жалоб со стороны правообладателей. До 2006 г. МВД играло относительно малую роль в расследовании такого рода преступлений, считаясь слабой и коррумпированной организацией, с ограниченным опытом расследования преступлений в сфере интеллектуальной собственности. С момента внесения поправки в статью 151 Уголовного кодекса в 2006 г., МВД и прокуратура стали более сосредоточенными и активными в вопросе попыток контроля. По большинству оценок, слабая роль МВД в обеспечении выполнения правил была направлена и хотя бы минимизирована благодаря сотрудничеству с антипиратскими организациями, которые сейчас направляют его работу.

МВД состоит из множества отдельных подразделений со специализацией на различных криминальных сферах и типах контроля. Отдел борьбы с экономическими преступлениями (ОБЭП) нацелен на сети производства и реализации пиратской продукции. Отдел К — единица МВД по компьютерным преступлениям — специализируется на преступлениях в интернет и теоретически несет ответственность за уголовное преследование нарушений авторского права в интернете (на практике данная деятельность малозаметна). В сферу полномочий отдела общественной безопасности (уличная полиция) входят уличные продавцы, имеющие в том числе и пиратские диски.

Федеральная служба безопасности (ФСБ) выполняет разнообразные функции в попытках

контроля защиты ИС, первоначально ввиду своей деятельности в сфере случаев контрабандных товаров, но в последнее время она связана с пиратством под предлогом наличия нерегулируемых финансовых потоков, представляющих угрозу национальной безопасности. На практике ФСБ также работает как внезапная проверка других служб и учреждений, выявляя случаи коррупции (нарушения) в МВД.

Роль Федеральной таможенной службы в отношении соблюдения авторского права в значительной мере уменьшилась начиная с 1990-х гг., когда контрабандный провоз пиратских оптических дисков в Россию был широко распространенным явлением. Пиратские диски в этот ранний период в основном приходили из стран бывшего блока СССР, особенно из Болгарии и Украины. С того момента, как технология производства оптических дисков стала менее затратной (капиталоемкой) и более мобильной, местная пиратская база производства развивалась, что устранило необходимость в действиях, связанных с высоким риском контрабандной деятельности. С уменьшением доли такого физического распространения пиратской продукции, таможенная служба на данный момент закреплена за иного рода нелегальных и контрафактных контрабандных товаров, включая фармацевтическую продукцию, текстиль, электронику и промышленную продукцию.

Другие органы исполняют более специализированные или редкие функции. Министерство

культуры и (до недавнего времени) подведомственная ему служба Росохранкультура выдают лицензии на некоторые виды деятельности и осуществляют аккредитацию организаций по коллективному управлению правами (ОКУП), а также были вовлечены в споры вокруг AllofMP3, а теперь еще и вокруг РАО. Федеральная антимонопольная служба выполняет периодическую (регулярную) функцию контроля, когда дело касается «недобросовестной конкуренции» либо связано с неконкурентной практикой в бизнесе. Министерство массовых коммуникаций несет ответственность за регулирование сферы интернета, включая законы, регулирующие электронную коммерцию (реализацию товаров через интернет) и обязательства поставщиков услуг (ISPs), хостинговых служб и других служб, подверженных нарушениям. Другие министерства и организации участвуют в регулировании более специфических вопросов, как, например, министерство экономического развития, которое ведет переговоры о вхождении России в ВТО и несет ответственность за соблюдение Россией международных норм в сфере интеллектуальной собственности.

Неправительственные организации

Ряд неправительственных организаций также принимает участие в попытках контролировать соблюдение прав, шесть из них являются важнейшими в этой области: Российская антипиратская организация (РАПО), Некоммерческое партнер-

ство дистрибьюторов (НПД), Некоммерческое партнерство поставщиков программных продуктов (НП ППП), Национальная федерация производителей фонограмм (НФПФ), локальное отделение BSA и локальная ветвь IFPI. Эти организации специализируются в различных сферах принуждения к соблюдению прав: РАПО надзирает за соблюдением норм в области кино и видео; НФПФ, НПД и IFPI регулируют звукозапись и музыку; НП ППП и BSA занимаются мониторингом распространения и использования программного обеспечения.

РАПО была создана в 1997 г. студиями США и дистрибьюторами фильмов с целью поиска лучшего представительства своих интересов в России. Американские студии продолжают обеспечивать финансирование РАПО, расходы на охрану российских фильмов, снятых совместно с американскими студиями, также покрываются за счет организации. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга, у РАПО есть офисы и представительства в ряде небольших городов, в равной степени, как и сотрудники, занимающиеся собственными расследованиями, тесно сотрудничая с милицией. До 2004 г. такие исследовательские сети обеспечивали основу для «побочных» подсчетов (оценок) МРАА продажи пиратских дисков в России, которые колебались на уровне 80–90% от общего рынка конца 1990-х — начала 2000-х [74].

[74] В 2005 г. МРАА переключилась на метод опроса потребителей, который оценивал уровень пиратства в 81% (МЗАА 2005). МРАА не ведет дополнительных исследований.

В последние годы РАПО сосредоточилась на расследованиях, имеющих целью крупные склады и производства оптических дисков, но некоторые из осведомителей упомянули о перемене в сфере реализации дисков и, таким образом, неизбежно включили и мониторинг интернета.

Наиболее влиятельная отраслевая группа — Некоммерческое партнерство поставщиков программных продуктов (НП ППП), представляющая основные местные и международные компании, занимающиеся программным обеспечением, включая Microsoft, Adobe, Borland, Symantec и Autodesk. Такое международное представительство существенно перекликается с представительством в BSA, приводя ко многим общим интересам. В отличие от BSA, НП ППП также представляет и интересы местных поставщиков программного обеспечения, что открывает ей доступ к правительственному чиновничьему аппарату. Как результат, НП ППП воспринимается не только как представитель интересов иностранных технологий, но в том числе и как представитель растущей отечественной индустрии программирования и, следовательно, заслуживающий доверия голос в защиту интересов отечественного бизнеса.

Основанное в 2003 г., НПД по своей структуре подобно НП ППП, но фокусируется на музыкальном рынке. Оно координирует лоббирование и усилия по контролю восьми крупнейших дистрибьюторов музыки в России. НФПФ — спонсируемый IFPI конкурент и поддерживает близкую

связь с международными организациями и лейблами.

Несмотря на попытки в последнее десятилетие упростить координацию и сотрудничество, отношения между принуждением к праву и отраслью остаются сложными. Интересы в сфере принуждения к праву стали слишком сложными и разнообразными, чтобы с легкостью можно было выполнить указания отрасли, удовлетворяющие и ИРА, и BSA. В нашем исследовании представители обеих сторон данного партнерства, охарактеризовали эти отношения как «опасливо предусмотрительные». Отраслевые группы обычно не удовлетворены уровнем и эффективностью усилий милиции. РАПО опубликовало ряд жалоб относительно нежелания местной полиции совершать рейды на предприятия, идентифицированные как пиратские. НПД описывает, как региональные органы обещают защиту — или «крышу» на русском жаргоне — рынкам и розничным продавцам за скромную плату (\$300–500), а так же как региональные представители в Думе блокируют попытки НПД мобилизовать милицию на рейды по рынкам, где были обнаружены незаконные продажи. По аналогичному признаку, когда местные бизнесы чувствуют обеспокоенность агрессивной тактикой принуждения к праву, они становятся много быстрее, чтобы вовлечь местную политическую власть и рассмотреть просьбу внутри отраслевой группы.

Эффективность правоприменения

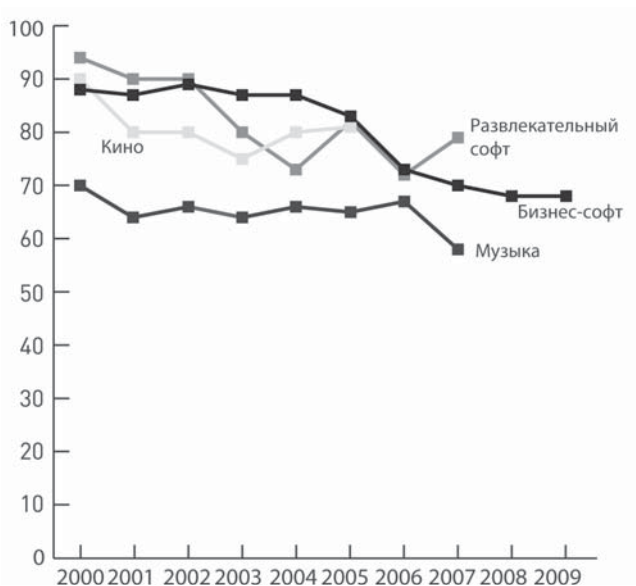
Существует немало споров об эффективности попыток России контролировать выполнение норм ИС, особенно в результате применения суровых мер в 2006–2007 гг. Несомненно, применение суровых мер ударило сильнее всего по самым незащищенным категориям производства, дистрибьюторов и розничных продавцов, вызвав реконфигурацию производства и распространения: централизация первого и разделение второго на менее формальные каналы. В июле 2007 года отрасль сообщила об измеримых уменьшениях доли пиратской продукции в категориях музыки и программного обеспечения. РАПО, в частности, о снижении на 40% в области реализации пиратских DVD, в основном на уличных рынках Санкт-Петербурга и Москвы, где были проведены мероприятия по принуждению к соблюдению прав [75].

Данные цифры соответствуют более широким подсчетам отраслями умеренного уменьшения уровня пиратства на Российском рынке (рис. 1). Изменение курса на активизацию полиции занимают центральное положение в этих подсчетах, но изменение затронули также и закон, поддержку получило принуждение к праву, что также обычно берется в расчет. Несмотря на продолжающиеся трения, многие из интервьюированных нами представителей аппарата по правоприменению отмечали улучшение сотру-

[75] Интервью с персоналом РАПО.

ничества между отраслью и принуждением к закону, в частности, отмечали рост квалификации следователей и органов принуждения. Как заметил представитель НП ППП: «Мы научились успешно бороться с пиратством в его традиционной форме», — где «традиционный» относится к розничной продаже оптических дисков.

Рис. 1. Оцениваемая доля пиратских продуктов на российских рынках (2008–2009)

Источник: авторы на основе данных ИРА (2001–2010)

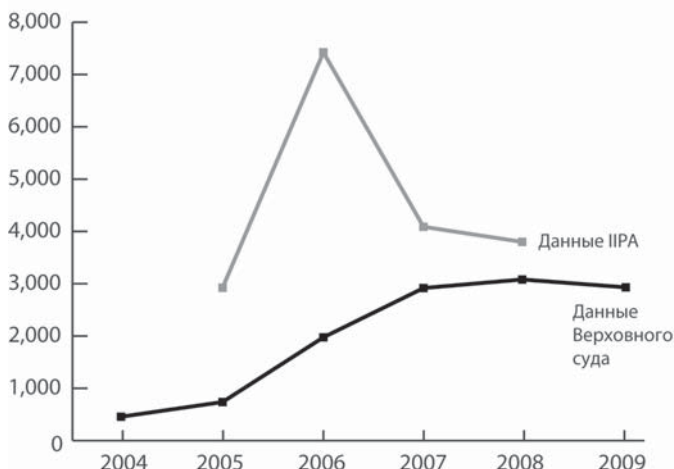
В России, как и в других странах, эффективность принуждения к соблюдению интеллектуальных прав, как правило, может быть измерена по шкале уличных операций, изъятий (арестов

продукции), выражаясь в штрафах и назначении наказаний. Как и в других странах, эта практика была односторонней, с огромным количеством рейдов и изъятий, обеспечивая гораздо меньшее число условных приговоров, штрафов и случайных тюремных сроков. Хотя ИПРА и другие группы-правообладатели выдвигали серьезные (громогласные) жалобы о малочисленности приговоров из российских судов, в данном докладе мы приводим доводы в пользу того, что такая ситуация является не результатом дефекта национального режима принуждения, грубо говоря, а в большей степени общей нормой. В частности масштабировать рейды гораздо проще, чем соответствующие процессы, тогда как система судов осталась относительно нейтральной к той точке зрения, что уличное пиратство, в частности, можно считать серьезным экономическим преступлением.

Вполне очевидно, что в России с 2005 г. применение суровых мер в 2006–2007 гг. ознаменовалось расширением мер принуждения к соблюдению прав интеллектуальной собственности и повышением судебной активности. Впечатляюще возросло число рейдов, арестов и уголовных обвинений, а судебные процедуры упростились еще в 2003 г. Российский Верховный суд, учитывающий осуждения по разным статьям, сообщил о резком возрастании уголовных дел по вопросам нарушения авторских прав по статье 146: от 429 в 2004 г. до 2740 к 2007 г., с последующим устойчивым поддержанием цифр. Стоит отметить, что ИПРА использует ошибочные данные, объединяя

несколько разнородных наборов данных относительно выявленных преступлений и об обвиненных лицах, а не о реальных наказаниях (рис. 2). Это смещение данных приводит к видимости небывалого всплеска и последующего падения активности в принуждении к соблюдению прав в России после 2007 г. — аргумент для утверждения о снижении активности в правоприменении (ИПА 2010).

Рис. 2. Уголовные наказания за нарушения авторских прав в России (2004–2009)

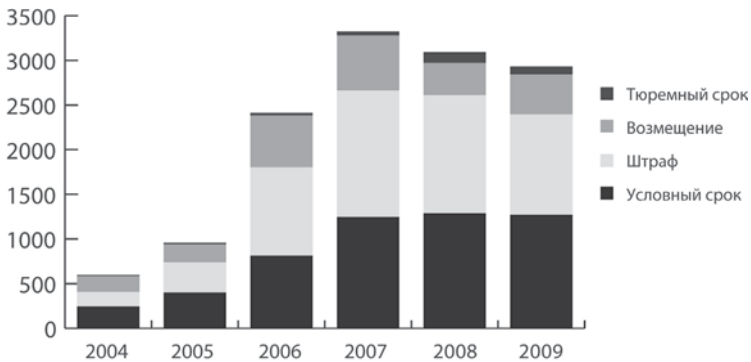

Источник: авторы на основе данных ИПА (2004–2010) и Верховного Суда РФ

Тем не менее применение суровых мер в 2006–2007 гг. было достаточно сильным. Предпринятая в 2007 г. кампания, длившаяся семь месяцев, выявила 4300 нарушений авторских прав, обнаруженных благодаря рейдам, и, по материалам

докладов, 2000 человек были обвинены, 2 млрд рублей (\$80 млн) возвращены через штрафы и иные формы компенсации (Левашов 2007). В ходе однонедельной «чистки» в течение данной кампании МВД доложило о 29 670 «действиях» — совершенно удивительная цифра, которая дала ход только 73-м уголовным делам. Несмотря на новый статус большинства актов относительно уличного и розничного пиратства как «серьезного преступления», практически все из этих уголовных разбирательств выразились в условных приговорах либо малых штрафах (рис. 3).

Рис. 3. Россия: Количество и типы приговоров (2004–2009)

Источник: авторы на основе данных Верховного Суда РФ

Менее очевидно то, что ознаменовало применение суровых мер для широко распространенной пиратской продукции. До 2007 г. подсчеты убытков в сфере кино и развлекательного программного обеспечения показывали примечательную — и даже удивительную — стабильность

при драматическом росте установленной базы проигрывателей DVD и компьютеров. Потери МРАА составили \$250 млн с 1999 по 2002 г. и лишь незначительно возросли до \$266 млн к 2005 г. В сфере развлекательного программного обеспечения ESA сообщила о потере \$244 млн в 1998 г. и о \$282 млн в 2006 г. [76].

Только RIAA и BSA в этот период показали направленность убытков как резкий подъем. Согласно RIAA, музыкальные и звукозаписывающие потери американских правообладателей утроились от \$170 млн в 1998 г. до \$475 млн в 2005 г. Особый случай имеет место с BSA: по оценкам BSA потери в программном обеспечении упали в конце 1990-х — начале 2000-х с \$196 млн в 1998 г. до \$93 млн в 2002-м. Однако в 2003 г. BSA расширило ряд программных продуктов, который они включили в свои исследования, распространив его на Microsoft Windows и разнообразную потребительскую продукцию, а также игры. Все это изменило основу подсчета потерь, после чего они составили \$1,1 млрд на 2004 г. Далее оценка потерь неуклонно росла, достигнув к 2008 г. \$4,2 млрд.

На момент применения суровых мер в 2006–2007 гг. только BSA и RIAA компилировали новые ежегодные цифры случаев пиратства на территории России [77]. В 2007 г. оба сообщили о падении

[76] Для детального учета отраслевых сообщений см. гл. 1.

[77] Свое более раннее исследование МРАА провел в 2005 г. (ESA 2006).

абсолютных потерь и оценили скорость роста пиратства. Выводы RIAA были в основном сделаны на большом и статичном рынке CD, и потери здесь составили \$220–230 млн за год в оптовой торговле с 2003 г. (IFPI) [78]. Оценки BSA были сделаны вопреки фону быстрого 30–40%-ного ежегодного роста на российском рынке программного обеспечения.

Давление на розничных торговцев и сосредоточенность на институциональном соблюдении привели к очевидному снижению пиратства в некоторых секторах рынка программного обеспечения. Доклады BSA (в этой части) легко подтверждаемы, например, исследование продаж программ от Microsoft показало, что в 2010 г. только 25% программного обеспечения было пиратским. Когда в 2008 г. НП ППП провел опрос своих институциональных членов, 40% (из 281) указали на снижение в секторе незаконной розничной торговли, представленном малым бизнесом, уличными продавцами и продавцами в метро. Уменьшение числа «перустановленных» или пиратских операционных систем наблюдали 45%, остальными было отмечено «без изменений». Когда же был произведен опрос о пиратстве в интернете, 44% субъекта сигнализировали «без изменений» — удивительная цифра докладов, сообщавших о росте

[78] За исключением показательного 2004 г., согласно IFPI, российская отчетность о продажах записей всегда рассматривалась как ненадежная.

пиратства в интернете [79]. На наш взгляд, падающие цифры, предоставленные BSA, описывают разветвленный рынок, на котором обсуждаемые значительные количества лицензий влияют на ускорение условий выполнения среди крупных институциональных субъектов, в то время как потребители и малый бизнес продолжают нарушать авторское право ввиду недостатка низких по цене розничных альтернатив.

Очевидность перемен на других типах рынков более сомнительна. Российская гильдия развития торговли аудио- и видеопродукцией — организация, включающая уличных торговцев и, несомненно, «пиратских» продавцов, — говорит о том, что оборот пиратской продукции на российском медийном рынке был стабильным с 2006 по 2009 г. Несмотря на недавний экономический кризис, средняя цена при постоянных поставках на нелицензионный CD или DVD остается приблизительно одинаковой — порядка 100–150 рублей.

Некоторые сектора также имеют стимул переоценивать пиратство, усложняя оценивание принуждения к праву. Согласно одному информатору, завышение кассовых сборов и оценок пиратства — обычная российская стратегия

[79] Напоминание было примерно эквивалентно разделено между «возросло» и «убыло» и «нет оснований для суждения» (из неопубликованного исследования НП ППП, предоставленного исследователям.)

для увеличения популярности фильмов. Такие оценки, согласно информатору, легко достигаемые \$1–1,5 млн кассовых сборов, создают противодействие студиям, которые ведут переговоры о последующем получении прав на DVD и фильмы, так же как и о дальнейшем инвестировании. Когда ответственные органы говорят про влияние пиратства на новые фильмы, приближенный подсчет дает оценку в 20–25% потерь в кассовых сборах. Так, генеральный директор РАПО Константин Замченков подсчитал, что потери русского блокбастера «Ирония судьбы 2» порядка \$10 млн после того, как были выпущены высококачественные копии (в целом фильм собрал 50 млн). «XX век — Фокс» приписывает этому же фильму потери в \$12 млн (Вершинин 2008). Основа этих оценок не ясна. В бизнесе с прибылью, в 10 раз превышающей потери, никто, включая студии, не понимает суть проблемы и не может правильно предсказать результаты. В течение приблизительно декады все новые фильмы копировались за нескольких дней после официального показа, если не раньше. Что бы ни влияло на некоторые фильмы, это явление не помешало росту кассовых сборов более чем на 300% с 2004 по 2008 г.

С нашей стороны, сосредоточенность на показателях успешности в усилиях по принуждению к праву и вокруг них рискует не учесть один важный нюанс: с некоторым исключением касательно институционального рынка программного обеспечения, пиратство в России остается

вездесущим. Мы не видим доказательств, что ситуация изменилась значительно благодаря изменениям законодательства или подавлению розничной торговли. Ни один человек из нашей фокус-группы не столкнулся с трудностью получить пиратскую продукцию, и наши уличные опросы, проводимые с 2008 по 2009 г., говорят о большом количестве возможностей приобретения пиратских дисков. Более того, мы видим доказательства того, что отраслевые методы могут отследить небольшие годовые изменения в широком распространении пиратских товаров, особенно на потребительском уровне. Отраслевые методы исследования, включая сравнительно надежную модель уровней от BSA, обнаруживают большое количество недостатков — от невозможности измерить порядок цифрового распространения до оценки размера лицензионных продаж. Потребительские опросы позволяют измерить различные формы и способы пиратства, но вызывают беспокойство и неприятие у респондентов. Так как эти опросы и полученные данные не опубликованы, то их результаты не могут быть рассмотрены и, на наш взгляд, им нельзя доверять.

Большинство персонала, ответственного за принудительное применение права, по нашему опыту, знают про эти ограничения и не слишком беспокоятся про погрешности в оценках. Некоторые из них показали, что увеличения или уменьшения были сформированы либо под впечатлением принуждения к праву и политики вокруг

него, либо на его основании. Данный интерес индустрии и правительства России в понимании пиратства, конечно, вызывает беспокойство.

Избирательное принуждение

Споры об эффективности также склонны затенять другую сторону правоприменения в России: ее поглощение политически коррумпированными лицами. Вместо того чтобы одинаково обслуживать (или топить) все части сектора авторского права, правоприменение оказывается дефицитным ресурсом, обеспечивающим конкурентные преимущества на рынке. Некоторые из этих преимуществ едва различимы, например, крупные фирмы пользуются большим влиянием на полицию или прокуратуру, чем малые фирмы. Защита одной компании в таких обстоятельствах часто является чьим-либо воздействием. Но другие — более грубые — охватывают весь диапазон, начиная от преследования и запугивания конкурентов до более сложных форм вымогательства и рейдерства. Такие проблемы ни в коем случае не ограничены правами на интеллектуальную собственность в России, но они продукт совместной деятельности коррумпированных учреждений, почти универсального правового нигилизма и дефицита реального применения права, создающих для них плодородную почву [80].

[80] Firestone (2010) описывает большое разнообразие злоупотреблений, которые стали распространенными в таких контекстах, включая практику «интеллектуальной соб-

Многие из практик захвата публичны и даже оформлены в форме партнерств между группами правообладателей и правоохранительными органами. Здесь отечественные интересы часто стоят над международными. Наши ограниченные данные показывают, что национальные субъекты, как правило, имеют больше возможностей для мобилизации государства, чем транснациональные корпорации. Среди 207 исков по поводу пиратства в области программного обеспечения, поданных, например НП ППП, с 2002 по 2008 гг., приблизительно 126 были от имени находящейся в Москве компании-разработчика и поставщика программного обеспечения 1С, в основном относящихся к нарушению исключительных прав на широко распространённые программы 1С. В тот же самый период Microsoft был истцом в 21 случае. Российские компании-разработчики программного обеспечения Консультант и Гарант (эквивалентный американским платформам исследования в области права LexisNexis и Westlaw) делят третье и четвертое место в списке (с 9 заявлениями каждый).

Некоторые отечественные кинокомпании также были успешны в содействии полиции при подавлении распространения пиратских DVD не-

ственности на короточках» или мошеннической регистрации товарных знаков и патентов, чтобы настроить гражданский иск или уголовные обвинения против правообладателей. Астафьев (2009) отмечает, что МВД завело 350 расследований рейдерства в 2005 г., см. также Риги(2010).

которых фильмов, появляющихся до момента их премьеры на большом экране. Что примечательно, так произошло с хитами российского кинематографа «Ночной Дозор» (2004), «Дневной Дозор» (2006) и «Ирония судьбы» (2007). Не каждый фильм имеет такую защиту со стороны полиции. Представитель «Первого канала», российской корпорации телевизионного вещания, которая показала премьеру фильма «Иронии судьбы 2», заявил в отношении уличного пиратства:

Мы просто отпугнули их. Мы попросили, чтобы Департамент по экономическим преступлениям Министерства внутренних дел передал, что наша реакция [на пиратские копии] будет резкой... Наш доступ к административным ресурсам, несомненно, помогает. Они вряд ли бы послушали кого-то менее влиятельного, чем мы (Вершинин 2008).

Понятие «административный ресурс» в российской сфере бизнеса означает связи с муниципальными, региональными или, как в данном случае, с правительственными чиновниками. Как и следовало ожидать, такие ресурсы распределены неравномерно, но растут и укрепляют свое влияние и размеры. Большие компании, такие как Мосфильм или «Первый», имеют гораздо больше рычагов воздействия на чиновников, нежели менее крупные компании, что и приводит к лучшей защите их фильмов.

Существуют также более агрессивные формы использования правоприменения. Среди торговых компаний Санкт-Петербурга, опрошенных

специально для этого отчета, дело ОКО против «505» было хорошо известным примером антипиратского принуждения как формы корпоративного рейдерства. Изначально ОКО («глаз») было создано как ОКУП в Санкт-Петербурге местным влиятельным бизнесменом Дмитрием Михальченко, вовлеченным в приватизацию и реконструкцию муниципальной собственности.

Справка. Полная проверка

Директор Санкт-петербургского отделения Московской страховой компании описал облаву, проведенную МВД летом 2008 г., поводом для которой стала жалоба от расстроенного клиента, которому отказали в выплате страховки. Жалоба привела к тому, что называется в России «полной проверкой», в ходе которой полиция расследует все аспекты предпринимательской деятельности. Если осмотр отчетностей не выявляет несогласованности, то полиция просит представителей компании представить доказательства того, что офисные компьютеры оснащены лицензионным программным обеспечением. Так как офисная техника была закуплена и обслуживалась в Москве, то никакой такой документации представлено не было. Полиция конфисковала компьютеры до тех пор, пока доказательство статуса лицензирования копий Microsoft Windows не поступило от их московского штаба. Во время расследования никакие обвинения не были поданы; согласно руководителю учреждения, была проведена конфискация оборудования, сопровождаемая надлежащими документами. Эти процедурные проблемы в конечном счете привели к закрытию расследования без обвинений. Но в течение двух недель компания была парализована и не могла оказать услуги своим клиентам. Без

начального разрушения это дело также оказало воздействие на деловые отношения фирмы: компания теперь более осторожна, чтобы избежать конфликтов с клиентами.

Структурированное как государственно-частное партнерство ОКО обладало поддержкой губернатора и имело тесные связи с региональной полицией. В 2006 г. ОКО стало инициатором рейдов против сети «505» — одной из самых популярных местных торговых сетей аудио- и видеотоваров. Все 15 магазинов, принадлежащих «505», были закрыты на 30 дней, и большая часть их товара была конфискована. Директор «505» по связям с общественности Алена Кондрикова признала, что значительная часть медиапродукции, продаваемой «505», была нелегальной. Она также дала понять, что аналогично обстоят дела и в других крупных торговых сетях, остающихся в бизнесе, таких как «Титаник», «Десятка» и «Айсберг».

Логика избирательного подхода со стороны ОКО начала появляться в сообщениях печати и на онлайн-форумах. ОКО оказывало давление на торговцев музыкой и кино, чтобы получать плательщиков взносов, в итоге избавляя их как членов организации с сильным влиянием от полицейского преследования. Некоторые торговые сети соглашались, другие, как «505», этого не сделали. На основе этого «505» подал жалобу ФАС, но как со многими расследованиями дел, связанных с рейдерством, она не была рассмотрена, и «505» в конечном счете обанкротилась (Российская антитимонопольная служба 2006).

Противодействие бизнес-сообщества

Увеличение числа расследований и рейдов за 2006–2007 гг. усугубило эти проблемы и вызвало сильную реакцию со стороны российского бизнес-сообщества. В то время как число разрушенных компаний росло из-за полицейских рейдов, расследований в области лицензирования программного обеспечения и других форм давления, принуждение к соблюдению прав интеллектуальной собственности начинало идентифицироваться скорее с полицейской коррупцией и «захватом» бизнеса, нежели с защитой прав. Шантаж был широко распространен в данных обстоятельствах, и даже в лучшем случае полицейские облавы могли парализовать бизнес за несколько дней прежде, чем инцидент разъяснится или исчезнет. Давление с целью получить подходящую статистику по принуждению к праву вело к выбросу активности в период отчетности, когда лицензионные продукты — согласно источникам в органах принуждения — представляли до 30% захваченного.

К 2007 г. мошенничество со стороны полиции стало предметом обсуждения на саммитах местного и федерального уровня и вскоре вызвало пересмотр подхода к правоприменению. В данный момент президент Дмитрий Медведев принял сторону притесняемых бизнесменов, утверждая в декабре 2008 г., что бизнес не должен быть терроризируем со стороны полиции. В 2009 г. Владимир Путин — на данный момент премьер-ми-

нистр — заявил, что большинство полицейский проверок были мотивированы коммерчески и не имели очевидной правомерности. Оппозиция заняла сторону правительства: в начале 2009 г. Дума приняла новый закон, ограничивающий полицейские проверки бизнеса до одной проверки в течение трех лет.

Неудивительно, что группы правообладателей отреагировали очень неблагоприятно, совместно с ИРА, в частности, описывая новые ограничения как отступление от двустороннего соглашения 2006 г. с США. Предыдущие правительственные расследования Microsoft и других лидирующих международных компаний могут быть дальнейшим доказательством расхождений интересов зарубежных стран в области ИС от воспринятых интересов российских деловых кругов. Хотя представляется сложным приписать согласованные намерения ряду лиц, действующих в пределах этого пространства, представляется, что российскому правительству все более комфортно выступать с сильной и эгоистичной позицией от имени своих деловых сообществ. Как и в других контекстах, политика принуждения должна быть воспринята как некий продукт баланса этих силовых структур.

Дело Поносова

Политика избирательного применения права, пиратство в области программного обеспечения и российская технологическая политика объединилась неожиданно в мае 2006 г., когда в ходе

полицейского рейда на начальную школу в Пермском крае было обнаружено, что 12 из 20 новых школьных компьютеров имели нелегальные копии Microsoft Windows. В ноябре 2006 г. эта находка была передана в местный суд, а директор школы Александр Поносов был арестован по подозрению в пиратстве. Изначально Поносов был обвинен в нанесении ущерба Microsoft приблизительно \$10 000 — сумма, которая также грозила ему до пяти лет тюремного заключения. Поносов считал себя невиновным.

С 2006 по 2008 г. этот случай подвергся 7 слушаниям и апелляциям, демонстрируя тем самым в процессе сложность согласования, жесткость требований закона в отношении весьма распространенного использования пиратского программного обеспечения. Первоначально председательствующий судья признал Поносова виновным в нарушении закона, но отклонил иски о возмещении убытков. Хотя Поносов был освобожден без штрафа, он подал апелляцию на решение суда. Последующие слушания налагали штраф в размере \$380 на поставщика компьютеров, хотя вопрос о том, где было установлено программное обеспечение, оставалось предметом спора. На следующем слушании в мае 2007 г. Поносов был объявлен виновным и оштрафован на 5000 рублей (\$190). Снова Поносов подал апелляцию в оба суда, в региональный суд и в Верховный суд. Региональный суд отклонил апелляцию, но Верховный признал ее и отправил обратно на пересмотр. Это шаг положил начало серии юри-

дических побед Поносова. В декабре 2008 г., он был признан невиновным и ему полагалось выплатить моральный ущерб. В июле 2009 г. он был вознагражден компенсацией за клевету.

В ходе судебного преследования Поносов привлек значительную часть общественной поддержки. В феврале 2007 г. бывший президент Михаил Горбачев и депутат Думы Александр Лебедь послали открытое письмо Биллу Гейтсу с просьбой вмешаться, чтобы снизить обвинения. Microsoft, со своей стороны, видел в процессе катастрофу в общественных отношениях, и его офис публично отрестился от действий региональной прокуратуры. Однако вмешательство Microsoft было запоздалым и неэффективным. Поскольку случай преследовался по суду как уголовное дело, а не как гражданское, потерпевшая сторона не могла отказаться от обвинений. Обвинитель твердо стоял на своем.

Число защитников Поносова продолжало расти. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям в России (Роспечать) предложило оплатить заявленный ущерб, утверждая, что «немыслимо считать учителя в сельской средней школе главным медиапиратом нашей страны» (НТВ 2007). Министр образования Пермского края также встал на сторону Поносова, так же как и его ученики, которые устроили пикет перед зданием суда во время слушаний. Поддержка также пришла и стороны президента Владимира Путина, который, когда его спросили об этом случае на пресс-конференции, заявил, что

преследование по суду всех пиратов «под одну гребенку» является неверным решением: Поносов может быть виновен в покупке компьютеров с нелегальным программным обеспечением, «но угрожать ему тюремным заключением — это абсурд, просто вызывающий» (Путин 2007).

Сам Поносов отреагировал на пережитый опыт, став красноречивым защитником бесплатного программного обеспечения. Совместно с бывшим депутатом Думы Виктором Алкснисом он основал в 2008 г. Центр свободных технологий, который способствует развитию и распространению бесплатного программного обеспечения в России. Школа Поносова (из которой он ушел в отставку), в свою очередь, пользуется операционной системой Linux.

Проблемное судебное преследование Поносова сделало повсеместное использование нелегального программного обеспечения в российских школах (а также и в государственных учреждениях) открытым и переместило это в сферу политики, а не правоприменения. Учитывая уровень политической причастности к делу, что-то пришлось делать. Случай Поносова стал катализатором для изменений в технологической политике на федеральном уровне.

Это дело выделяет не только проблему нелегального использования программного обеспечения в госсекторе, но также и сложности в принятии решения на более низких уровнях государственного управления. Национальная политика, нацеленная на перевод государственных

учреждений на лицензионное программное обеспечение, было рассмотрено как рывок вперед.

Массовое лицензирование, имеющее обратную силу, было широко обсуждаемо, но быстро отклонено как предельно дорогое вследствие количества нелицензионного программного обеспечения в использовании. Тогда правительство попыталось заключить сделку с коммерческими поставщиками. Интенсивное лоббирование отечественными и международными интересами в сфере программного обеспечения привело к созданию программы «Первая помощь», разработанной для того, чтобы выделять средства для лицензирования программного обеспечения в российских школах. Изначально НП ППП, представлявшее всех главных поставщиков программного обеспечения на российском рынке, получило контракт на \$200 млн на закупку лицензионного программного обеспечения для российских школ. (Бюджет для решений с открытым кодом, как сообщалось позднее, составил \$20 млн.) Высокопоставленные должностные лица России, включая Дмитрия Медведева, начали переговоры, с главными международными компаниями в области программного обеспечения, включая такие как Microsoft и IBM, о получении скидок на их продукцию. Установленная цель заключалась в 100% лицензировании в российских школах.

Но «Первая помощь» быстро столкнулась с проблемами в Министерстве экономического развития из-за ее «высоких затрат». Российское

руководство снова завертелось и создало встречу с лидерами российского IT-сообщества, включая тех, кто работал с программным обеспечением с открытым кодом (open source), чтобы найти более экономичное решение. Новая стратегия, повлекшая соединение коммерческих и открытых решений, развернула трехлетнюю программу в трех регионах России, с планами расширения в более масштабную национальную образовательную программу и, по возможности, в другие правительственные сектора. Поддержанный Поносовым и Алкнисом Linux также играл роль в данной программе, но не исключительную. Широкий спектр коммерческого программного обеспечения, включая продукцию Microsoft, Adobe, Corel и других американских программ, были включены в пакет основных программ, поставляемых по сниженной цене в рамках национальной программы. Microsoft согласился включить в этот пакет Windows Vista с 95%-ной скидкой от розничной цены, предполагая степень ее приверженности российскому рынку, когда альтернативы с открытым кодом находятся в игре.

Война маневров с Microsoft и другими поставщиками продолжается. В июне 2009 г. ФАС начала антимонопольные расследования против фирмы Microsoft за изъятие Windows XP с российского рынка и закрыла их спустя три месяца без заявлений об обвинениях. В марте 2010 г. Microsoft согласился обеспечить бесплатными копиями Windows 7 до 54 000 российских школ, с лицензиями, срок установки которых истекает до кон-

ца 2010 г. Эта дата также обозначает назначенное завершение программы «Первой помощи», когда переговоры о лицензировании и возможности более широко распространенного принятия open source снова вернется в рассмотрение.

Государственный захват

В сентябре 2010 г. New York Times опубликовала историю об использовании российским правительством расследований пиратства в области программного обеспечения как средства угнетения политических активистов и журналистов (Levy 2010b). Пример устанавливает образец правительственных рейдов и уголовных обвинений против деятелей оппозиции, возвращаясь на несколько лет назад. Он также устанавливает образец для соучастия местных представителей Microsoft в этих усилиях.

Как и в других случаях, рейды ведут к конфискации компьютеров, нарушению работы и множеству последующих уголовных обвинений в случае, если обнаружено нелегальное программное обеспечение, включая штрафы и возможность длительного тюремного заключения. Поскольку Microsoft и другие поставщики программного обеспечения настаивали на использовании розничных цен на программное обеспечение при уголовном преследовании нарушений, горстка пиратских копий может быстро подтолкнуть пользователей в область тяжкого уголовного преступления.

Если, как утверждает Союз делового программного обеспечения, уровень пиратства в России достигает примерно 68% всего рынка (в малом бизнесе и некоммерческом секторе этот уровень еще выше), то уголовное преследование является ожидаемой нормой. Усложненное лицензирование и произвольные стандарты договоров делают заявления о невинности, такие как, например, от группы защитников окружающей среды Байкала, описанной в истории New York Times, сложными для установления и зависимыми от чистоты полиции. Чтобы предотвратить фиаско в связях с общественностью, Microsoft объявила об общей лицензии на активистские группы и информационные агентства в России, ограждая их от подобного типа преследования (Levy 2010a).

С одной стороны, конечно, эти случаи имеют мало общего с пиратством. Принуждение к праву в сфере программного обеспечения — удобный инструмент в масштабных компаниях политического притеснения. Но большая матрица принуждения к праву в России — отточенная криминализация и высокая избирательность в принуждении к соблюдению прав общераспространенного поведения — делают злоупотребление неизбежным. Решение общей лицензии позволяет обойти эту более широкую проблему, но также устанавливает Microsoft в качестве судьи гражданских свобод в России. Когда общая лицензия истечет в 2012 г., Micro-

soft определит, гарантирует ли политический климат ее продление.

Заключение

Подобно другим странам, упомянутым в этом докладе, Россия находится в середине перехода от пиратства оптических дисков к цифровым файлам, распространяемым отнюдь не только через интернет. Потребительская инфраструктура вокруг дисков, тем не менее, все еще более развита, чем ее интернет-аналог, и пройдет несколько лет до того, как широкополосный доступ, цифровые проигрыватели и устройства хранения данных, а также новые модели компьютеров вытеснят канал оптических дисков для большинства россиян. Россия тем временем будет продолжать постоянно сталкиваться с проблемами малого медиарынка, где доминируют транснациональные корпорации: рост легального рынка будет привязан скорее к медленно возрастающим местным доходам, нежели к быстро падающим ценам на технологии. Как мы обсуждаем в этом отчете, это будет способствовать дальнейшему сохранению высокого уровня потребительского пиратства.

Во всех странах, рассматриваемых в данном докладе, ценовая конкуренция и инновации в обслуживании изначально исходят из конкуренции местных, отечественных в смысле собственности медиаотраслей. У транснациональных корпора-

ций, как предлагает наш отчет, просто нет стимулов к существенному снижению цен на низко- и среднедоходных рынках из опасения, что они повлияют на ценообразование глобально, в том числе на их более крупных и более выгодных рынках. Пиратство способствует этой политике, особенно в секторе программного обеспечения, предоставляя продавцам форму фактической ценовой дискриминации, которая производит положительные сетевые эффекты для коммерческих продуктов, запирая «свободные» общедоступные альтернативы. Дело Поносова выявляет сложность достижения баланса интересов — также как прагматизм российского правительства, склонного к выгодным соглашениям с транснациональными корпорациями. Жестко установленное обязательство правительства перед открытым кодом, кажется, только частью этой большей стратегии хеджирования в заключении сделок.

В данном контексте представляется вполне возможным, что в последующие годы как легальные, так и нелегальные рынки будут продолжать расти. Бизнес, связанный с программным обеспечением по-прежнему катится на волне компьютеризации России и оптимизации компромиссов между пиратством и принуждением к соблюдению прав. Звукозаписывающий бизнес уже более всего ориентирован на продвижение, нежели на розничные продажи дисков. А кинопоказ продолжает ставить рекорды, отдаляясь от

индустрии, близкой в 1990-х к полному разрушению.

Эти события в России поднимают известные вопросы о будущем моделей медиабизнеса. Как где-либо еще, мы ожидали бы, что это будущее вовлечет более удобные формы легального доступа к медиа по более низкой цене, которые конкурируют с пиратским рынком. По нашему представлению наращивание усилий в принуждении к праву делает мало для поощрения этого перехода и, наоборот, достаточно, чтобы укрепить статус-кво высоких цен при высоком уровне пиратства. Проблемы, связанные с криминализацией нарушения и произвольным применением закона не уникальны для России, но увеличены за счет слабости российского регулирования и должных защит процесса. В этом контексте трудно не приветствовать один краткосрочный результат (все еще в значительной степени управляемый пиратами) цифровой переход: вытеснение пиратства, защищаемого государством. С этой проблемой у русских может быть более искренняя беседа о затратах и выгоде пиратства, и принуждении, и необходимости в политике достижения более широкого доступа к медиа.

Об исследовании

Эта глава о России включает в себя работу двух команд исследователей, специализирующихся на экономико-правовых вопросах и неофициаль-

ной экономике соответственно. Основное исследование для отчета проводилось Ольгой Сезневой, Олегом Паченковым, Ириной Олимпиевой, Анатолием Козыревым и Джо Караганисом. Многочисленные эксперты и исследователи сделали дополнительные вклады или обеспечили ценную обратную связь, среди них Бодо Балаж, Дмитрий Пигорев, Игорь Пожитков, Мария Хэйг, Борис Мамылюк, Кэтрин Хендли и Уильям Померанц.

Большая часть анализа уличной экономики, включая принуждение к праву, ценовую политику, доступность и потребительские практики, основана на полевых исследованиях в Санкт-Петербурге, проводимых Сезневой, Паченковым и Олимпиевой в 2008 и 2009 гг. Эта работа была дополнена приблизительно двадцатью интервью отраслевых юристов, судей и ученых юристов, а также представителей неправительственных и некоммерческих организаций, вовлеченных в принуждение к праву.

Наше обширное исследование потребительских отношений и ценностей опиралось на эти полевые исследования и было дополнено тремя дополнительными компонентами: фокус-группа в марте 2009 г. с крупными пользователями, имеющими нелегальный контент в Санкт-Петербурге, конец 2008 г. — опрос трехсот потребителей DVD в Иркутске (проводимый коллегами в Маркетинговом центре развития в Иркутске) и контент-анализ русскоязычных СМИ и онлайн-форумов.

Анализ промышленности и организационной структуры, затрат и выгод от принуждения в области авторского права включил основные интервью, вторичную литературу и вклады от наших экономических и отраслевых партнеров по расследованию, особенно Анатолия Козырева. Огромное количество вторичных источников, которые внесли некие расчеты или советы специалистов в более узких темах, включая оценку, избирательное применение права и другие проблемы.

Чтобы лучше понять смещение к онлайн-задачам и их особые российские перегибы, мы провели сканирование данных российского БитТоррента Torrents.ru в марте 2009 г. с помощью Бодо Бэлажа и Дмитрия Пигорева.

Ключевыми институциональными партнерами в этом процессе являлись Научный совет социологии в Нью-Йорке и Центр международных социологических исследований в Санкт-Петербурге.

Особые проблемы в течение нашего исследования представляли доступ к источникам и конфиденциальность. Большая часть нашей информации о пиратских сетях, их организационной структуре и, прежде всего, государственной причастности получена из интервью или сообщений средств массовой информации. Многие заявления были не для печати.

Ссылки

Abraham, Elena, and Olga Vershinskaya. 2001. Информационное общество, вып. 5, с. 44–49. goo.gl/gfihU.

Alekseeva, Anastasia. 2008. Недозрелая музыка // Эксперт. 14 марта (goo.gl/uSZA3).

Anufrieva, Anna. 2008. Кинотеатры остались с кассой // Коммерсантъ. 6 апреля. goo.gl/b5w2v.

Arvedlund, Erin E. 2004. Hollywood Competes With the Street in Russia; To Combat Rampant DVD Piracy, U.S. Film Companies Cut Prices // New York Times, April 7. Accessed May 4, 2010. goo.gl/T9bLo.

Astafiev, A. D. 2009. The Role of Russian Internal Affairs Agencies Countering Corporate Raiding. Primorsky Krai: State Protection Center.

Baker, Adele. 1999. Consuming Russia: Popular Culture, Sex and Society Since Gorbachev. Durham, NC: Duke University Press.

BASCAP (Business Action to Stop Counterfeiting and Piracy)/StrategyOne. 2009. Research Report on Consumer Attitudes and Perceptions on Counterfeiting and Piracy. Paris: International Chamber of Commerce. goo.gl/kPF1R.

Berezin, Oleg, and Ksenia Leontieva. 2009. Russian Cinema Market: Results of 2008. St. Petersburg: Nevafilm Research.

Beroev, Nigina. 2009. Владимир Путин: «Большинство проверок бизнеса — «заказные» или «недобросовестные» // Комсомольская правда. 29 ноября. goo.gl/jLI19.

Boston Consulting Group. 2010. The Internet's New Billion: Digital Consumers in Brazil, Russia, India, China, and Indonesia. goo.gl/IpwG.

BSA/IDC (Business Software Alliance and International Data Corporation). 2009. Sixth Annual BSA-IDC Global Software Piracy Study. Washington, DC: BSA. goo.gl/0g32M.

Budylin, Sergey, and Yulia Osipova. 2007. Total Upgrade: Intellectual Property Law Reform in Russia // *Columbia Journal of East European Law* 1 (1). goo.gl/LXWQP.

City Statistics Bureau. 2008. Statistic and Analysis Archive: St. Petersburg. goo.gl/VmMge.

Dolgin, Aleksandr. 2006. The Economy of Symbolic Exchange. Moscow: Infra-M.

Dorozhin, Alex. 2007. Особенности рынка MP3-плееров в России // *Mobile Review*. 12 сентября. goo.gl/WjTXP.

enigmax. 2010a. Torrents.ru Fights Back After Domain Seizure // *TorrentFreak* (blog), February 28. goo.gl/NGnX2.

—. 2010b. World War II Veterans Must Pay To Sing War Songs // *Torrent Freak* (blog), March 28. goo.gl/tztr.

Firestone, Thomas. 2010. Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia // *Denver Journal of International Law & Policy* 38 (4). goo.gl/Dss2c.

Golavonov, Dmitri. 2008. Transformation of Authors' Rights and Neighbouring Rights in Russia // *Iris Plus: Legal Observations of the European Audiovisual Observatory*, 2008-2.

Goncharova, Olga, and Anna Pushkarskaya. 2009. Кинотеатрам рекомендовали союз с композиторами // *Коммерсантъ*. 23 сентября.

Gref, German. 2000. Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. goo.gl/UcPc6.

IFPI (International Federation of the Phonographic Industry). 2006. *The Recording Industry 2006 Piracy Report: Protecting Creativity in Music*. London: IFPI.

—. 2009. *The Record Industry in Numbers*. London: IFPI.

IIPA (International Intellectual Property Alliance). 2009. *Russian Federation: 2009 Report on Copyright Protection and Enforcement*. Washington, DC: IIPA.

—. 2010. *Russian Federation: 2010 Report on Copyright Protection and Enforcement*. Washington, DC: IIPA.

Kwon, Paul. 2010. *Russia: Telecoms, Mobile, Broadband and Forecasts*. Sydney: BuddeComm.

Levashov, Alexander. 2007. *Милиция отловила 2 тысячи пиратов* // *Новости структурного подразделения*. 10 октября. goo.gl/yfaO9.

Levy, Clifford J. 2010a. *Microsoft Changes Policy Over Russian Crackdown* // *New York Times*, September 13. Accessed September 20, 2010. goo.gl/UH5v3.

—. 2010b. *Russia Uses Microsoft to Suppress Dissent* // *New York Times*, September 11. Accessed September 20, 2010. goo.gl/Lic2.

Mamlyuk, Boris N. 2010. *Russia & Legal Harmonization: An Historical Inquiry Into IP Reform as Global Convergence and Resistance* // *Cornell Law*

Faculty Working Papers, Cornell University, Ithaca, NY, March 4. goo.gl/1px5f

Microsoft Russia. 2010. The Mysterious Customer. Microsoft survey.

Ministry of Communications. 2009. ICT Infrastructure Database. goo.gl/Xprz9.

MPAA (Motion Picture Association of America). 2005. The Cost of Movie Piracy. Washington, DC: MPAA.

NPD (Nonprofit Partnership of Distributors). 2005. Внимание: пиратство! goo.gl/etNXh.

NTV. 2007. Роспечать заступилась за обидчика Билла Гейтса. 23 января.

Olimpieva, Irina, Oleg Pachenkov, and Eric Gordy. 2007. Informal Economies in St. Petersburg: Ethnographic Findings on the Cross-Border Trade. Belgrade and Washington, DC: Jefferson Institute.

Ovcharova, L., and D. Popova. 2005. Детская бедность в России. Тревожные тенденции и выбор стратегических действий. Moscow: UNICEF.

Padunov, Vladimir. 2010. From Art House to Cineplex. goo.gl/V9CS1.

Pravda. 2005. Fighting Video Piracy in Russia Still Leaves Much to be Desired. 21 марта.

Putin, Vladimir. 2007. Press conference, February 1. goo.gl/DZLrg

Regnum News. 2008. Валентина Матвиенко: Средняя зарплата в Санкт-Петербурге — 20 тысяч рублей. goo.gl/vePIf.

Reuters. 2007. Piracy Worked for Us, Romania President Tells Gates // Washington Post, February 1.

Rigi, Jakob. 2010. The Coercive State and the Spectacle of Law in Russia: The Use of Legal Schemes for Expropriation of Middle and Small Businesses. Manuscript.

RosBusinessConsulting. 2008. A Review of the Russian Software Market and Development. goo.gl/LV6X9.

Russian Antitrust Service. 2006. Сеть '505' пода-
ла сигнал SOS. 18 сентября. goo.gl/ejY7r.

Russian Law Online. 2010. His Name is Nikita. Oc-
tober 28. goo.gl/YuaA4.

Schulze, Hendrik, and Klaus Mochalski. 2009. In-
ternet Study 2008/2009. Leipzig: ipoque.

Screen Digest. 2008. Video Market Monitor: Rus-
sia. London: Screen Digest. goo.gl/QLCwl.

Tapalina, V. S. 2006. Экономический потенциал
населения России начала XXI века. goo.gl/ASENM.

Vershinen, Alexander. 2008. Взяли на испуг //
Smart Money/Ведомости. 18 февраля. goo.gl/fY0Ms.

Vitaliev, G. 1996. Какие законы и как работают в
государстве российском. Софт маркет 3.

World Bank. 2010. Databank: GDP per capita
(current US\$). goo.gl/Pcq4W.

**Авторские права в интернете.
Перспективы системы авторского права
и поддержка общественного достояния**

*Иван Засурский, Владимир Харитонов,
Станислав Козловский, Анастасия Алексеева*

Редактор *В. Харитонов*
Корректор *Б. Левина*

НП «Ассоциация интернет-издателей»
webpublishers.ru

